Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Бершадская Светлана Вячеславовна

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЙНОГО СООБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Специальность 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Гонина Наталья Владимировна

Красноярск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ …… 3

ГЛАВА 1. МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. ……..... 42

1.1. Формирование музейно-культурного пространства в конце XIX в. – 1914 г. ……..... 42

1.2. Особенности музейной деятельности в 1914 – 1919 гг. ……..…… 69

1.3. Развитие музейной сферы и условия деятельности музейного сообщества в 1920 – 1926 гг. .....…. 82

ГЛАВА 2. МУЗЕЙНОЕ СООБЩЕСТВО ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГГ. ……..…. 116

2.1. Особенности профессиональной деятельности музейного сообщества: развитие музейного пространства ……..……..… 116

2.2. Общественная деятельность музейного сообщества. Создание заповедника Столбы ……..……..……... 159

2.3. Музейное сообщество в восприятии современников ……..…. 181

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ……..……..……... 195

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ……..…..... 203

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Профессиональные и социально-демографические характеристики сотрудников Государственного музея Приенисейского края в первой половине 1920-х гг. ……..… 253

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Справочные материалы по Государственному музею Приенисейского края в первой половине 1920-х гг. ……..……. 264

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Справочные материалы, характеризующие музейно-культурное пространство Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. ……... 270

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется ролью деятельности музейного сообщества в формировании и развитии музейно-культурного пространства, значимым институтом которого является краеведческий музей, как научно-просветительное учреждение, осуществляющее поиск, сбор, хранение, изучение, восстановление, популяризацию памятников истории, культуры и природных объектов «российской провинции в ее местных вариантах»[1]. Успешное осуществление общественно-профессиональной миссии музея находилось и продолжает во многом зависеть от деятельности его сотрудников, интеграции в региональное социокультурное пространство. На современном этапе существенное содействие в поиске оптимальных моделей взаимодействия музея, общества и государства может оказать историческое обоснование понимания музея как системы, прежде всего, социальной, фундаментальной составляющей которой выступает коллектив музея, чей профессиональный уровень, созидательная активность и организованность являются системообразующим фактором реализации учреждением своего позитивного потенциала[2]. О внимании государства и общества к необходимости расширения роли музеев, в том числе краеведческих, в условиях стремительно меняющихся культурных процессов свидетельствуют проведение конкурсов профессионального мастерства, учреждение специальных премий за культурно-просветительскую деятельность, принятие национальных проектов «Культура», «Творческие люди»[3].

---

[1] Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, историографии, методов исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральск. Ун-та; Омск: Омск. Гос. Ун-т, 2003. С. 35.

[2] Шелегина О.Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. С. 3; Труевцева О.Н. Операциональная концепция понятия термина "музей". Горно-Алтайск: Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина, 2018. С. 127.

[3] Заседание дискуссионного клуба «Валдай». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444; Всероссийский конкурс профессионального мастерства «Творцы культуры» URL: https://roskonkurs.com/ru/competitions-educators/vserossiyskiy-konkurs-professionalnogo-masterstva-v-oblasti-kultury-i-iskusstva-tvortsy-kultury/; Ежегодная Просветительская Премия «Знание»; Федеральный проект «Творческие

В этой связи интерес представляет советский период музейной деятельности, беспрецедентный по масштабам и темпам формирования музейно-культурного пространства, прежде всего, на региональном уровне. При этом наибольшую ценность представляет информация о людях, стоявших у истоков советского музейного дела, успешно адаптировавших деятельность музеев, существовавших с досоветского периода, в новую социокультурную реальность. Без изучения истории развития локальных музейных сообществ, выявления факторов их позитивного влияния на социокультурную сферу в конкретный исторический период история советских музеев окажется неполной.

В первой половине 1920-х гг. в условиях Сибири специалисты музейной сферы были исключительно немногочисленны, формировали уникальные профессиональные сообщества в рамках своей территории. Несмотря на минимальную численность и ограниченные финансовые возможности в условиях максимального объема социально-значимых задач, требовавших решения в кратчайший период, они оказали существенное влияние на развитие музейно-культурного пространства региона. Актуальность исследования обусловлена также необходимостью внедрения исторического опыта профессиональной и общественной деятельности музейного сообщества Енисейской губернии как фактора позитивного воздействия на социокультурную сферу отдаленной от центра территории в первой половине 1920-х гг. Обращение к заявленной в диссертационной работе проблематике позволяет инициировать поиск путей решения важной исследовательской проблемы – выявления особенностей процессов, лежащих в основе развития музейного сообщества, как особой социально-профессиональной группы, и определении ресурсной базы сообщества, как актора культурного пространства в переходный исторический период в кратких временных рамках.

люди» URL: https://premiya.znanierussia.ru/?utm_source=yandex_network&utm_medium=cpc&utm_term.

Степень изученности темы исследования. В Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. действовали музеи «местного края»[4]. Изучение деятельности музеев краеведческого типа основывается на междисциплинарном подходе и выявляется в процессе последовательного проблемно-хронологического рассмотрения в рамках советской (1917–первая половина 1980-х гг.) и современной (вторая половина 1980-х гг.–текущий период) историографических традиций[5].

В советской отечественной историографии проблемы формирования и развития музейного сообщества, влияния его профессиональной и общественной деятельности на культурное пространство провинциальных территорий не становились предметом специального исследования. Тем не менее, деятельность музеев привлекала внимание ученых, общественно-политических деятелей и нашла отражение в значительном числе публикаций уже в 1920-е гг. Научный и общественный интерес можно объяснить тем, что в период становления Советского государства, поставившего цель создания принципиально «нового» культурного пространства и столкнувшегося с необходимостью адаптации его «старых» институтов к изменившейся социокультурно обстановке[6], музеи рассматривались как важный фактор формирования «нового» досуга и «дела народного образования»[7]. Рост музейной составляющей в структуре досуговой

[4] Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902). Казань: Типо-Литография Императорского университета, 1902. 260 с.; Кытманов А.И. Енисейский общественный местный музей и общественная публичная библиотека. Енисейск: издание М.А. Абалакова, 1886. 64 с.; Двадцатипятилетние Красноярского городского музея (1889–1914). Красноярск: Енисейская губернская эл.-типография, 1915. 166 с.

[5] Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 683 с.; Томилов Н.А. Музееведческое направление в трудах омских исследователей: к его истории и периодизации (часть 1. 1910–1980-е гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2023. № 24. С. 16–26.

[6] Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между октябрьской революцией и эпохой сталинизма. Спб.: Журнал «Нева», 2006. 416 с.; Сидорчук И.В. Досуг городского населения России в 1918–1935 гг.: дис. … доктора ист. наук. Санкт-Петербург, 2023. С. 5.

[7] Луначарский А.В. Конференция по делам музеев. Речь А.В. Луначарского // Искусство коммуны. 1919. № 11. С. 3; Луначарский А.В. Интеллигенция и революция. А.В. Луначарский в Омске. Омск, 1923. С. 26–35; Луначарский А.В. Место просвещения в советском строительстве. К первому Всесоюзному учительскому съезду. Красноярск: Издание Енгубревкома РКП(б), 1924. С. 4–11; Корнилов П. Жизнь музея // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете им. В.И. Ленина. 1925. Т. XXXIII. Вып. I. С. 154–155.

деятельности и системе просвещения советских граждан отмечался в публикациях П.К. Казаринова[8], А.И. Дзенс-Литовского[9], Н.Н. Павлова-Сильванского[10], В.К. Гринкевича[11]. Авторы связывали данный факт с проникновением «в низовые ячейки» «краеведной» работы, указывая на ведущую роль «низового аппарата» в практических историко-краеведческих исследованиях, и сформулировали задачу «изучения местной жизни» – которая могла выражаться в просветительской деятельности, охране памятников искусства и природы – как неотъемлемую часть «содействия …прогрессу». На востребованность «музейного» досуга среди сибиряков указывал член Наркомата просвещения РСФСР Н.В. Вихирев в работе, освещавшей состояние народного просвещения в Сибирском крае[12]. Становление историографии музеев Сибири в 1920-е гг. подробно рассмотрено в трудах современной исследовательницы Л.А. Лозовой[13]. К результатам исследования автора необходимо добавить несколько важных для рассматриваемой проблематики публикаций. Интерес представляют работы краеведа, музейного деятеля Г.И. Черемных. В статье «О музеях» указывалось на изменение вектора работы сибирских музеев после установления Советской власти. Сравнивая досоветские музеи с кунсткамерами «малодоступными для обзора публики», автор предложил концепцию музея как самостоятельного учреждения, популяризаторская работа и привлечение к историко-краеведческим исследованиям широких масс населения трактовались как важнейшие стимулы

[8] Казаринов П.К. Сибирское краеведение // Сибирская живая старина. 1924. Вып. II. С. 159–190.
[9] Дзенс-Литовский А.И. На новых путях краеведной работы (проблема производственного краеведения) // На новых путях краеведной работы. Л.: Культурно-просветительное товарищество «Образование», 1926. С. 3–18.
[10] Павлов-Сильванский Н.Н. Краеведение, как социальное явление, его сущность, задачи и организационные формы // На новых путях краеведной работы. Л.: Культурно-просветительное товарищество «Образование», 1926. С. 19–33.
[11] Гринкевич В.К. Краеведение и марксизм // На новых путях краеведной работы. Ленинград: Культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование». 1926. С. 52–67.
[12] Вихирев Н.В. На культурном фронте // О состоянии народного с просвещения в Сибирском крае и об основных задачах его строительства. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. С. 20.
[13] Лозовая Л.А. История изучения музейного дела западной Сибири первого послереволюционного десятилетия (1920-е – начало 1990-х годов): дис. … канд. ист. наук. Томск, 2013; Лозовая Л.А. Становление историографии музейного дела западной Сибири (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №6 (26). С. 199–201.

развития учреждения[14]. В статье «Научно-исследовательская работа в Сибири» был рассмотрен законодательный дискурс музейного дела; для целей настоящей диссертационной работы значение имеет вывод о влиянии принятых нормативно-правовых актов на трудовую повседневность сотрудников музеев[15]. Косвенно вопросы формирования регионального музейного сообщества были затронуты в статье краеведа, историка А.Н. Турунова, отмечавшего роль «инициативных работников» музеев в создании сибирских обществ краеведения и наоборот[16]. Таким образом, несмотря на описательный характер, работы раннесоветского периода не только дают, по определению сибирского историка М.Д. Северьянова, представление о логике «социально-экономических и политических процессов общества в его конкретно-исторический период»[17], но и содержат необходимый фактический материал и рассматривают краеведческие музеи как культурно-просветительные учреждения.

С увеличением масштаба вмешательства государства в музейно-культурное пространство, авторами конца 1920-х – 1940-х гг. деятельность музеев рассматривалась через призму необходимости переориентировать музейное дело в «русло социалистического строительства», тем не менее уделялось внимание практическим вопросам: повышению уровня профессиональной подготовки сотрудников[18], организации выставочно-экскурсионной работы[19]. Публикация

---

[14] Черемных Г.И. О музеях // Жизнь Сибири. 1924. № 10 (26). С. 99–101.

[15] Черемных Г.И. Научно-исследовательская работа в Сибири // Жизнь Сибири. 1924. № 10 (26). С. 95–101.

[16] Турунов А.Н. Краеведческая работа в Сибири // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 123–126.

[17] Северьянов М.Д. Нэп и современность: полемические заметки. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 1991. С. 15.

[18] Луппол И.К., Шнеерсон А.Н. Ко всем музейным учреждениям. М.: Огиз, 1931. 16 с.; Луппол И.К. Диалектический материализм и музейное строительство: доклад на Первом Всероссийском съезде 1 декабря 1930 г. М.; Л.: Нар. ком. прос. РСФСР. Сектор науки. 1931. 32 с.; Лидак Я.Г. За новые методы музейной работы // Советский музей. 1932. № 2. С. 115–117; Соловьев К.А. Краеведческие музеи и политехнизация школы // Советский музей. 1932. № 2. С. 8–18; Безсонов С.В. Подготовка музейных кадров // Советский музей. 1931. № 1. С. 23–26; Романовская Н.В. О методическом руководстве экскурсоводческими кадрами в музеях// Советский музей. 1936. № 4. С. 52–57.

[19] Козлова О.Т. Школьные экскурсии в музее по исторической экспозиции. Школьные экскурсии в музей по исторической экспозиции. М: [б/и], 1940. 32 с.; Закс А.Б. Методика построения экспозиции в краеведческом музее. М.: Госкультпросветиздат, 1949. 52 с.

«Сибирской Советской энциклопедии» продолжила развитие историографии сибирских краеведческих музеев. Несмотря на изменения вектора научных исследований, авторы, участвовавшие в ее создании, продолжили связывать формирование региональной музейной сети с развитием научной общественности, приступившей в середине XIX в. к изучению региона; отметили научно-исследовательскую направленность работы отделов ИРГО, объединивших «верхушечные» слои интеллигенции, купечества и служивого чиновничества, экспедиционная деятельность которых заложила фундамент первых музеев. В качестве одного из примеров успешности такой деятельности отметили создание музея в Минусинске; указали на результативность научной и просветительской деятельности Красноярского краеведческого музея[20].

Углубление научного и общественного интереса к истории музеев в 1950 – 1960-е гг. стимулировало дальнейшее формирование историографии музейного дела. Фактический материал, представляющий интерес для заявленной проблематики, содержится в работах серии «Очерки истории музейного дела». Несмотря на то что исследование А.Б. Закс посвящено деятельности Государственного музея Революции СССР в 1924 – 1934 гг., тем не менее оно является значимым, так как положительные оценки в отзывах посетителей, рост посещаемости стали основанием для вывода автора о важности музея в культурном пространстве не только столицы, но и всей страны[21]. Исследуя становление музейной сети на территории РСФСР, О.В. Ионова указала на просветительную направленность деятельности краеведческих музеев в 1920-е гг.[22] Д.А. Равикович рассмотрела участие представителей различных социальных слоев населения в создании музеев, проанализировала их деятельность во второй половине XIX в. –

[20] Сибирская советская энциклопедия. Том 3. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. С. 572.
[21] Закс А.Б. Из истории Государственного музея Революции СССР (1924 – 1934 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Вып. V. М.: Министерство культуры РСФРС, 1963. С. 27.
[22] Ионова О.В. Создание сети краеведческих музеев в РСФСР. М.: Госкультпросветиздат, 1957. С. 37–58; Ионова О.В. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток // Очерки истории музейного дела в России. Вып. V. М.: [б/и], 1963. С. 84–118.

1917 гг., в том числе в Енисейской губернии[23], продолжив, таким образом, формирование научного нарратива истории профессиональных сообществ. Сибирская историография пополнилась публикацией краткого исторического очерка становления и развития Иркутского краеведческого музея[24], результатами исследования вклада музеев в культурно-массовую работу[25]. Огромное влияние на формирование вектора научных исследований советской культурной политики, сибирской культуры и интеллигенции в 1920-е гг. оказали труды В.Л. Соскина. Работы, содержащие периодизацию этапов культурного строительства 1920-х гг., рассматривающие вопросы создания новых музеев, посвященные деятельности РГО по привлечению обычных сибиряков к историко-краеведческим исследованиям в этот период, внесли существенный вклад не только в становление историографии интеллигенции, но и научных сообществ[26].

В публикациях 1970-х – первой половины 1980-х гг. ученые отдавали приоритет выявлению идеологической направленности деятельности музеев[27]. Важным фактором формирования историографии стала публикация пособия «Музееведение: Музеи исторического профиля», в котором было отмечено активное развитие музейной сети в СССР в 1920 – 1930-е гг., введен термин «музейная потребность», отмечено, что историография музейного дела призвана не только выявлять проблематику науки во взаимосвязи с различными социально-экономическими факторами, но и прогнозировать тенденции развития

---

[23] Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века (1861 – 1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М.: Советская Россия, 1960. С. 145–223.

[24] Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. 225 с.

[25] История Сибири с древнейших времён до наших дней. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. Л: «Наука», Ленинградское отделение, 1968. 501 с.

[26] Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (Конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1965. 281 с.; Соскин В.Л. Культурное строительство Сибири в 20–30-е годы // Историография советской Сибири (1917–1945 гг.). Новосибирск: Наука, 1968. 41 с.; Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921-1923 гг.). Новосибирск: Наука, 1971. 349 с.

[27] Василенко А.С. История возникновения и развития народных музеев Украины и их роль в коммунистическом воспитании трудящихся: автореф. дис. …канд. ист. наук. Одесса: [б/и], 1971; Актуальные вопросы деятельности общественных музеев. М.: Сов. Россия, 1980. 102 с.; Разгон А.М. Задачи работы музеев в свете решений XXVII съезда КПСС. М.: [б/и], 1986. 92 с.

дисциплины[28]. С точки зрения выявления роли краеведческих музеев в культурном пространстве сибирских регионов, содержательными являются труды сибирских историков. Исследование истории создания Омского государственного исторического и литературного музея позволило выявить взаимосвязь выставочно-экспозиционной деятельности музея и динамики его посещаемости[29]. Были опубликованы монографии, в которых авторы раскрыли жизненный путь исследователей Сибири, их вклад в создание сибирской музейной сети[30]. Деятельность музеев Енисейской губернии в 1920-е гг. не получила должного освещения. Одной из немногочисленных публикаций является путеводитель «Историко-революционные памятники и музеи города Красноярска» директора Красноярского краеведческого музея З.К. Глусской, в котором изложен фактический материал, касающийся исторических мест и историко-революционных музеев города, лакуной исследования осталось выявление взаимосвязи музеев с культурным пространством описываемого времени[31]. Таким образом, направления исследований в советский период обусловили трактовку музеев как учреждений, прежде всего, политических, сфокусировав внимание ученых не на людях, а на музейных процессах в целом, участии краеведческих музеев в идеологической работе среди широких масс населения, авторами не уделялось должного внимания человеческому фактору в развитии музейно-культурного пространства.

В современной отечественной историографии продолжена традиция раннесоветского периода рассмотрения краеведческих музеев как культурно-

---

[28] Музееведение: Музеи исторического профиля. М.: Высш. шк., 1988. С. 42, 25.

[29] Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. 225 с.

[30] Гранина А.Н. Музей над озером (Путешественники, исследователи Сибири: И.Д. Черский, В.А. Обручев, Б.И. Дыбовский, С.П. Перетолчин.). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. 104 с.; Томина В.П. Краеведческая и библиографическая деятельность А.Н. Турунова (1893 – 1954 гг.) // История сибирской библиографии. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН СССР, 1978. Вып. 41. С. 94–114; Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 175 с.

[31] Глусская З.К. Историко-революционные памятники и музеи города Красноярска. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1978. 144 с.

просветительных учреждений, деятельность которых способствует повышению уровня культурного запроса местных социумов.

В конце 1980-х – 2000-е гг. в работах рассматривались проблемы функционирования краеведческих музеев в социокультурном пространстве 1920-х гг. в контексте повышения качества музейной деятельности. Как составную часть образовательной и культурной политики Р.С. Рашитова исследовала возникшие в 1920 – 1930-е гг. формы работы музеев со школьниками, обосновала необходимость их возрождения[32]. Т.М. Луговая рассмотрела историю отношений провинциальных музеев и краеведческих организаций, определила период 1920-х гг. как этап расцвета практических историко-краеведческих исследований, ставших, по мнению автора, важнейшим фактором формирования музейной сети Татарии[33]. И.В. Лысцева проанализировала совместную деятельность сотрудников музеев и общества истории и древностей Калужского края, выявила ее роль в расширении экспозиций музеев и популяризации исторических знаний[34].

Активизировали выявление степени влияния краеведческих музеев на формирование культурного пространства сибирского макрорегиона в 1920-е гг. сибирские ученые. Несмотря на недостаточную исследованность развития музейного дела, системное описание коллекций, экспедиционной деятельности музейных работников позволило авторам проанализировать динамику развития учреждений, выявить их связь с историей развития сибирских территорий, информационный потенциал в повышении уровня культуры местного социума. Ведущей тенденцией стала систематизация материалов по формированию региональной музейной сети. Прежде всего, в ряде диссертационных исследований. Г.В. Найдакова отметила недостаточную развитость культурно-просветительных и учебных учреждений в Восточной Сибири и связала данный

---

[32] Рашитова Р.С. Работа музеев РСФСР со школьниками (1920 – 1930 гг.) // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1988. С. 134–149.

[33] Луговая Т.М. Взаимодействие музеев и краеведческих обществ Татарии в деле комплексного изучения края (1917 – 1937 гг.) // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1988. С. 117–133.

[34] Лысцева И.В. Эволюция отношений музея и исторического краеведения (Калужская область) // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1988. С. 150–164.

факт с тем, что именно на создаваемые музеи возлагались задачи развития у местного населения исторического сознания, патриотического и интернационального воспитания[35]. Л.А. Чурилова выявила ведущую роль музейных учреждений в сохранении и развитии культуры народностей Севера[36]. Т.М. Назарцева исследовала развитие музейного дела в Омской области, отметив просветительскую деятельность музеев как одно из основных направлений работы[37]. Хотя в докторской диссертации О.Н. Труевцевой практически отсутствует материал, отражающий деятельность сибирских краеведческих музеев в раннесоветский период, она представляет для настоящей диссертационной работы значимый интерес с точки зрения опыта выявления процессов взаимодействия музея и посетителя, факторов формирования отношения местного социума к сохранению культурного наследия региона[38]. Важное значение для формирования сибирской историографической тенденции имело появление авторской методологической модели «интеллигенция – культура – город» В.Г. Рыженко, акцентирующей необходимость изучения музейного дела во взаимосвязи с культурной средой[39]. Среди немногочисленных публикаций этого этапа, исследующих деятельность практиков музейного дела 1920-х гг., необходимо выделить работы Н.А. Томилова, отметившего ведущую роль членов обществ краеведения в организации музеев Новосибирской области[40],

---

[35] Найдакова Г.В. История создания и развития музейного дела в национальных районах Восточной Сибири. 1917 – 1980 гг.: (На материалах Бурят. АССР, Агинского и Усть-Ордынского бурят. нац. округов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990.

[36] Чурилова Л.А. Роль музеев в сохранении и развитии культуры народностей Севера (1917 – 1980 гг.): дисс. …кан. ист. наук. М., 1991.

[37] Назарцева Т.М. Развитие музейного дела в Омской области // Музееведение Западной Сибири. Омск: ОмГУ. 1988, С. 14–16; Назарцева Т.М. Развитие музейного дела в Омской области // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1994. № 3. С. 37–46.

[38] Труевцева, О. Н. Историко-краеведческие музеи Сибири во второй половине XX века: дис. … доктора ист. наук. Томск, 2000.

[39] Рыженко В.Г. Музеи в культуре сибирских городов в первой трети XX в. // Проблемы музееведения и народная культура. Новосибирск: Наука, 1999. С. 35–64.

[40] Томилов Н.А. К истории Новосибирского областного краеведческого музея // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 96–102; Томилов Н.А. Интеллигенция в музейном деле Западной Сибири 1920-х гг. // Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX в.). Омск: [б/и], 1993. С. 79–81.

Л.М. Колесник – Иркутского краеведческого музея[41], и О.В. Гефнер, рассмотревшей роль военных в организации Омского музея[42]. На данном этапе вышли в свет сборник «Закрытый музей» и «Красноярский краевой краеведческий музей: путеводитель», в которых авторы выявили основные направления работы музея описываемого времени[43]. Важной для рассматриваемой проблематики является публикация Н.П. Макарова в сборнике «Сто знаменитых красноярцев», прослеживающая трудовой путь А.Я. Тугаринова, в том числе, на посту директора Государственного музея Приенисейского края[44].

Текущий период исследований представляет значительный объем трудов, в которых, благодаря расширению источниковой базы и применению новых подходов, российские ученые продолжают выявлять особенности деятельности краеведческих музеев 1920-х гг., обобщают результаты научного изучения советского музейного опыта, отмечают связь социокультурных трансформаций, обусловленных процессами модернизации в России на рубеже XIX – XX вв., с трансформациями сознания и поведения человека раннесоветского общества[45].

Одной из основных особенностей периода является появление историографических исследований музейного дела 1920-х гг. Исключительно важными для обоснования хронологических рамок настоящей диссертационной работы являются публикации, в которых деятельность музеев первой половины 1920-х гг. выделяется в качестве особого этапа развития музейной сферы. Так, И.Г. Малковой, О.Н. Шелегиной, Н.П. Рязанцевым, Ю.Г. Саловой, О.А. Ландик, Н.М. Дмитриенко, Л.А. Лозовой, К.О. Жеребцовой, И.А. Черкасовым,

---

[41] Колесник Л.М. Иркутский областной краеведческий музей // Все музеи Северо-Запада России. СПб., 2001. № 9–10 (21–22). С. 14–18; Колесник Л.М. ВСОРГО и музейное дело в Иркутске. Иркутск, 2001. Вып. 8. С. 5–25.

[42] Гефнер О.В. Роль военных в организации Омского музея // Музей и общество на пороге XXI в. Омск: [б/и], 1998. С. 148–150.

[43] Закрытый музей. Красноярск: Красноярский краеведческий музей, 2000. 59 с.; Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 2002. 127 с.

[44] Макаров Н.П. "Тугаринов у нас один!". Сто знаменитых красноярцев. Красноярск: Издательские проекты, 2003. С. 173–177.

[45] Поршнева О.С. Сознание и поведение человека раннесоветского общества: предпосылки, этапы, характер трансформации // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 370.

В.Г. Ананьевым музеи 1920-х гг. рассматриваются как культурно-просветительные учреждения; отмечается изменение вектора государственной политики в отношении музеев к середине 1920-х гг.[46] На основе широкого круга источников XIX – первой трети XX вв. ученые проанализировали становление сети музеев, показали, как под влиянием политических факторов к началу 1930-х гг. в стране наметились изменения парадигмы музееведения[47]. Рассмотрев публикации Н.К. Ауэрбаха, М.Б. Шатилова, Ф.В. Мелехина, М.П. Копотилова и др., Л.А. Лозовая отметила их несоответствие выдвинутому к концу 1920-х гг. тезису о том, что «подлинное историческое знание – это познание необходимости и

[46] Малкова И.Г. Городские музеи в культурном пространстве уральского города второй половины XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249). С. 52; Шелегина О.Н. Роль музеев в формировании и трансляции позитивного имижда сибирского региона // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 74–80; Шелегина О.Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход: автореф. дис. ... доктора ист. наук. Томск, 2012. С. 35; Лозовая Л.А. История изучения музейного дела западной Сибири первого послереволюционного десятилетия (1920-е – начало 1990 - х годов): дис. … кан. ист. наук. Томск, 2013; Рязанцев Н.П., Салова Ю.Г. Ярославский художественный музей в 1917 – 1930 гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2017. № 1. С. 39–53; Ландик О.А. Музейное дело в Омской области: опыт историографического изучения // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 280–285; Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 193–198; Дмитриенко Н.М., Жеребцова К.О. 1-й Всероссийский музейный съезд и его влияние на сибирские музеи // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 33. С. 222–235; Черкасов И.А. История Красноярского краевого краеведческого музея в 1926–1940 гг. // Век подвижничества-4. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2022. С. 52–113; Ананьев В.Г. "Настоящий состав музейных работников неудовлетворителен...": советская научная политика и подготовка музейных кадров в Ленинградском коммунистическом политико-просветительном институте имени Н.К. Крупской в конце 1930-х гг. – начале 1940-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2023. Т. 14. № 11 (133).

[47] Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А., Бутенко М.А., Глухов В.С. Музееведение как комплекс знаний о музейном деле: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 34–41; Дмитриенко Н.М., Бутенко М.А., Глухов В.С., Лозовая Л.А. Российское музееведение 1930 – 2010-х гг.: опыт историографического изучения // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 70–81; Ландик О.А. Музейное дело в Омской области: опыт историографического изучения // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 280–285; Томилов Н.А. Историография российского музееведения: вопросы периодизации // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. 2020. С. 24–35; Томилов Н.А. Музееведческое направление в трудах омских исследователей: к его истории и периодизации (часть 1. 1910 – 1980-е гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2023. № 24. С. 16–26.

неизбежности утверждения коммунизма…»[48]. Другой отличительной чертой периода является появление публикаций, в которых авторы исследуют законодательный нарратив музейного дела, указывают на необходимость анализа нормативно-правовых актов для выявления характеристик деятельности музеев по сохранению культурного наследия, взаимоотношений органов государственной власти, музеев[49] и историко-краеведческих обществ[50].

Интерес для рассматриваемой проблематики представляют работы, посвященные музеям столичного региона в 1920-е гг. В.Г. Ананьев проанализировал ход дискуссий вокруг объема участия музеев в культурно-просветительной работе, связал создание на базе Ленинградского коммунистического политико-просветительного института центра подготовки музейных работников в 1930-е гг. с неудовлетворенностью власти уровнем

---

[48] Лозовая Л.А. Становление историографии музейного дела западной Сибири (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №6 (26). С.199–201.

[49] Постернак О.П. Музейная политика России и судьба религиозного культурного наследия в 1920 – 1930-х гг. (по материалам Донского и Страстного монастырей): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2006; Рыбак К.Е. Музей в нормативной системе: историко-культурологический анализ: автореф. дис. ... доктора культурологии. СПб., 2006; Нестеров Е.А. Законодательные акты как источник изучения алтайских музеев XIX – начала XXI в // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 57–60; Кругликова Г.А. Государственная политика в области культуры в 1920-е гг.: опыт и уроки // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Екатеринбург, 2016. С. 185–193; Татаренкова Н.А. Культурное наследие России в новых политических реалиях (1917–1927 гг.) // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2019. № 1. С. 20-30; Ильина Е.В. Иркутская картинная галерея в 1920-е годы: обзор документальных источников государственного архива Иркутской области // Сибирский архив. 2019. Т. 1. № 6. С. 1–8; Огуренко Е.В. Музейное строительство в Уральской области (1923-1934): по материалам государственного архива Свердловской области // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 2. С. 98–112.

[50] Рыженко В.Г. Краеведение российской провинции как социокультурный феномен и сегмент современного коммуникативного поля науки // Краеведение как феномен провинциальной культуры. 2011. С. 39–47; Муратова Е.А., Шакирова З.Ш. Деятельность тюменского общества научного изучения местного края в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №5 (25). С. 152–155; Кокоулин В.Г., Михалин В.А. Научное изучение Сибири в первые годы нэпа // Актуальные вопросы истории Сибири. 2015. С. 74–76; Томилов Н.А. Краеведы Сибири в монографических изданиях конца XX – первых десятилетий XXI века // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития. Омск. 2022. С. 18–24; Филимонов А.В. Роль Западно-сибирского отдела Русского географического общества в процессе передачи здания генерал-губернаторского дворца музею (1917 – 1923) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2023. № 24. С. 49–59.

профессиональной подготовки сотрудников музеев[51]. Важен вывод О.А. Туминской об изменении классового состава посетителей Русского музея по сравнению с досоветским периодом, опоре сотрудников на наглядный принцип подачи экспонатов для малограмотных посетителей[52].

Важность представляют исследования, проведенные на материалах провинциальных музеев 1920-х гг. В диссертационной работе Н.А. Ереминой, посвященной истории музейного дела Оренбургской области в XIX – XX вв., во второй главе рассматривается послереволюционный период. Автор указала, что несмотря на то, что определяющим стало установление государственного контроля над деятельностью музеев, безразличие органов местной власти «обрекло музеи на прозябание»[53]. В работе В.Г. Беседина, выполненной на материалах общественных музеев Курской области в 1920-е – 1991 гг., заявлена тема участия музеев в повседневной жизни провинциального населения. Однако, роль музеев в повседневности жителей 1920-х гг. сводится к анализу форм участия обществ краеведения в открытии музеев на территории области и методов использования государством потенциала музеев в организации идейно-политического воспитания населения страны[54]. Продолжили формирование историографии статьи, рассматривающие различные направления музейной деятельности. Выставки, ставшие частью политико-просветительской работы музеев Тамбовской губернии, Ю.В. Щербининой проанализированы как метод расширения «географии»

---

[51] Ананьев В.Г. "Строительство музеев должно быть основано на научной базе": к истории формирования концептуальной модели музея в раннесоветский период // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 133–137; Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. "Нужен совершенно новый музей": Российская академия истории материальной культуры и проект создания Центрального музея истории материальной культуры в 1920-е гг. // Краткие сообщения Института археологии. 2022. № 267. С. 437–449; Ананьев В.Г. "Настоящий состав музейных работников неудовлетворителен...": советская научная политика и подготовка музейных кадров в Ленинградском коммунистическом политико-просветительном институте имени Н.К. Крупской в конце 1930-х гг. – начале 1940-х гг.

[52] Туминская О.А. Просветительская деятельность Русского музея в 1920-х – 1940-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2020. Т. 11. № 1 (87). С. 7.

[53] Ерёмина Н.А. История становления и развития музейного дела в Оренбургском крае в XIX – XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2006.

[54] Беседин В.Г. Общественные музеи Курской области в повседневной жизни населения (1920-е – 1991 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск, 2013.

музеев[55]. Решающая роль известных столичных специалистов и местных краеведов в создании художественного музея в Ярославле в 1922 г. выявлена Н.П. Рязанцевым и Ю.Г. Саловой[56]. Ю.Г. Салова указала на отсутствие интереса со стороны посетителей к музеям революции[57].

Значимыми для заявленной проблематики являются диссертационные работы, выполненные на материалах сибирского макрорегиона и рассматривающие влияние сибирских музеев на региональное культурное пространство, взаимодействие музеев, социумов и органов власти в 1920-е гг. Так, С.Е. Григорьева, исследовав историю Томского музея, выявила, что деятельность губернского комитета по делам музеев являлась одним из важнейших факторов открытия музея; среди основных источников поступлений музейных предметов отметила дары частных лиц и организаций[58]. А.О. Дыртык-оол связала создание первого тувинского музея с деятельностью краеведческого общества «Урянховедение»[59]. Т.Н. Феоктистовой указывалось на помощь сотрудников минусинского музея в становлении музейной сети Хакасии[60]. В публикациях Е.И. Красильниковой отмечается влияние культурной жизни на пополнение фондов краеведческих музеев, сохранение в музейном деле преемственности с дореволюционным периодом на протяжении 1920-х гг.[61] Е.А. Коляскиной и

---

[55] Щербинина Ю.В. Музейные выставки как часть политико-просветительской работы музеев Тамбовской губернии в 1920 – 1941-х гг. XX в. // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Том 21. № 7–8 (159–160). 2016. С. 123–132.

[56] Рязанцев Н.П., Салова Ю.Г. Ярославский художественный музей в 1917 – 1930 гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2017. № 1. С. 39–53.

[57] Салова Ю.Г. Провинциальные музеи революции в 1920-е гг.: проекты и практика // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 76–85.

[58] Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920 – 2000-е гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2011.

[59] Дыртык-оол А.О. Становление и развитие музейного дела в Туве, 1921 – 2000 гг.: дис. … канд. ист. наук. Кызыл, 2002.

[60] Феоктистова Т.Н. История становления и развития музейного дела в Хакасии в XX веке (1928 – 2003 гг.): авторефер. дис. … канд. ист. наук. Улан-Уде, 2004.

[61] Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в музейных экспозициях Томска и Новосибирска 1920-х гг. // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск. 2009. С. 83–89; Красильникова Е.И. Проблемы репрезентации коллективной памяти о прошлом в музейной экспозиции Государственного Западно-сибирского краеведческого музея (1920-е – первая половина 1941 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 1. С. 155–160; Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического

Н.С. Грибановой выявляется роль Бийского краеведческого музея в изучении народов Алтая[62].

Роль «личности в истории» сибирского музея затронута в диссертации Н.Н. Закаблуковской, посвященной музейному делу Восточного Забайкалья в конце XVIII в. – 1930 г. Отмечена роль А.К. Кузнецова в продолжении реализации Забайкальским областным музеем своих хранительной, научно-исследовательской и просветительной функций в годы революций и Гражданской войны[63]. Проблема персонификации истории музеев рассмотрена также в ряде статей. Скорректировав факты организации управления музейным делом в раннесоветский период, С.Е. Григорьева обосновала ведущую роль М.Б. Шатилова в создании Томского краеведческого музея и выявила представления ученого о музее как общественно-научном учреждении[64]. Публикацию официальной автобиографии Ф.В. Мелехина – «красного директора» Государственного Западно-Сибирского краевого музея в 1923–1929 гг. – подготовил А.В. Жук. Важным является вывод автора о способности директора собрать в музее «действительно замечательную когорту

прошлого в экспозиции омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 91–103; Красильникова Е.И. Проблемы репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского краеведческого музея (1929 – первая половина 1941 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 4 (27). С. 51–59; Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторические символы революции и гражданской войны в публичном пространстве сибирских городов: изгибы политики памяти (1920 – 2010-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7. № 2 (26). С. 58–69; Красильникова Е.И., Вальдман И.А. История городов западной Сибири в репрезентациях журнала "Сибирские огни": политические и историко-краеведческие контексты 1920 – 1940-х годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 428–448.

[62] Коляскина Е.А. "Собирание" и экспонирование этнографии Бийском краеведческим музеем в 1920-е гг. // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2021. № 16. С. 206–211; Грибанова Н.С., Коляскина Е.А. Формирование регионального центра по изучению народов Алтая на базе Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки (1920 – 1980-е гг.) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (50). С. 88–94.

[63] Закаблуковская Н.Н. Музейное дело восточного Забайкалья (конец XVIII в. – 1930 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004.

[64] Григорьева С.Е. Основание и открытие Томского краеведческого музея // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13). С. 137–140; Григорьева С.Е. Томский областной краеведческий музей: на этапе становления // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 148–152.

своего времени – от просто интересных людей до очень серьезных ученых-профессионалов»[65].

Существенными для рассматриваемой проблематики, несмотря на то что временные рамки не совпадают с рассматриваемым периодом, представляются труды, в которых дается авторское определение музея, определяются его функции в современном социокультурном пространстве. Коллектив авторов монографии «Музееведческая мысль в России XVIII – XX вв.» определяет музей как социальный институт, «формирующий отношение человека к окружающему миру и способствующий его адаптации в этом мире»[66]. Музей, в понимании О.Н. Труевцевой, является учреждением, обладающим адаптивными возможностями выживания в сложных условиях, деятельность которого способствует воспитанию патриотизма[67]. Е.Н. Мастеница одну из важнейших функций музея видит в общении с посетителями. Автор считает, что осуществлению музейной коммуникации способствует восприятие и осмысление информации, транслируемой музейной средой, в процессе которой может происходить социальная адаптация[68]. Интересная точка зрения представлена И.А. Сизовой, демонстрирующей возможности использования современных музеев в качестве нового и активного участника сферы непрерывного

---

[65] Жук А.В. Curriculum Vitae Федора Васильевича Мелехина, составленное им самим // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 1 (9). С. 98.

[66] Музееведческая мысль в России XVIII-XX вв. М.: Этерна, 2010. С. 5.

[67] Труевцева О.Н. Нематериальное культурное наследие и краеведческий музей // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (26). С. 36–40; Труевцева О.Н., Кожокар В.А. Общественные музеи северо-востока Казахстана во второй половине XX – начале XXI в // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 45. С. 224–235; Труевцева О.Н. Историко-краеведческие музеи Сибири во второй половине XX века: дис. … доктора ист. наук. Томск, 2000; Труевцева О.Н. Музеи Сибири во второй половине XX века. Томск: Изд-во Томского университета, 2000. 336 с.; Труевцева О.Н. Коммуникативное пространство музеев Сибири: история и современность // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2. С. 58–62.

[68] Мастеница Е.Н. Личность в пространстве музея: антропоцентрический подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2024. № 53. С. 254–266; Мастеница Е.Н. Музейный потенциал в сохранении утраченного культурного наследия // Культурное пространство: генезис и трансформации. Санкт-Петербург, 2023. С. 44–45; Мастеница Е.Н. Музей в социокультурном пространстве мегаполиса: преодоление границ // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития. Том 1. Улан-Уде: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2019. С. 68–72.

образования[69]. Г.В. Оглезнева рассматривает музей как фактор социальной коммуникации, само существование которого объясняет взаимообусловленностью взаимоотношений между музеем и обществом[70]. Практика тесного сотрудничества музеев–библиотек–архивов исследуется Е.А. Воронцовой как важнейшее условие информационного обеспечения исторической науки социума[71]. В публикациях Л.В. Яшиной[72], Е.В. Саяпаровой[73] отмечаются роль музеев в консолидации общества, недостаточная изученность экологического и правового аспектов музейной деятельности.

Важное значение для исследования путей формирования и развития музейного сообщества имеют ряд трудов, в которых ученые рассматривают пути решения актуальных музейных задач. Так, О.Н. Труевцева к системообразующим факторам деятельности музеев относит профессиональный уровень сотрудников, их организованность и активность. Именно «инициативные личности», по мнению автора, сыграли решающую роль в открытии общественных музеев Сибири во второй половине XX – начале XXI вв.[74] На материалах новосибирского научного

---

[69] Сизова И.А. Музей – активный участник рынка непрерывного образования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 225–231.

[70] Оглезнева Г.В. Музей как фактор социальной коммуникации во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Иркутской губернии) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2-2. С. 12–21.

[71] Воронцова Е.А. Коллаборации музеев – библиотек – архивов и информационное обеспечение исторической науки в обществе (по материалам семинара в ИНИОН РАН) // Библиография и книговедение. 2025. № 1. С. 145–150; Воронцова Е.А. Идея – движущая сила науки: об итогах и перспективах проекта "Роль музеев-библиотек-архивов в информационном обеспечении исторической науки" // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Новосибирск: 2020. С. 44–55.

[72] Яшина Л.В. Развитие музейного дела в Восточной Сибири в 1945–1985 гг.: на материалах Красноярского края и Иркутской области. Иркутск, 2006; Яшина Л.В. Межсистемный подход в изучение вклада музеев Восточной Сибири в культурную жизнь в 1945 – нач. 1990 гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 2 (20). С. 385–387.

[73] Саяпарова Е.В. История создания и развития муниципальных музеев Бурятии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. № 4 (18). С. 271–275.

[74] Труевцева О.Н. Операциональная концепция понятия термина "музей" // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Барнаул. 2018. С. 127; Труевцева О.Н., Кожокар В.А. Общественные музеи северо-востока Казахстана во второй половине XX – начале XXI в // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 45. С. 224–235.

центра СО РАН, О.Н. Шелегина, Н.А. Куперштох, Г.М. Запорожченко, Н.Н. Покровский анализируют системные изменения, происходящие в сибирских музеях, опыт формирования и трансляции идентичности локальных научных сообществ. Под научным сообществом авторы понимают профессиональное сообщество ученых, работающих в единых дисциплинарных рамках, интерпретируют его как сообщество, локализованное на определенной территории и связанное общим научным этосом[75]. Авторы коллективной монографии «Культурологические исследования в Сибири: к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия» отмечают значение лидера для научного коллектива как экзистенциальное условие и решающий фактор его эффективности, важность проведения научных конференций для развития научного сообщества, а также говорят об особой актуальности исследования тем, связанных с культурой и культурным наследием в переходные, кризисные периоды, «когда в динамике перемен необходимо опереться на что-то устойчивое, обладающее идентифицирующим и консолидирующим потенциалом»[76].

Частью историографии, используемой в настоящей диссертационной работе, являются работы зарубежных авторов. Одной из немногочисленных монографий, в которых исследуется музейно-экскурсионная деятельность, как один из механизмов формирования сферы советского досуга в 1920-е гг., является труд Шт. Плаггенборга[77]. Деятельность институтов культурного пространства, в том числе музеев, как способ приобщения коренного населения Бурятии к советскому образу жизни, рассматривается в статье М. Чекерс (Melissa Chakars)[78].

---

[75] Шелегина О.Н., Куперштох Н.А., Запорожченко Г.М., Покровский Н.Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 3. Т. 23. С. 119.

[76] Культурологические исследования в Сибири: к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия. М., Омск: Институт Наследия, 2023. С. 115, 117, 128, 190, 252.

[77] Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 416 с.

[78] Chakars M. Free Time Is Not Meant to Be Wasted: Educational, Political, and Taboo Leisure Activities among the Soviet Buryats of Eastern Siberia // Nationalities Papers. 2019. Vol. 47. Issue 4, pp. 660–673.

Интерес, несмотря на то, что хронологический период также не совпадает с исследуемыми временными рамками, представляют публикации К. Дункан (Carol Duncan). Сравнивая современное музейное пространство с древними местами поклонения, автор отмечает его способность «уводить посетителей от повседневных забот и обычной повседневности»; указывает, что такие институты как музеи давали (и дают) возможность власти выглядеть «прилично»: прогрессивной, заботящейся о духовной жизни народа, хранительницей достижений прошлого и «провайдером общественного блага»[79]. Исследуя европейскую историю музейного дела XIX в., Н. Прайер (Nick Prior) также отмечает понимание органами власти «цивилизующей роли музеев в регулировании общественного поведения»[80]. Р. Сэндел (Richard Sandell) рассматривает музей как агент социальной инклюзии[81] и прогрессивных социальных изменений в современном социокультурном пространстве[82]. Заслуживает внимание статья Дж. Белкнапа (Geoffrey Belknap), анализирующая формирование и деятельность локальных научных сообществ в Великобритании XIX в. Однако, автор использовал абстрактные «выдуманные» сообщества для реализации своего замысла[83]. Среди публикаций, в которых исследуется деятельность сибирских музеев, необходимо выделить единственную на данный момент работу К. Нендза-Щикониовски. На примере г. Игарки, автор рассматривает современный музей как градообразующее предприятие[84].

Итак, в зарубежной историографии советское музейное дело еще не получило должного освещения, тем не менее, теме формирования советского культурного

---

[79] Duncan C. Civilizing Rituals: Inside Public Art Museums. London: Routledge. 1995. 192 p.; Duncan C. Art Museums and the Rituals of Citizenship. URL: https://pages.ucsd.edu/~bgoldfarb/cocu108/data/texts/Duncan.pdf. C. 93.

[80] Prior N. Museums: Leisure between State and Distinction // Histories of Leisure. London: Bloomsbury Publishing PLC. 2002. P. 27.

[81] Sandell R. Social Inclusion, the Museum and the Dynamics of Sectoral Change. URL: https://journals.le.ac.uk/ojs1/index.php/mas/article/view/13.

[82] Sandell R, Nightingale E. Museums, Equality and Social Justice. New York: Routledge, 2012. 344 p.

[83] Belknap G. Illustrating natural history: images, periodicals, and the making of nineteenth-century scientific communities. The British Journal for the History of Science. 2018. Vol. 51. Issue 3, pp. 395–422.

[84] Нендза-Щикониовска К. Музей как градообразующее предприятие. Случай заполярной Игарки // Сибирь: контексты настоящего. Иркутск: [б/и]. 2016. С. 351–366.

пространства и парадигмы взаимодействия общества и государства в 1920-е гг. посвящен ряд трудов. Так, по мнению Л. Холмса[85] и Л. Зигельбаума (Lewis Siegelbaum)[86], важным направлением государственной деятельности являлось повышение культурного и общеобразовательного уровня населения. Дж. Интин (George M. Enteen)[87], Р. Стайтс (Richard Stites)[88], Р. Пайпс (Richard Pipes)[89], М. Гэмза (Mark Gamsa)[90] отметили высокий уровень терпимости, «какой не выказывали ни в экономике, ни в политике», советско-партийных органов в отношении культуры и творческой интеллигенции, вдохновленной идеями революции. Теме «пассивных» сопротивления и сотрудничества интеллигенции с властью посвящена одна из глав книги К. Рида (Christopher Read). Период 1917–1922 гг. в культурной жизни России рассматривался автором как самый важный[91]. На материалах сибирского макрорегиона Дж. Форзит (James Forsyth) указывал на исчезновение в 1920-е гг. всех «старых» социальных и культурных норм[92]. А. Вуд (Alan Wood) первое послереволюционное десятилетие рассматривал как период «социального, экономического и культурного плюрализма», такой же «ключевой в истории России, как и 1917 год»[93]. Дж. Хартли (Janet Hartley) проанализировала историю Сибири через призму понятия «сибиряки», пришла к выводу о том, что именно образ жизни людей, населявших территорию, сформировал особую территориальную общность[94]. Кроме того, необходимо отметить, что и А. Вуд, и

---

[85] Холмс Л. Социальная история России: 1917 – 1941. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1994. 140 с.
[86] Siegelbaum L. History of the Soviet Union, 1924 – 1929: Propaganda and Youth Organization. URL: https://brewminate.com/history-of-the-soviet-union-1924-1929-propaganda-and-youth-organization/
[87] Enteen G.M. Marxists versus Non-Marxists: Soviet Historiography in the 1920s // Slavic Review. 1976. Volume 35. Issue 1. PP. 91–110.
[88] Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, Oxford: Oxford University Press. 1989. 307 p.
[89] Pipes R. E. Russia under the Bolshevik regime, 1919 – 1924. London: Harvill press, 1997. 587 p.
[90] Gamsa M. Communism and the Artistic Intelligentsia // The Oxford handbook of the history of communism. Oxford: Oxford university press, 2014. 658 p.
[91] Read Ch. Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism. New York: Palgrave Macmillan, 1990. 266 p.
[92] Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 455 p.
[93] Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581 – 1991. UK: Bloomsbury Academic, 2011. 289 p.
[94] Hartley J.M. Siberia. A History of the People. New Haven, London: Yale university press, 2014. 312 p.

Дж. Хартли в качестве одной из целей проведения исследований определили «преодоление распространенных о Сибири и сибиряках стереотипов».

Таким образом, исследования, проведенные на общероссийских и общесибирских материалах, позволяют выделить ряд локальных особенностей культурного пространства, специфику формирования сети музеев краеведческого типа, профессиональной и общественной деятельности сотрудников Государственного музея Приенисейского края в 1920-е гг.

На сегодняшний момент степень изученности музеев Енисейской губернии в 1920-е гг. характеризуется значительным объемом публикаций и отсутствием монографических и диссертационных исследований. В составе историографических источников преобладают статьи в научных журналах и сборниках научных трудов, основной массив которых оставляет незатронутой роль, которую сыграли сотрудники музеев в локальном и региональном культурном пространстве, их самоотверженный и кропотливый труд, создававший и развивавший музеи, вовлекавший в эти процессы новых участников и привлекавший в стены музеев новых посетителей.

Важное место в историографии настоящей диссертационной работы занимают четыре сборника «Век подвижничества», вышедшие в 1989 – 2023 гг., в которых авторы провели обзор деятельности Красноярского краеведческого музея от момента его создания в конце XIX в. до современного периода. Среди публикаций, посвященных деятельности музея в 1920-е гг. в статусе Государственного музея Приенисейского края, необходимо выделить ряд работ. Двадцатилетний трудовой путь А.Я. Тугаринова на посту директора музея продолжил исследовать Н.П. Макаров. Автор отметил, что большая часть достижений музея является несомненной заслугой А.Я. Тугаринова, сумевшего сплотить вокруг себя дружный и работоспособный коллектив[95]. Работа М.Д. Соловьевой на посту заведующей библиотекой музея рассмотрена

[95] Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея. Век подвижничества. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. С. 24–42.

Т.В. Соломатовой[96] и А.В. Быстровой[97]; А.П. Ермолаева на посту помощника консерватора музея – М.С. Баташевым, А.С. Вдовиным, Н.П. Макаровым[98]. Выделяя 1926–1940 гг. как особый период в деятельности музея, когда музей поменял «свой облик» не только из-за переезда в новое здание, но и «по существу своей работы», так как Советская власть «всё больший интерес проявляет к музею, всё меньше требует от него науки и всё больше – политики», И.А. Черкасов отмечает в эти годы смену 14 руководителей и рассматривает данный факт, как негативный фактор профессиональной деятельности[99].

Деятельность отдельных сотрудников Государственного музея Приенисейского края в 1920-е гг. рассмотрена в ряде статей. Е.А. Ахтамов отметил вклад А.Я. Тугаринова, Д.И. Каратанова, Г.П. Миклашевской и австрийского археолога Геро фон Мергарта в развитие археологической коллекции музея[100]. Опыт музейной работы А.Я. Тугаринова рассмотрели Н.М. Дмитриенко и Э.И. Черняк[101], экспедиционной деятельности подробно осветили авторы (Н.П. Макаров, М.С. Баташев, Е.В. Детлова, Т.А. Громова, Е.В. Козлова), участвовавшие в подготовленном Красноярским краеведческим музеем сборнике научных статей, посвященном 130-летию ученого[102]. Участие Н.К. Ауэрбаха в

---

[96] Соломатова Т.В. Из истории научной библиотеки музея. Век подвижничества. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. С. 267–279.

[97] Быстрова А.В. Марфа Дмитриевна Соловьёва, библиотекарь. Век подвижничества-3. Красноярск: «Литера-принт», 2018. С. 150–151.

[98] Баташев М.С., Вдовин А.С., Макаров Н.П. А.П. Ермолаев (1886–1919) – помощник консерватора Красноярского городского музея. Век подвижничества-3. Красноярск: «Литера-принт», 2018. С. 119–137.

[99] Черкасов И.А. История Красноярского краевого краеведческого музея в 1926 – 1940 гг. Век подвижнечества-4. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2022. С. 53.

[100] Ахтамов Е.А. Красноярский Краевой краеведческий музей // Труды Братского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. 2005. Т.1. С. 60–62; Ахтамов Е.А. Подвижники Красноярского Краевого краеведческого музея // Труды Братского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. 2005. Т.1. С. 57–60.

[101] Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Аркадий Яковлевич Тугаринов и становление Красноярского музея // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 41. С. 207–214; Дмитриенко Н.М. А.Я. Тугаринов о становлении Красноярского музея. Музееведческое наследие Северной Азии: труды музееведов XIX – начала XX века. Томск: [б/и], 2019. С. 220–242.

[102] Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей. 2011. 384 с.

развитии музейной сферы Сибири исследовала К.О. Жеребцова[103]. А.С. Вдовин и Н.П. Макаров дали краткую характеристику деятельности Н.К. Ауэрбаха и Г.П. Сосновского в 1919–1920 гг.[104], указали на 1918–1926 гг. как на период археологической деятельности Н.К. Ауэрбаха в Красноярске[105]; выявили решающий вклад Мергарта в создание археологического отдела[106]. Подробно красноярской период жизни Мергарта рассмотрен Е.В. Детловой и С.В. Кузьминых[107]. Жизненный путь А.А. Савельева исследовал В.В. Чернышов[108]; М.М. Федотова – В.А. Смирнова[109]; О.Н. Миронова – изучила трудовой путь Е.Л. Юдиной[110].

Деятельность коллектива Государственного музея Приенисейского края в 1920-е гг. рассмотрена А.Б. Шиндиной, выявившей его решающую роль в спасении библиотеки Г.В. Юдина[111]. Е.И. Кочкина трактует деятельность коллектива музея

---

[103] Жеребцова К.О. Н.К. Ауэрбах и его вклад в музейное дело Сибири 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 211–218.

[104] Вдовин А.С., Макаров Н.П. «Став солдатом, я конечно не могу уже заниматься археологией». Письма Г. П. Сосновского к Н. К. Ауэрбаху, 1918 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 38. С. 4–14.

[105] Вдовин А.С., Макаров Н.П. Н.К. Ауэрбах – ученый и организатор науки в Сибири // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 16–25.

[106] Вдовин А.С., Макаров Н.П. Археологические исследования музея Приенисейского края в 1920 году (к столетию создания археологического отдела) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 1 (29). С. 92–106.

[107] Детлова Е.В., Кузьминых С.В. Геро фон Мергарт и его "Воспоминания о Советской России". Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2019. Т. 39. № 3. С. 69–119; Детлова Е.В., Кузьминых С.В. "Там было часто трудно и тягостно, но это было славное время!": письма Геро фон Мергарта в музей Приенисейского края // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2019. Т. 39. № 4. С. 42–93; Детлова Е.В. Геро фон Мергарт и Ганс Финдайзен: к истории международных научных связей красноярского краеведческого музея // Уральский исторический вестник. №4(53). 2016. С. 53–61.

[108] Чернышов В.В. Краевед и этнограф А.А. Савельев. По материалам Государственного архива Красноярского края // Освоение и научное исследование Енисейской Сибири. Красноярск: ГУНБ КК, 2022. С. 71–77.

[109] Федотова М.М. Всеволод Афанасьевич Смирнов: краевед и педагог // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. 2018. С. 82–87.

[110] Миронова О.Н. Сотрудница музея Елена Юдина (по материалам научного архива и фондов красноярского краевого краеведческого музея). Красноярск: ГУНБ КК, 2023. С. 319–327.

[111] Шиндина А.Б. К вопросу о сохранности книжного наследия Г.В. Юдина в первые годы Советской власти. Красноярск: ГУНБ КК, 2021. С. 182–187.

как продолжение краеведческой деятельности ИРГО[112]; Л.Ю. Китова связывает ее с формированием Красноярского археологического центра[113]. Материалы дневника членов археологического кружка им. И.Т. Савенкова, действовавшего «под эгидой» музея, послужили для А.С. Вдовина и Н.П. Макарова основой исследования феномена педагогической археологии. Авторы определили 1923–1926 гг. как «золотой период сибирского краеведения»[114]; провели фундаментальный обзор археологических работ музея[115].

Историография музеев Енисейской губернии в 1920-е гг. также представлена рядом статей. Участие музеев в государственных секуляризационных мероприятиях рассмотрено А.С. Вдовиным и И.Е. Бобрик[116]. Л.Ю. Китова проанализировала проблемы систематизации фондов археологического отдела минусинского музея им. Н.М. Мартьянова[117]; В.В. Нагорных и Р.Э. Максимов – деятельность В.Д. Кожанчикова на посту директора[118]; Е.Ю. Сидорина – способы комплектования и содержание фондов научной библиотеки музея в досоветский период[119]. Одной из немногочисленных публикаций, выполненной с опорой на

---

[112] Кочкина Е.И. Международный книжный обмен красноярского музея в 1889 – 1930 гг. Красноярск: ГУНБ КК, 2015. С. 81–89.

[113] Китова Л.Ю. Формирование в Красноярске центра изучения археологических памятников Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–2 (60). С. 85–93.

[114] Вдовин А.С., Макаров Н.П., Гуляева Н.П. Археологический кружок имени И.Т. Савенкова (1923 – 1926 годы) // Красноярск: Красноярский краевой научно-учебный центр кадров культуры, 2015. 119 с.; Вдовин А.С., Макаров Н.П. Афонтова гора и педагогическая археология: дневник членов красноярского школьного археологического кружка им. И.Т. Савенкова (1924–1925 годы) // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 208–224.

[115] Вдовин А.С., Макаров Н.П. Охранно-спасательные археологические работы красноярского краевого краеведческого музея в Красноярске и его окрестностях // Город, пригодный для жизни. Красноярск: Изд-во СФУ, 2023. С. 455–462.

[116] Вдовин А.С., Бобрик И.Е. Отделение церкви от государства в Енисейской губернии (1920–1923 гг.): музейный аспект // Известия лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4 (25). С. 176–184.

[117] Китова Л.Ю. Воспоминания В.П. Левашевой о работе в Минусинском. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, 2010. С. 22–26.

[118] Нагорных В.В. К вопросу о биографии В. Д. Кожанчикова: (Документы о семье Кожанчиковых в фондах Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова). Абакан: Бригантина, 2022. С. 190–198; Максимов Р.Э. Василий Дмитриевич Кожанчиков. Минусинские годы (1915 – 1929 гг.) // Минусинск: МРКМ им. Н. М. Мартьянова, 2022. С. 107–133.

[119] Сидорина Е.Ю. Частные коллекции в собрании научной библиотеки минусинского музея им. Н. М. Мартьянова. Красноярск: ГУНБ КК, 2021. С. 139–148; Сидорина Е.Ю. История научной библиотеки минусинского музея им. Н. М. Мартьянова. Красноярск: ГУНБ КК, 2022. С. 275–280.

отзывы посетителей краеведческого музея, является статья С.Р. Хмыровой, посвященная музею Канска в 1930-е гг., исследующая влияние нового государственного устройства на просветительскую деятельность учреждения[120].

Исключительно редко в фокусе внимания исследователей оказывается деятельность Педагогического музея. Единственной на данный момент работой, в которой коротко обозначена история создания музея, является обзорная статья З.У. Колокольниковой и О.Б. Лобановой о деятельности педагогических музеев Сибири конце XIX – первой четверти XX вв.[121]

Аналогичная ситуация сложилась с исследованием истории природного заповедника Столбы, решающую роль в создании которого в 1920-е гг. сыграли сотрудники Государственного музея Приенисейского края. Авторы изучили деятельность органов государственной власти по организации природопользования[122]; личный фонд А.Л. Яворского как источник информации о Красноярске и его окрестностях[123]; проблемы формирования заповедной территории от момента создания и до настоящего времени[124]. В публикациях были кратко обозначены система ценностей и ритуалы современных столбистов, как сейчас продолжают называть красноярцы любителей походов на Столбы[125]. Среди диссертационных исследований, косвенно относящихся к заявленной проблематике, необходимо отметить работу Л.З. Подберезкиной, посвященной

---

[120] Хмырова С.Р. Просветительская деятельность музея: по материалам канского краеведческого музея // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. 2022. № 4. С. 92–95.

[121] Колокольникова З.У., Лобанова О.Б. Особенности организации и деятельности педагогических музеев Сибири конца XIX – первой четверти XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 4. С. 244–248.

[122] Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А., Павлюкевич Р.В., Шереметова Т.Г. Работа Енисейской губернской плановой комиссии по организации природопользования в губернии в восстановительный период (1921–май 1925 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 130–141.

[123] Карпухина Д.В. Личный фонд А.Л. Яворского как информационный ресурс для развития внутреннего туризма в Красноярском крае // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска). Красноярск. 2019. С. 156–159.

[124] Суворов А.П., Соколов Г.А. К истории заповедника Столбы // Труды заповедника "Тигирекский". 2005. № 1. С. 118–120.

[125] Плющ И.В. «Столбы» как социокультурный феномен // Духовно-исторические чтения Красноярск: КрасГАСА, 2004. Вып. 9. С. 226–232.

сообществу столбистов, в которой дана характеристика «корпорации столбистов в контексте … языка столбистов 1985 – 92 гг.»[126]

Из краеведческих организаций в сферу внимания ученых попала деятельность бюро краеведения КОРГО и их основные направления работы[127]. Среди диссертационных исследований необходимо отметить единственную на данный момент работу Е.Н. Бен, посвященную научной биографии исследователя Сибири, краеведа, председателя Красноярского подотдела РГО В.П. Косованова[128].

Таким образом, музейная тематика в научных исследованиях различной направленности занимала существенное место с момента организации первых музеев. На современном этапе в условиях неоднозначных трансформаций социокультурной сферы она приобретает особо важное значение. Разработка темы позволила ученым систематизировать огромный объем материала по истории музейного дела и участию отдельных групп населения в культурно-музейном строительстве в 1920-е гг., охарактеризовать основные направления деятельности и определить социальную роль краеведческих музеев. Тем не менее, предпринятый историографический обзор не дает примеров выявления через картину социального взаимодействия условий формирования и развития музейно-культурного пространства и музейного сообщества в переходный период развития общества, не рассматривает особенности профессиональной и общественной деятельности сообщества, его роль в локальной и региональной культуре провинциальной территории, не исследует музейную составляющую в спектре досуговых и образовательных возможностей горожан, их реакции на проводимые музейным сообществом мероприятия. Рассмотренные историографические тенденции свидетельствуют в пользу научной новизны проблематики диссертационного исследования.

---

[126] Подберезкина Л.З. Корпоративный язык. Принципы исследования и описания (на материале языка столбистов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

[127] Шмакова Н.В., Акимова Е.В. Деятельность бюро краеведения КОРГО (ССОРГО) по организации массовой краеведческой работы в Приенисейском Сибири (1924–1928 гг.) // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5. No 4. С. 165–176.

[128] Бен Е.Н. Научная биография исследователя Сибири Вячеслава Петровича Косованова: автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2011.

Объект исследования – музейное сообщество Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.

Предмет исследования – деятельность сотрудников Государственного музея Приенисейского края как провинциального социально-профессионального сообщества, переживающего в переходный период процессы формирования, адаптации и развития в условиях реализации профессиональной и общественной миссии.

Цель исследования – выявить влияние профессиональной и общественной деятельности сотрудников Государственного музея Приенисейского края на развитие сообщества и музейно-культурного пространства Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.

Поставленная в диссертационной работе цель достигается разрешением ряда **задач**:

1. Определить объективные и субъективные факторы и условия формирования музейно-культурного пространства Енисейской губернии в конце XIX в. – 1919 г.

2. Установить характеристики развития музейной сферы и условия деятельности музейного сообщества в 1920 – 1926 гг.

3. Раскрыть основные направленности профессиональной деятельности музейного сообщества в первой половине 1920-х гг.

4. Охарактеризовать основные направленности общественной деятельности музейного сообщества в первой половине 1920-х гг.

5. Обозначить факторы развития музейно-культурного пространства и показать реакции современников на проводимые музейным сообществом мероприятия в первой половине 1920-х гг.

6. Выявить динамику развития музейного сообщества и дать характеристику музейного сообщества, как особой социальной и профессиональной группы в первой половине 1920-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают экстремально динамичный этап первой половины 1920-х гг., представляющий собой

самостоятельный и очень важный период деятельности музеев как культурно-просветительных учреждений[129], и обусловлены следующими локальными факторами. Нижняя временная граница – 1920 г. – связана с восстановлением Советской власти на территории Енисейской губернии. Верхняя граница исследования – 1926 г. – определяется восстановлением музейным сообществом количества посетителей, характерного для досоветского периода; реализацией социально-значимого проекта организации заповедника Столбы; а также объясняется сменой директора музея, в связи с отъездом А.Я. Тугаринова из города, и ликвидацией Енисейской губернии как административной единицы[130].

Территориальные рамки охватывают города Енисейской губернии с административным центром Красноярск и имевшими статус уездных Енисейск, Минусинск, Канск, Ачинск. По данным Всесоюзной переписи населения 1920 г., в Красноярске было зарегистрировано 64 919 чел.[131] (из них лиц с неземледельческими занятиями и профессиями в возрасте от 16 до 50 лет – 24 354

---

[129] Малкова И.Г. Городские музеи в культурном пространстве уральского города второй половины XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249). С. 52; Шелегина О.Н. Роль музеев в формировании и трансляции позитивного имижда сибирского региона // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 74–80; Шелегина О.Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход: автореф. дис. ... доктора ист. наук. Томск, 2012, С. 35; Лозовая Л.А. История изучения музейного дела западной Сибири первого послереволюционного десятилетия (1920-е – начало 1990 - х годов): дис. … кан. ист. наук. Томск, 2013. Рязанцев Н.П., Салова Ю.Г. Ярославский художественный музей в 1917 – 1930 гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2017. № 1. С. 39–53; Ландик О.А. Музейное дело в Омской области: опыт историографического изучения // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 280–285; Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 193–198; Дмитриенко Н.М., Жеребцова К.О. 1-й Всероссийский музейный съезд и его влияние на сибирские музеи // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 33. С. 222–235; Черкасов И.А. История Красноярского краевого краеведческого музея в 1926 – 1940 гг. // Век подвижничества-4. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2022. С. 52–113; Ананьев В.Г. "Настоящий состав музейных работников неудовлетворителен...": советская научная политика и подготовка музейных кадров в Ленинградском коммунистическом политико-просветительном институте имени Н.К. Крупской в конце 1930-х гг. – начале 1940-х гг. // История. 2023. Т. 14. № 11 (133).

[130] На основании постановления ВЦИК от 25.05.1925 об образовании Сибирского края с центром в г. Новониколаевске [Источник: Бакшеев А.И. Административно-территориальное устройство Сибири в годы нэпа // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2. С. 71–73].

[131] Бюллетень Енисейского губернского статистического бюро. 1921, № 1, сентябрь.

чел.), почти 50% населения были грамотными[132], процент грамотной молодежи в возрасте от 14 до 29 лет составлял более 80%[133]. К 1926 г. количество жителей города выросло до 85 115 чел., что было характерно для сибирского макрорегиона[134], процент грамотных горожан – до 58–63,5%[135]. На протяжении всего рассматриваемого периода основные социальные группы городского населения составляли служащие (25,43%), рабочие (23,17%), в социальном составе были зафиксированы крестьяне, ремесленники, торговцы и лица «свободных профессий»[136]. На территории городов шли активные миграционные процессы; в качестве основной тенденции представляется обоснованным выделить низкий жизненный уровень горожан, отсутствие острой социальной дифференциации[137].

Заявленная в диссертационной работе проблематика соотносится с социокультурными, политическими и экономическими изменениями, которые происходили в стране в конце XIX – начале XX вв.

Источниковую базу исследования составляют неопубликованные материалы научных архивов Краевого государственного автономного учреждения культуры «Красноярский краеведческий музей», Краевого государственного автономного учреждения культуры «Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова», Муниципального бюджетного учреждения культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова», КГКУ «Государственный архив Красноярского края», МКУ «Архив города Енисейска», МКУ «Архив города Минусинска». Документы свидетельствуют о формировании музейного пространства, становлении и

---

[132] Предварительные итоги демографической переписи 1920 года по Енисейской губернии // Бюллетень. № 73. 1921. С. 2.

[133] Пупышев В. Итоги кампании по ликвидации неграмотности за 1923–24 учебный год и дальнейшие перспективы // Сибирский педагогический журнал. 1924. № 1–2 (6–7). С. 231.

[134] Исаев В.И. Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920 – 1930-е гг. Новосибирск: Параллель, 2008. С. 185; Исупов В.А. Редкое явление в демографической истории Сибири: демографический взрыв во второй половине 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т 26. № 4. С. 79.

[135] Возраст и грамотность населения СССР. Вып. VII. М: ЦСУ Союза ССР. 1928. С. 89.

[136] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 90. Л. 24.

[137] Крылов И.И. Условия жизни горожан в Приенисейском регионе в 1921–1929 гг. Красноярск: Красноярский гос. торгово-экономический ин-т, 2010. 157 с.

развитии музейного сообщества, специфике культурного пространства Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.

Диссертационная работа базируется на материалах *делопроизводственной документации* (отчеты о деятельности музеев, статистические сводки органов местной власти, официальная переписка, личные дела) из фондов регионального (ГАКК. ФР-1380, ФР-1675, ФР-177, ФР-2120, ФР-795, ФР-796, ФР-93), муниципальных (МКУ «Архив города Енисейска». ФР-25; МКУ «Архив города Минусинска». Ф-100) архивов, научных архивов музеев г. Красноярска и Красноярского края, которые составляют достаточно полную картину условий и этапов развития музейного дела, раскрывают роль и место музейного сообщества в культурном пространстве Енисейской губернии, персонифицируют информацию о сотрудниках музеев в первой половине 1920-х гг.

Работа опирается на *нормативно-правовые акты*, регламентировавшие развитие музейного пространства. Несмотря на то что законодательные документы не дают прямой информации о развитии музейного сообщества, без их анализа выяснение данного аспекта было бы невозможно. Сведения, содержащиеся в Декретах и Постановлениях ВЦИК СНК РСФСР, изданных в рассматриваемый период, отчасти объясняют структуру и направления профессиональной деятельности сотрудников музеев. Локальные акты, большая часть которых впервые вводится в оборот, дают информацию о финансовой стороне музейного дела, позволяют восстановить хронологию создания заповедника Столбы.

Для исследования путей формирования, становления и развития музейного сообщества, музейно-культурного пространства Енисейской губернии в 1920-е гг. исключительно важным является обращение к *источникам личного происхождения*. Особенность источниковой базы работы составляет немногочисленность источников. Условия жизни 1920-х гг., последовавшие события 1930-х гг. и Великой Отечественной войны оставили мало возможностей для сохранения частной переписки или дневников. Тем не менее обнаруженные в ходе исследования и впервые вводимые в научный оборот уникальные, как правило, рукописные документы позволяют взглянуть на исследуемые процессы

«глазами»[138] поколения, еще не привыкшего, по определению Л.В. Беловинского, «…скрывать подлинные настроения и мысли»[139]. Так, эпистолярные корпусы А.Я. Тугаринова, М.В. Красноженовой (из фондов НА КККМ) являются источником информации о характеристиках профессиональной и общественной деятельности, путях формирования состава музейного сообщества. Письма сотрудников музеев Енисейской губернии, российских и зарубежных теоретиков и практиков музейного дела (КККМ, ГАКК, Архив Минусинска), свидетельствуют о ценностных ориентациях, особенностях профессиональной культуры местного музейного сообщества, условий бытовой и рабочей повседневности, отдельных аспектах развития «музейного мира Сибири» в 1920-е гг. Дневниковые записи и воспоминания сотрудника музея и первого директора заповедника Столбы А.Л. Яворского (ГАКК) позволяют реконструировать трудовые будни музейного сообщества, определить роль Столбов в структуре досуговой деятельности горожан, выявить отсутствующую в официальной статистике численность посетителей заповедника в 1920–1922 г. Путевой дневник М.Д. Соловьевой о поездке в Москву в августе – сентябре 1923 года для участия в I Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке (КККМ) представляет собой уникальный источник информации о деятельности музеев, трансформациях эмоциональной сферы общественной жизни, анализ которых, по мнению Р. Боддиса (Rob Boddice), необходим при исследовании исторического процесса[140]. Дополняет информацию об изменениях материально-бытовой стороны жизни

---

[138] Труевцева О.Н. История развития музейного дела в Сибири: к вопросу о классификации источников // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 317–319; Голубева И.А. "Я всегда любил преподавание, но теперь в области истории – это очень трудное дело" письма И.М. Гревса к Н.П. Анциферову. 1934 – 1941 гг. // Отечественные архивы. 2017. № 1. С. 64–91; Груздинская В.С., Комочев Н.А., Мельников А.В. "Вероятно, я никогда не привыкну к академической среде...": дневниковые записи М. Н. Тихомирова за 1947–1948 гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 2 (30). С. 155–167; Комлева Е.В. Судьба страны через судьбу династии. Рецензия на книгу: Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10. № 1 (37). С. 161–167; Hellbeck B. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006. 436 p.; Kelly C. What Was Soviet Studies and What Came Next? // The Journal of Modern History. Vol. 85, No. 1. 2013, pp. 109–149.

[139] Беловинский Л.В. Методологические аспекты изучения истории советской повседневности // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4 (28). С. 105–113.

[140] Boddice R. The History of Emotions. Manchester: Manchester University Press, 2018. С. 192.

сибиряков корпус писем поляков Коржаневских (Архив Минусинска). Лакуной диссертационной работы являются источники личного происхождения жителей Енисейской губернии, которые позволили бы получить более точную информацию об их отношении к деятельности музейного сообщества. Возможно предположить, что для непосредственных участников или свидетелей революций и войн вопросы, связанные с посещением музеев, не рассматривались в качестве тем, достойных для историописания. Однако, возможна и другая причина – рутинизация рассматриваемой практики. Указанная лакуна компенсируется информацией из *отзывов посетителей Государственного Музея Приенисейского края* (КККМ), также впервые вводимых в научный оборот. Отзывы, представляющие, по мнению исследователей, уникальный источник[141], позволяют реконструировать музейное пространство губернского города, выявить отношение жителей к деятельности музейного сообщества.

Среди опубликованных в конце XIX – начале XX вв. источников личного происхождения необходимо выделить еще не переведенные на русский язык произведения мемуарной литературы зарубежных авторов, побывавших в Сибири, в том числе в Енисейской губернии, в досоветский период. Ценным документом, свидетельствующим об особенностях культурного пространства Красноярска, являются мемуары французского путешественника Э. Котто; воспоминания британских врача Ч. Веньона (Wenyon Ch. “Four Thousand Miles Across Siberia On the Great Post Road”) – об особенностях государственной политики в сфере культурного досуга; журналиста и общественного деятеля М.Ф. Прайса (Price M.P. “Siberia”) – о специфике культурного и, что совершенно уникально, музейного пространства Енисейской губернии. Опубликованные источники первой половины 1920-х гг. позволяют выявить ряд локальных характеристик развития музейно-культурного пространства Енисейской губернии. Воспоминания Геро фон

[141] Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 91–103; Хмырова С.Р. Просветительская деятельность музея: по материалам Канского краеведческого музея // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. 2022. № 4. С. 92–95.

Мергарта раскрывают особенности деятельности и профессиональной культуры музейного сообщества, государственной политики в музейной сфере в первые два года после восстановления Советской власти. Мемуары В.Б. Шкловского дают возможность сравнить тактики выживания и отношение к культурно-историческим ценностям отдельных представителей интеллигенции Петербурга и Красноярска. Дневниковые записи историка С.Б. Веселовского отражают позитивные трансформации эмоционального фона, гуманизацию общественных отношений и позволяют выявить совпадения с оценкой представителей красноярского музейного сообщества, побывавших в Москве в описываемое С.Б. Веселовским время. Дневниковые записи московской (Даевой И.) и днепропетровского (Стародубова А.) школьников раскрывают особенности музейного досуга жителей столицы.

Верифицируют официальные данные, информацию, содержащуюся в отзывах посетителей Государственного музея Приенисейского края и источниках личного происхождения *материалы периодической печати*, изданные в конце XIX в. – первой половине 1920-х гг. Среди журнальной периодики необходимо выделить российские («Известия российской академии наук» (Москва), «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете им. В.И. Ленина» (Казань)) и сибирские издания («Труды съезда по организации Института исследования Сибири» (Томск), «Жизнь Сибири» (Новониколаевск), «Просвещение Сибири» (Новониколаевск), «Северная Азия» (Новониколаевск), «Сибирский педагогический журнал» (Новониколаевск), «Сибирские огни» (Новониколаевск), «Сибирская живая старина» (Иркутск)), содержащие сведения о деятельности сибирских музеев и обществ краеведения. Существенный объем информации содержится в изданиях Енисейской губернии (Красноярск) – Бюро краеведения при Красноярском отделе Русского Географического общества, Библиотеке Приенисейского краеведа, Известиях Красноярского отдела Русского географического общества. В российских, сибирских и локальных изданиях были выявлены публикации сотрудников Государственного музея Приенисейского края, в которых рассмотрена культурно-

просветительская деятельность музея, отражена значимость «личности» в организации музеев. Из газетной периодики внимание сконцентрировано на региональных газетах «Енисейские губернские ведомости», «Вестник Красноярского городского общественного управления», «Енисейская церковная нива», «Сибирская мысль», «Воля Сибири», «Красноярский рабочий»; локальной «Власть труда» (Минусинск) и «Власть труда» (Иркутск) как источниках дополнительной информации об условиях рабочих будней музейного сообщества, восприятии современниками деятельности сообщества и культурной жизни Енисейской губернии в конце XIX в. – первой половине 1920-х гг.

К источникам, предоставляющим, как определяла Л.Н. Мазур[142], «дополнительные возможности выйти на совокупность проблем», связанных с деятельностью музейного сообщества, относятся *фотодокументы* из фондов Красноярского краеведческого музея и официальных сайтов музея и ГАКК.

Несмотря на то что анализ источниковой базы свидетельствует о наличии лакун, комплексное изучение использованных в диссертационной работе и подверженных научной критике источников позволяет решить поставленные задачи.

Методологическая основа исследования. Учитывая характер предмета и объекта диссертационной работы, в качестве базовой концепции в методологии исследования используются труды сибирских ученых В.Г. Рыженко и О.Н. Шелегиной, рассматривающих музей как особую динамическую силу в культурном ландшафте провинциальных территорий.

Работа выполнена с опорой на концепцию О.Н. Шелегиной, исследующей музей как адаптивно-адаптирующий социокультурный институт. На основе адаптационного похода, О.Н. Шелегина ввела универсальную для изучения региональных музейных процессов исследовательскую модель «музейный мир Сибири», под которой понимает совокупность пространств, исторически сформировавшуюся и адаптирующуюся к изменениям на региональном,

[142] Мазур Л.Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 160–178.

российском и международном уровнях[143]. Рассматривая ее как особую сферу культурной жизни[144], автор выделяет существенное влияние музейной составляющей на формирование человеческого капитала[145], высокую степень консолидации сибирского музейного сообщества на современном этапе[146]. Используется принцип В.Г. Рыженко изучения музея как учреждения, которое является сложносоставным, инклюзивным материально-духовным элементом городской среды и особым маркером городского культурного пространства, инициированным идеями и реализованным усилиями отдельных представителей регионального и/или локального сообщества[147].

---

[143] Шелегина О.Н. Сибирские музеи как социокультурные точки пересечения прошлого, настоящего и будущего // Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Вып. 2. М., 2002. С. 96–133; Шелегина О.Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход): автореф. дис. … доктора ист. наук. Томск, 2012; Шелегина О.Н. Актуальные тенденции в изучении музейного мира Сибири // Четвертые Ядринцевские чтения. Омск: ОГИК музей. 2017. С. 66–68.

[144] Шелегина О.Н. Исследовательская модель "музейный мир Сибири" // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 2 (14). С. 122–130; Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск, 2014. 396 с.

[145] Шелегина О.Н. Роль музеев в формировании и трансляции позитивного имижда сибирского региона // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 74–80; Орлов С.Б., Шелегина О.Н. Музейная составляющая социокультурного пространства наукограда Бийск // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 4 (36). С. 183–192.

[146] Шелегина О.Н. Музейный мир России: актуализация регионального опыта // Культурно-антропологические исследования. 2022. № 2. С. 19–25; Шелегина О.Н. Социокультурные практики международного и российского уровня в музейном мире Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27. № 1. С. 106–113; Шелегина О.Н. Коммеморативные практики в музеях локальной истории сибирского региона // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. № 3 (39). С. 74–82.

[147] Рыженко В.Г. Локальные трансформации музейных "мест памяти" в постсоветских условиях: историографические заметки и непосредственные наблюдения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 1. С. 23–31; Рыженко В.Г. Музеи в исследовательской модели "культурно-цивилизационный ландшафт – опорная матрица образа города" // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России. 2016. С. 280–283.

Диссертационная работа выполнена в рамках локальной истории[148], для которой важное значение имеет история локальных сообществ[149], и основывается на системном, аксиологическом и просопографическом подходах, позволяющих рассмотреть музейное сообщество как сложную, открытую, самоорганизующуюся и самореализующуюся форму организации со своей системой ценностей, взаимодействующую с другими системами. В зависимости от решения конкретных исследовательских задач, в работе используются положения истории повседневности, досуга, исторической антропологии, позволяющие комплексно охарактеризовать и оценить развитие провинциального музейного сообщества, профессиональную и общественную деятельность сообщества в конкретно-исторический период.

Исследование соответствует принципам историзма и объективности, используемых для выявления основных характеристик политических и социокультурных процессов развития музейной сферы Енисейской губернии и музейного сообщества губернского Красноярска, как особой социально-профессиональной группы в первой половине 1920-х гг. Основным методом исследования является проблемно-хронологический, способствующий выявлению условий формирования, становления и развития музейно-культурного пространства. Вспомогательными – методы реконструкции, описательно-повествовательный, позволяющие показать изменения в городском музейно-культурном пространстве. Методы контент-анализа, почерковедческой экспертизы содействуют выявлению характеристик деятельности музейного сообщества, реакций современников на проводимые музейным сообществом мероприятия в

---

[148] Репина Л.П., Шабунина А.К. Трансдисциплинарность в изучении социокультурных практик повседневности (на примере феномена голода в Викторианской Англии) // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 34−44; Шлюмбом О., Кром М., Зокоял Т. Микроистория: Большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Алтейя, 2003. С. 7–26; Schutz A. Collected Papers. Phenomenology and the Social Sciences. Volume V. Netherlands: Springer. 2011. 300 p.; Hall E.T. Beyond Culture. New York, London, Toronto, Sidney, Auckland: Anchor Books. 1976. 272 p.

[149] Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение: объект, предмет, методы изучения. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 3–10.

условиях Енисейской губернии первой половины 1920-х гг. В исследовании методологически перспективным представляется использование теории «самоорганизующегося коллектива»[150].

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в локальную историю. Подтвержденные документами, научной литературой положения и выводы могут способствовать дальнейшему развитию региональных исследований профессиональных сообществ, музейно-культурного пространства раннесоветского периода. **Практическая значимость** состоит в введении в научный оборот новых фактических данных, возможности их дальнейшего использования при изучении советского периода. Практическое значение имеют выводы о возможности формирования профессионального сообщества, стратегий адаптации к изменяющейся социокультурной ситуации, преобразования культурного пространства в сжатые сроки. **Научная новизна** заключается в введении в оборот неопубликованных источников, исследовании специфики музейного сообщества как особой социально-профессиональной группы, реконструкции условий профессиональной и общественной деятельности, выявлении реакций социума на проводимые мероприятия и определении факторов расширения масштаба гуманитарного присутствия музейного сообщества в культурном пространстве Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Профессиональная деятельность и социальное взаимодействие стали основными условиями формирования, сохранения и развития музейного сообщества, позволили оказать влияние на количественные и качественные показатели регионального и локального музейно-культурного пространства, диверсифицировать спектр досуговых и просветительных возможностей жителей Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.

---

[150] Черных А.Б., Заиграева М.А. Влияние личностных характеристик членов коллектива на эффективность управления групповыми процессами и социальную стабильность организации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 3. С. 105–114.

2. Музейное сообщество смогло в условиях минимальных штатов, жестких экономических и политических ограничений адаптировать свои профессиональные навыки к изменяющейся социокультурной ситуации, сформировать, сохранить и расширить музейное пространство, восстановив в течение 5 лет количество посетителей, характерное для дореволюционного периода.

3. Конструктивные взаимоотношения с местным социумом, в том числе органами государственной власти, создавали базу устойчивого развития музейного сообщества, расширения музейного пространства, стали решающим фактором создания особо охраняемой природной территории – Государственного заповедника Столбы – в первой половине 1920-х гг.

4. Концепция реализации музейным сообществом общественной и профессиональной миссий дает возможность увидеть в деятельности профессионального сообщества интегрирующую роль в развитии музейно-культурного пространства, расширить представления о ценностных ориентациях, как конечных основаниях целеполагающей деятельности, и механизмах увеличения масштабов гуманитарного и профессионального присутствия музейного сообщества в культурном пространстве первой половины 1920-х гг. как условий его позитивной трансформации.

Апробация результатов исследования. Промежуточные и итоговые результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории и политологии ФГБОУ ВО «Красноярский государственный агарный университет». Основные результаты были изложены автором в 12 научных публикациях, включая 4 опубликованные в журналах, входящих в перечень ВАК, и 1 коллективную монографию.

Структура исследования. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и трех приложений. Работа выполнена в рамках специальности 5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

ГЛАВА 1. МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

1.1. Формирование музейно-культурного пространства в конце XIX в. – 1914 г.

Музейное сообщество Енисейской губернии начало формироваться в конце XIX в. и на момент своего зарождения состояло из немногочисленных любителей, заинтересованных в сборе и изучении объектов, характеризующих естественные богатства губернии, историю прошлого и быт населения. Местные энтузиасты работали «ради научного интереса», однако, как позже определял сотрудник Государственного музея Приенисейского края В.А. Смирнов, стремились «собирать не только научное сырье, материалы, без обработки, но именно обрабатывать их и опубликовывать в общее сведение»[151], что стало начальным этапом развития музейного дела губернии. Существенное влияние на процесс становления музейного сообщества, как особой профессиональной и социальной группы, на возможность сохранения музейного пространства оказал период 1914 – 1919 гг. С одной стороны, в это время существенно осложнились условия музейной деятельности; с другой – происходила адаптация социальных и профессиональных практик членов сообщества к стремительно меняющимся политическим и социокультурным условиям. Восстановление 7 января 1920 года Советской власти в Красноярске и наступление относительно мирной жизни стало решающим фактором нормализации профессиональной и общественной деятельности сообщества.

Находящаяся в фокусе настоящего диссертационного исследования первая половина 1920-х гг. является периодом развития музейного сообщества как особой группы, реализовавшей профессиональную и общественную миссию – развития музейного пространства и расширения масштаба гуманитарного присутствия в

[151] Смирнов В.А. Введение в изучение Приенисейского края // Библиотека Приенисейского краеведа. Красноярск: Гос. Типо-Литография. 1926. № 1. С. 9.

культурном публичном пространстве. Именно в этот период деятельности музейного сообщества, завоевав «свое почетное положение»[152] в локальном и региональном культурном пространстве, Музей перестал быть просто «роскошью» или «признаком какой-то высшей культуры» и стал «орудием элементарного образования»[153] жителей отдаленной от центра сибирской территории.

В рамках настоящего исследования под *музейным сообществом* первой половины 1920-х гг. понимается коллектив, члены которого работали штатными сотрудниками или были волонтерами («Друзьями Музея») Красноярского городского музея, затем Государственного музея Приенисейского края, были объединены общей целью, интересами и социальными отношениями, регулярно вступали между собой в коммуникацию в целях обмена знаниями, опытом, выработки новых знаний и поиска подходов к решению социально-профессиональных задач. Профессиональная и общественная деятельность сообщества происходила в рамках *культурного пространства*[154], которое понимается как пространство реализации социальных интересов и распространения профессиональных ценностей и традиций, основанное на общей системе культурных ценностей. Профессиональная переработка накопленного исторического опыта, научное и творческое освоение исторической реальности происходили в определенных пространственных границах[155], которые рассматриваются как особое *музейное пространство*, формировавшееся деятельностью музейного сообщества, которая, в свою очередь, трактуется как основной фактор его развития в конкретно-исторический период.

---

[152] Музеи как орудия образования в новой школе // Неделя просвещения. Новониколаевск: ОГИЗ-Сельхозгиз, [1920?]. С. 14.

[153] КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 42 об.

[154] Рыженко В.Г. Фигуры и символы памяти о прошлом в локальном культурном пространстве западной Сибири (конец XX – начало XXI в.): ишимская версия // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 1 (21). С. 134–141; Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. № 3 (18). С. 42–53; Sennett R. The public realm. London: Blackwell Publishers, 2010. 480 p.

[155] Шегрен А.М. Проекты о музейных сотрудниках как персонифицированный рассказ о музее // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 2 (10). С. 101–106; Балаш А.Н. "Границы музея" как предмет профессиональной рефлексии // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 1 (54). С. 175–182.

Формирование музейной сети Енисейской губернии происходило в конце XIX – начале XX вв., когда, как отмечал хранитель Красноярского городского музея А.Я. Тугаринов, «среди русского интеллигентного общества … стала усиленно пропагандироваться идея создания местных музеев»[156].

К моменту организации первого музея Енисейской губернии, в административных центрах трех сибирских губерний комплексные музеи краеведческого профиля уже были созданы, пережили период стагнации и возобновили свою деятельность благодаря участию Императорского Русского географического общества. В 1782 г. был открыт Музей естественных произведений в Иркутске[157] (передан в ведение РГО в 1854 г.[158]); в 1823 г. – Музей при Управлении Колывано-Воскресенских заводов «Барнаульский горный Музеум» (передан в ведение РГО в 1892 г.)[159]; в 1870 г. – в г. Тобольске.

В Енисейской губернии первый музей «местного края» был основан в 1877 г. Произошло это событие не в столице губернии, а в уездном городе Минусинск[160]. В 1883 г. был открыт второй музей в другом уездном городе – Енисейск[161]; третий – в 1887 г. в Ачинске[162].

Административный центр Енисейской губернии – Красноярск[163] – стал только четвертым городом, в котором был организован музей. Впервые на официальном уровне вопрос об открытии общественных Музея и бесплатной библиотеки был поднят 17 марта 1888 года. Городской Думой было рассмотрено заявление Комитета по устройству, в котором говорилось о том, что Комитет постановил «озаботиться прежде всего о сельскохозяйственном отделе музея»,

---

[156] Тугаринов А.Я. Исторический очерк Красноярского музея со времени его основания // 25-летие Красноярского городского музея (1889–1914). Красноярск: Енисейская губернская эл.-типография, 1915. С. 1.

[157] Шелегина О.Н. Музейная сеть Сибирского региона: процессы формирования и адаптации // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344. С. 103.

[158] Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века (1861-1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М.: Советская Россия. 1960. С. 153, 160.

[159] Вакалова Н.В. История формирования и развития музеев Томской губернии XIX – нач. XX вв.; дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

[160] Минусинск – год основания 1739, ныне по трассе расстояние до Красноярска – 433 км.

[161] Енисейск – год основания 1619, ныне по трассе расстояние до Красноярска – 336 км.

[162] Ачинск – год основания 1641, ныне по трассе расстояние до Красноярска – 173 км.

[163] Год основания Красноярска – 1628.

ассигновал из имеющихся в распоряжении сумм от 2 до 2500 руб. для приобретения сельско-хозяйственных орудий, инструментов и т.д., и «решил при первой возможности» открыть означенный отдел. Рассмотрев заявление, Дума постановила: «1) просить Городского Голову ходатайствовать …об учреждении Музея и бесплатной библиотеки; 2) отвести место земли в потребном количестве по Воскресенской ул.»[164]

12 февраля 1889 года Красноярский городской музей был открыт.

Почти десять лет спустя, в 1898 году, в Красноярске был создан еще один музей – «Педагогический».

Музей в Канске был организован в 1912 году[165].

В некоторых сельских местностях Енисейской губернии появились также частные музеи, как, например, судьи Н.Н. Шубина, собравшего в своей канцелярии в деревне Балахта (Минусинского уезда) коллекцию из почти 100 исторических предметов[166].

Таким образом, во всех городах и отдельных сельских поселениях Енисейской губернии в течении 35 лет были организованы музеи как учреждения общественные, комплексные, что является отражением мировых, российских и сибирских процессов модернизации городского социума[167].

---

[164] Тугаринов А.Я. Исторический очерк Красноярского музея со времени его основания // 25-летие Красноярского городского музея (1889–1914). Красноярск: Енисейская губернская эл.-типография, 1915. С. 3.

[165] В «Сибирской советской энциклопедии» [Источник: Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ 1932. С. 572] время создания Ачинского и Канского музеев датируется 1920 г. Однако, Д.А. Равикович, В.В. Хорина, данные ГАКК свидетельствуют о вышеуказанных датах [Источники: Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века (1861–1917 гг.). М.: Советская Россия. С. 160; Хорина В.В. Достойный ученик И. Т. Савенкова (Дмитрий Семенович Каргополов – основатель Ачинской городской библиотеки, Ачинского и Канского музеев). Красноярск: ГУНБ, 2013; ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 32. Л. 71.]

[166] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 32. Л. 59.

[167] Prior N. Museums: Leisure between State and Distinction // Histories of Leisure. London: Bloomsbury Publishing PLC. 2002. pp. 27–45; Duncan C. Civilizing Rituals: Inside Public Art Museums. London: Routledge. 1995. 192 p.; Малышева С.Ю. «Рождение досуга»: возникновение и эволюция понятия в XIX веке // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 173–186; Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: АЗБУКА, 2012. 214 с.; Ермакова Е.Е. Зарождение и становление институтов гражданского общества в Енисейской губернии. 1880 – 1916 гг.: дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2005.

Одновременно продолжалось формирование сибирской музейной сети. В 1878 г. был открыт музей в Омске, в 1887 г. – в Нерчинске, в 1891 г. – в Якутске и Благовещенске, в 1892 г. – во Владивостоке и Тюмени, в 1895 г. – в Чите, в 1902 г. – в Хабаровске[168] и Кяхте. Определенное влияние на этот процесс оказали энтузиасты музейного дела Енисейской губернии. Так, работа Д.А. Клеменца в Минусинском музее, где он сложился, как отмечает Э.И. Черняк, как специалист, способствовала его деятельности на посту правителя дел Восточно-Сибирского отделения ИРГО. Обращаясь к местным горожанам с инициативой открытия музея в Кяхте, Д.А. Клеменц приводил в пример Енисейскую губернию, отметив решающую роль «частной инициативы» в создании Минусинского, Енисейского, Ачинского музеев[169].

По мнению исследователей, в некоторых случаях инициатива создания/восстановления деятельности сибирских музеев принадлежала губернским статистическим комитетам, земствам, городским самоуправлениям. В других ситуациях, связывают – с развитием отдельных отраслей промышленности или деятельностью научных обществ, прежде всего Императорского Русского географического общества, а также местных энтузиастов[170]. Музеи были заняты изучением края, сбором и экспонированием, как писал в 1887 г. сотрудник Минусинского музея А.О. Лукашевич, «образцов всех произведений природы, от горных пород до человеческих типов, так …и продуктов человеческой деятельности во всех ее ограниченных местными обстоятельствами

[168] Труевцева О.Н. Императорское русское географическое общество как основатель сибирских музеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 35. С. 80–81.

[169] Черняк Э.И. Д.А. Клеменц и создание музея в Кяхте // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 5–8.

[170] Малкова И.Г. Городские музеи в культурном пространстве уральского города второй половины XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249). С. 52; Ваганов А.А. Горнозаводские музеи Урала в дореволюционный период Горнозаводские музеи Урала в дореволюционный период // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 11–15; Труевцева О.Н. Основатели первых музеев Сибири. XVIII – начало XIX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2023. № 24. С. 79–85.

проявлениях»[171]. Комплексность, многофункциональность, ориентированность на идеи родиноведения[172] сибирских музеев заложили, по мнению О.Н. Шелегиной, «основы для реализации миссии музеев по формированию и трансляции сибирской региональной идентичности»[173].

Конец XIX – начало XX вв. отмечен стремительным развитием в России просветительного движения, изменениями социокультурной сферы, вытеснением домашних и семейных форм проведения досуга, его тенденцией к публичности и переходу к модели, которую Н.А. Хренов характеризует как основанную «на коллективном, а не личном опыте переживания времени»[174]. Возможно предположить, что среди сибиряков набиравшее популярность публичное времяпровождение было связано, в том числе, и с отдельными особенностями политики органов власти. Например, пристальный интерес государства к традиционным домашним и семейным формам проведения свободного времени вызывал недоумение иностранных путешественников. Так, оказавшийся в Сибири английский врач Ч. Веньон (Charles Wenyon), отмечал необходимость получения специального разрешения полиции, «даже если это была частная вечеринка на дому», в том случае, когда число ее участников оказывалось «выше допустимого»[175].

Красноярск являлся самым крупным городом Енисейской губернии уже в середине XIX века. Посетивший город французский путешественник Э. Котто

---

[171] Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века (1861-1917 гг.). М.: Советская Россия. 1960. С. 148; Труевцева О.Н. Императорское русское географическое общество как основатель сибирских музеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 35. С. 79–82.

[172] Родиноведение – предмет, введение которого в учебные программы народных школ в конце XIX – начале XX вв. рассматривалось как важный фактор воспитания подрастающего поколения настоящими гражданами России [Источник: Смокотина Л.И. Г.Н. Потанин о настоятельной потребности введения предмета «родиноведение» в учебные программы российских народных школ в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия История. 2008. №3(4). С. 96–99].

[173] Шелегина О.Н. Музейная сеть Сибирского региона: процессы формирования и адаптации // Вестник Томского университета. 2011. № 344. С. 103–110.

[174] Хренов Н.А. Мифология досуга. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора. 1998.

[175] Wenyon Ch. Four Thousand Miles across Siberia on the Great Post Road. URL: https://www.readanybook.com/ebook/four-thousand-miles-across-siberiaon-the-great-post-road-124585.

(Edmond Cotteau) сохранил о городе «приятное воспоминание», среди жителей нашел много «любезных особ» и «в большинстве домов вполне радушное общество»[176] (Рисунок 1).

Рисунок 1. Красноярск в конце XIX века[177]

В 1863 – 1914 гг. за счет миграционных процессов, связанных с колонизацией Сибири, в Красноярске продолжался рост численности городского населения[178], увеличивалось число социальных слоев, что создавало социальную базу для новаций в различных сферах повседневной жизни, в том числе, появления новых требований к количественным и качественным показателям культурного публичного пространства. Многие жители города стали использовать свое свободное время для посещения драматических театров и кинотеатров, клубов и библиотек, отдыха на свежем воздухе в черте города и загородных прогулок.

По мнению исследователей, важную роль в эволюции городской социокультурной сферы играло создание сети учебных заведений. Элементарные образовательные потребности горожан удовлетворяли 4 начальных приходских

[176] Город Красноярск // Енисейские губернские ведомости. 1891. № 1. С. 7.
[177] https://vk.com/krashistory?z=photo-181806783_457242973%2Fwall-181806783_5886
[178] В 1863 г. в Красноярске было зарегистрировано 9 997 чел., в 1893 г. – 17 035 чел., в 1899 г. – 30 900 чел. К 1917 г. число горожан увеличилось до 60 000 чел. [Источник: Кискидосова Т.А. Демографические процессы в Красноярске во второй половине XIX века // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 4 (30). С. 160]

училища для мальчиков и девочек и 3 школы для взрослых. Среднее образование юные жители города могли получить в мужской (создана в 1868 г.) и женской (1878) гимназиях. Неполное профессиональное – в учительской семинарии (1873), ремесленном (1874) и железнодорожном (1894) училищах, в повивальной школе. Всеобщее начальное образование было введено в 1908 году. К 1914 г. в Красноярске работало 70 учебных заведений с 8900 учащимися. Однако, для получения высшего образования молодежь имущих и привилегированных классов и слоев населения уезжала в университеты Петербурга, Москвы, Казани и т.д.[179]

Другим существенным фактором изменений городской среды являлось формирование сети культурно-просветительских учреждений. Е.В. Мельникова, исследуя вопросы взаимодействие театра и города сибирской провинции, говорит о том, что рост городского населения и расширение интереса к театру «предопределяли дальнейшее умножением театральных антреприз, а появление новых театров порождало новых зрителей»[180]. Данное утверждение применимо и в отношении других учреждений культуры, число которых росло, формируя новых пользователей и расширяя спектр способов проведения свободного времени.

Один из первых институтов культурного публичного пространства Красноярска – Городской театр – был открыт в 1878 г. Театр был небольшим, деревянным, играли в нем драматическая и опереточная труппы. Одним из свидетельств как интереса горожан к театральному досугу, так и его недостаточности, может служить организация в 1888 г. «Общества любителей драматического искусства» с целью «предоставить своим членам возможность

[179] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 90. Л. 11; КККМ. ОФ 8171/ПИ 3484. «Великий путь: виды Сибири и Великой Сибирской железной дороги». Красноярск: издание М.Б. Аксельрод и К°, 1899. С. 108; Вдовин А.С., Подъявилова Г.В. Педагогическая деятельность И.Т. Савенкова // Научный ежегодник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2004. Вып. 4. Т. II. С. 346; Колокольникова З.У., Лобанова О.Б. Особенности организации и деятельности педагогических музеев Сибири конца XIX – первой четверти XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 4. С. 244–248; Аксенова А.В., Гонина Н.В. Общественный досуг в городе Енисейске в конце XIX–начале XX вв. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII – XXI вв.). Новосибирск: Параллель, 2017. С. 297–302; Красноярский край в контуре Енисейской губернии. Красноярск, 2023. С. 10, 22–23.

[180] Мельникова Е.В. Театр и город сибирской провинции (конец XIX – начало XX вв.). Омск: 2004. С. 110.

собираться для исполнения различных произведений драматического искусства… распространять любовь … и развивать понимание его»[181]. Осенью 1898 г. театр сгорел.

Начало XX в. ознаменовалось для красноярцев организацией в городе нового театра и двух кинотеатров. В 1901 г. в городе был открыт новый Городской театр. Изначально здание планировалось как Пушкинский Народный дом – для «обеспечения культурно-просветительных нужд необезпеченных слоев городского населения». Однако, финансовые затруднения заставили город «обратить» Дом в театр, «отдав его в распоряжение антрепренеров-коммерсантов»[182]. В 1910 г. появился стационарный кинотеатр – «Патеграф», в 1911 г. – «Художественный».

Распространенным видом проведения свободного времени являлось «посещение» клубов и собраний, где, как и жители других сибирских городов[183], красноярцы играли в карты, домино, шашки, биллиард и т.д.; проводили балы, маскарады, устраивали музыкальные и литературные вечера. Коснулись горожан и новые веяния клубной деятельности[184] – приглашения «специалистов по различным наукам» для выступления с лекциями, служившими «распространению …полезных сведений»[185]. Подобные мероприятия нередко проводились в организованных при клубах, в соответствии с новыми потребностями городского социума, библиотеках.

Развитие литературы, научные достижения, стремление различных социальных слоев населения к чтению, с одной стороны, и высокая стоимость книг, с другой, формировали достаточно устойчивый спрос на организацию библиотек, особенно со стороны менее обеспеченных жителей города. Формирование

---

[181] КККМ. ОФ 6679/112.

[182] Дом Просвещения и его задачи // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 2–3. С. 16.

[183] Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: АЗБУКА, 2012. С. 143–160.

[184] Розенталь И.С. «И вот общественное мненье!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX в. М.: Новый хронограф, 2007. 398 с.; Яхно О.Н. Досуг в провинциальном городе начала 20 века – новые формы организации // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 73–84.

[185] КККМ. ОФ 6679/11. ЛЛ. 3-7.

городской библиотечной сети началось еще в 1839 году. В 1891 году число постоянных пользователей Красноярской городской библиотеки составило 259 чел. (в том числе, 103 жен.) из них 187 платных подписчиков и 72 бесплатных. Библиотека располагалась в центре города и, соответственно, удовлетворяла нужды только части городского населения, оставаясь для жителей рабочих кварталов малодоступной как по причине «дальности расстояния», так и «дороговизны» читательских абонементов[186]. Тем не менее, к 1893 году число посетителей увеличилось до 472 чел. (114 жен.)[187]. На начало 1914 года в Красноярске работали 16 библиотек, в том числе, Енисейского губернского земства, статистического комитета, казенной палаты, Братства св. Иннокентия, Вольно-пожарного клуба и др., 5 книжных складов и 4 книжных киоска. Существовали также частные библиотеки, крупнейшей из которых была библиотека купца, золотопромышленника, мецената Г.В. Юдина[188].

Кроме того, в структуре досуговой деятельности жителей губернского Красноярска начал проявляться еще один аспект ее модернизации – популярность проведения свободного времени на свежем воздухе, например, в Городском саду. Описывая его достоинства, авторы путеводителя «Великий путь: виды Сибири и Великой Сибирской железной дороги» с гордостью отмечали, что «почти ни один город в Сибири» не обладал таким «обширным, густым и многолетним садом, скорее парком, как г. Красноярск», в летнее время привлекавший массу разнообразной публики со всех концов города подышать чистым воздухом или посмотреть театрализованные представления заезжих трупп[189]. Расположение города на одной из красивейших рек Сибири – Енисее – предоставляло дополнительные возможности отдыха. Обсаженная небольшими деревьями

---

[186] Смирнов В. Очередные задачи г. Красноярска в деле народного образования // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 6. С. 11–13.

[187] Отчет по Красноярской городской общественной библиотеке за 1891 и 1892 гг. и Красноярскому городскому музею за 1892 г. Красноярск: [б/и], 1893. С. 3, 11.

[188] КККМ. Оп. 01. Д. 358. ЛЛ. 71-72; Андроненко О.В., Жуковская Л.Н. К вопросу об истории зарождения и развития библиотек на территории Енисейской губернии в XIX – начале XX вв. Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. С. 151.

[189] КККМ. ОФ 8171/ПИ 3484. «Великий путь: виды Сибири и Великой Сибирской железной дороги». Красноярск: издание М.Б. Аксельрод и К⁰, 1899. С. 111–112.

деревянная набережная реки становилась местом проведения пикников и прогулок в летнее время, в зимнее – катания с ледяных горок.

Приобретал популярность загородный отдых. В летний период, прежде всего, на дачах, расположенных вдоль левого берега Енисея. В Гремячей Сопке располагались дачи именитых горожан. Красивая с причудливыми резными украшениями беседка дачи И.А. Матвеева[190] была расположена у подошвы горы. На северо-восточных склонах – дачи городских жителей попроще. По Енисею устраивались небольшие прогулки на небольших винтовых пароходах. Получили распространение поездки на курорт озера Шира (Минусинского уезда). На Прощенное воскресенье «часть красноярской публики» уезжала к родственникам, проживавшим в деревнях и селах, где устраивалась традиционная зимняя забава – «постройка и взятие Снежного городка»[191].

Другой составляющей массового досуга красноярцев стал отдых в расположенной на правом берегу «горной местности…, известной … под общим названием “Столбы”», регулярное посещение которых фиксируется архивными источниками с 1887 года. Летом на Столбах скапливалось «туристов до сотни человек обоего пола»[192]. Постепенно к такому способу проведения свободного времени стали приобщаться и гости города. Так, М.В. Красноженова[193] вспоминала, как в 1899 году Столбы посетила группа из 45 учителей 1-х учительских церковно-приходских курсов[194]. С момента зарождения локальную особенность данной формы досуга составил ее коллективный характер. В городском социуме даже сложилась особая терминология. Красноярцы стали называть компании любителей походов – столбистскими, а участников – столбистами и столбистками, так как членами компаний были и женщины (Рисунок 2).

---

[190] Матвеев Иннокентий Алексеевич (1857–1936) – один из основателей Красноярского городского музея, меценат, городской голова Красноярска в 1891–1893 гг. Выпускник Военно-медицинской академии.

[191] КККМ. ОФ 8171/ПИ 3484. С. 113-115; Красноженова М.В. Взятие «Снежного городка» в Енисейской губернии // Сибирская живая старина. 1924. Вып. II. С. 26.

[192] КККМ. ОФ 8171/ПИ 3484. С. 123

[193] Приложение 1 – Красноженова Мария Васильевна, с. 257.

[194] ГАКК. Ф.Р-2120. Оп. 1 Д. 73. ЛЛ.13–15.

Рисунок 2. Столбисткая компания 1910 года [195]
В центре И.И. Каратанов, слева стоит А. Тулунин, Д.И. Каратанов (сидит, ему подносят чашу), справа А.Л. Яворский[196].

Исследователи досоветского периода отмечают сохранение дистанции в досуге горожан различных социальных слоев, С.Ю. Малышева связывает данный факт с желанием «не допустить в те или иные его части представителей отдельных групп населения»[197]. В условиях Красноярска Благородное собрание и Мещанский клуб отличались лишь названиями, так как «бывали» в них представители любых сословий[198], участие в деятельности – могли принять «лица обоего пола всех … национальностей», так, например, единственное уставное ограничение касалось участия в общих собраниях «Общества любителей драматического искусства» «…нижних полицейских чинов и юнкеров, подвергшихся ограничения прав по суду»[199]. М.Ф. Прайс, английский политический деятель и журналист, побывавший в Енисейской губернии в 1910 году и издавший по результатам «экспедиции в малоизвестную, но быстро развивающуюся страну» книгу воспоминаний «Сибирь», сетовал на свою неспособность отличить по каким бы то ни было

[195] https://vk.com/krasnetip (дата обращения: 01.07.20)
[196] Приложение 1 – Каратанов Дмитрий Иннокентьевич, с. 256; Яворский Александр Леопольдович, с. 263.
[197] Малышева С.Ю. Досуговое пространство провинциального города: Казань во второй половине XIX – начале XX вв. // Диалог со временем. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 323.
[198] КККМ. ОФ 8171/ПИ 3484. С. 108.
[199] КККМ. 6679/112. С. 1–5.

внешним признакам представителей разных социальных слоев[200]. Возможно предположить, что отдых на свежем воздухе был наиболее демократичным видом массового досуга горожан.

Формирование культурного пространства Красноярска в конце XIX – начале XX вв. происходило благодаря деятельности социально активных жителей города, в первую очередь, представителей местной интеллигенции, результатом которой являлась организация новых институтов культурного публичного пространства. Так, Городской театр был открыт при активном участии А.П. Кузнецова[201]; первое в Сибири профессиональное ремесленное училище – Т.И. Щёголевой[202]. Проект задуманной еще вместе с музеем библиотеки был реализован в 1899 году благодаря О.А. Данилову[203], пожертвовавшему 8 000 руб. на строительство здания. Одна из первых столбовских компаний была организована А.С. Чернышевым[204], «сгруппировавшим» «крепкое ядро молодежи», в основном учащейся и составлявшей почти 50% посетителей Столбов[205]. Участие представителей интеллигенции освещалось на страницах местной прессы, так, например, газета «Енисейская церковная нива» отмечала их «сочувственное» отношение «к делу … культурно-просветительной работы», выражавшееся в устройстве «различного рода здоровых и разумных развлечений для народа»[206]. Таким образом, несмотря

[200] Price M.P. Siberia. London: Methuen and Co. Ltd. 1912, C. 32.

[201] Кузнецов Александр Петрович (1848–1913) – из семьи красноярских золотопромышленников, старший брат одной из основательниц Красноярского городского музея Ю.П. Матвеевой, купец, и меценат. Член городской управы и Красноярского Подотдела Восточно-Сибирского отдела ИРГО, Председатель «Общества любителей драматического искусства» и Красноярской учительской семинарии, Председатель городской рисовальной школы, оказывал финансовую поддержку музею.

[202] Щёголева Татьяна Ивановна (…-1879) – супруга И.Г. Щёголева, городского головы в 1859 – 1861 гг., на средства которого был построен Богородице-Рождественский Собор, и за что он был удостоен дворянского титула Александром II. Т.И. Щёголева продолжила после смерти мужа благотворительную деятельность.

[203] Данилов Осип Александрович (1833–1899) – из семьи крупных купцов, владельцев золотых приисков в Енисейской губернии и Западной Сибири. Выпускник Санкт-Петербургского университета.

[204] Чернышев Александр Семенович (1851–1898) – писец Красноярского губернского правления, отец архитектора, автора нового здания музея и столбиста Леонида Александровича Чернышева.

[205] ГАКК. Ф.Р-2120. Оп. 1 Д. 73. ЛЛ. 13-15.

[206] Отчет о пастырско-приходской трезвенной и культурно-просветительной работе по Канскому уезду // Енисейская церковная нива. 1917. № 6. С. 50.

на то что в конце XIX – начале XX вв. интеллигенция в общей массе населения Енисейской губернии составляла всего 1,5%[207], вклад ее наиболее «инициативных личностей» в формирование городского культурного пространства сложно переоценить, особенно когда речь идет о сохранении историко-культурного наследия, важного для местного сообщества – создании музеев.

Музей в уездном Минусинске был организован местным просветителем, провизором Николаем Михайловичем Мартьяновым[208]. Инициатива создания музея в Енисейске принадлежала Гласному Енисейской Городской Думы Никите Виссарионовичу Скорнякову и представителям интеллигенции, прежде всего, купцу, золотопромышленнику Александру Игнатьевичу Кытманову, до конца своих дней остававшемуся Распорядителем музея. Фонд музея при открытии составили 3064 экспоната, большая часть которых (2023 пред.) была пожертвована А.И. Кытмановым, еще часть (599 пред.) – Н.М. Мартьяновым[209]. Традиция оказания помощи в организации новых музеев, заложенная Николаем Михайловичем, поддерживалась сотрудниками Минусинского музея и в советский период[210]. Музей в Ачинске был основан учителем трехклассного училища

[207] Андроненко О.В., Жуковская Л.Н. К вопросу об истории зарождения и развития библиотек на территории Енисейской губернии в XIX – начале XX вв. С. 149; Лонин А.В. Интеллигенция в общественно-политической жизни Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв. Красноярск: [б/и]. 2005. 101 с.

[208] Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 48; ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 32. Л. 59; См. подробнее: Ермолаева Л.Н. Николай Михайлович Мартьянов – основатель музея и сибирской музейной школы: история, продолжение традиций // Мартьяновские краеведческие чтения (2008–2009 гг.): Вып. VI. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, 2010. С. 41–46; Артамонова Н.Я. Краеведческий музей в культурном развитии уездного города // Мартьяновские краеведческие чтения (2008–2009 гг.). Вып. VI. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, 2010. С. 54–58.

[209] ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Енисейского научного музея с 1 октября 1922 по 1 октября 1923 гг. ЛЛ. 1-2; Поздеева Н.В. Кытмановы: истории из жизни Енисейского купеческого рода. Красноярск: ГУНБ КК, 2022; Комлева Е.В. "По мере сил наших и знаний будем работать...": из переписки основателей Минусинского и Енисейского общественных музеев. Вып. II. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, 2020. С. 161–167.

[210] Феоктистова Т.Н. История становления и развития музейного дела в Хакасии в XX веке (1928–2003 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2004.

Дмитрием Семеновичем Каргаполовым, с чьим именем также связано и основание музея в Канске[211].

Инициатива создания музеев губернского Красноярска также принадлежала представителям местной интеллигенции.

Педагогический музей, единственный, на тот момент, специализированный методический и культурно-просветительный центр в Восточной Сибири[212], был создан преподавательницей географии Красноярской женской гимназии Марией Васильевной Красноженовой. Основу фондов – учебные и наглядные пособия, картины для волшебного фонаря, всего 581 пред. – составили ее личные пожертвования, а также представителей педагогической и научной общественности города.

Красноярский городской музей был основан по инициативе Иннокентия Алексеевича Матвеева, его супруги Юлии Петровны, дочери золотопромышленника П.И. Кузнецова, и других «местных интеллигентных деятелей». Организаторами по подписке было собрано пожертвований на сумму 7 293 руб., из них 3 000 руб. пожертвовала Ю.П. Матвеева, 2 000 руб. – И.А. Матвеев. Кроме того, супруги Матвеевы передали в дар картины, коллекции тропических птиц, археологических и этнографических предметов, в том числе, китайской культуры. А.П. Кузнецовым была пожертвована коллекция уральских и нерчинских минералов; П.С. Проскуряковым[213] – материалы личных сборов

---

[211] ГАКК. ФР-1380. Оп.1. Д. 32. Л. 71; Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века. С. 160; Хорина В.В. Достойный ученик И. Т. Савенкова (Дмитрий Семенович Каргополов – основатель Ачинской городской библиотеки, Ачинского и Канского музеев). Красноярск: ГУНБ КК, 2013. С. 270–279.

[212] Колокольникова З.У., Лобанова О.Б. Особенности организации и деятельности педагогических музеев Сибири конца XIX – первой четверти XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 4. С. 244.

[213] Проскуряков Павел Степанович (1857–1919) – первый консерватор Красноярского городского музея (1889–1892 гг.). Выпускник Естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Приехал в Красноярск в 1883 г. Наставник Красноярской учительской семинарии. Археологические изыскания в окрестностях города проводил вместе с другим выпускником Санкт-Петербургского университета, директором семинарии, создателем Красноярской археологической школы И.Т. Савенковым (1846–1871). В связи с переездом в Томск, уехал из города в 1900 г.

археологических раскопок и минералов из окрестностей города; М.Е. Кибортом[214] – более 800 чучел птиц Красноярского округа. В организации коллекции Красноярского музея принял участие и Н.М. Мартьянов, передав часть экспонатов ботанического отдела[215]. Сведения о составе коллекций на момент открытия Красноярского городского музея на данный момент не обнаружены. Фактические данные о количестве поступивших в 1889 – 1892 гг. предметов представлены в табл. 1, характеризуют структуру и свидетельствуют о динамике роста коллекций с момента основания музея.

№	Отдел	Количество поступивших музейных предметов				
		1889 г.	1890 г.	1891 г.	1892 г.	Всего
1.	Сельскохозяйственный	455	15	1	41	512
2.	Естественноисторический	2312	1208	596	588	4704
3.	Антропологический	269	164	12	32	477
4.	Археологический	358	62	20	2200	2640
5.	Промышленный	123	143	145	30	441
6.	Образовательный	212	57	-	-	269
7.	Нумизматический	670	129	40	89	928
Все отделы		4399	1778	814	2980	9971

Таблица 1 – Поступления в Красноярской городской музей в 1889–1892 гг.[216]

Когда в 1903 году городской думой музей был передан в ведение Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела ИРГО[217], в фондах

[214] Киборт Михаил Ефимович (1838–1916) – третий консерватор Красноярского городского музея. Выпускник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. За антиправительственную деятельность был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, затем выслан в Якутию. Оказавшись в Красноярске, поступил на работу в Городскую управу, занимался археологией, орнитологией, освоил мастерство таксидермиста.

[215] Отчет по Красноярской городской общественной библиотеке за 1891 и 1892 гг. и Красноярскому городскому музею за 1892 г. Красноярск: [б/и], 1893. С. 20–48; Тугаринов А.Я. Исторический очерк Красноярского музея со времени его основания // 25-летие Красноярского городского музея (1889–1914). Красноярск, 1915. С. 2; Ахтамов Е.А. Подвижники Красноярского Краевого краеведческого музея // Труды Братского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. 2005. Т. 1. С. 57.

[216] Дмитриенко Н.М. А.Я. Тугаринов о становлении Красноярского музея. Музееведческое наследие Северной Азии: труды музееведов XIX – начала XX века. Томск: [б/и]. 2019. С. 225.

[217] Создан в январе 1901 г. С момента организации, сотрудники отдела столкнулись с проблемой хранения и экспонирования привезенных из экспедиций предметов. Однако, финансовая возможность открытия собственного музея отсутствовала. Поэтому возникла «естественная» мысль воспользоваться «существующим городским музеем», которая и была озвучена на состоявшемся в сентябре 1902 г. заседании Распорядительного комитета подотдела его председателем В.Ю. Григорьевым. Красноярский городской музей перешел в «в полное заведование» Красноярского подотдела 9.06.1903 г. [Источники: ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ.

числилось 16 183 пред.[218] К 1914 году благодаря коллективным усилиям красноярцев коллекции увеличились до 68 972 пред.[219]

Уже упомянутый выше М.Ф. Прайс, представитель государства с давними музейными традициями, посчитал основание музеев аргументом в пользу «наступления в Сибири эпохи образования и просвещения» и отмечал как ценность коллекций Музея провинциального Красноярска, так и полную их «неорганизованность»[220]. Возможно предположить, что одной из причин такой характеристики является хаотичность поступлений, связанная со способами формирования фондов, что было характерно для многих провинциальных музеев. Тем не менее, рост коллекций, их постепенная систематизация позволили Красноярскому городскому музею стать составляющей музейного мира Сибири, принимая участие в выставках, обмене коллекционными дубликатами[221].

Деятельность музеев Енисейской губернии освещалась региональной прессой. «Музейный» нарратив, способствовал, открытию местных музеев[222], являлся значимым фактором формирования отношения жителей к музейным процессам[223] и, кроме того, сыграл важную роль в популяризации идеи «музейного» досуга. Рассматривая музейную ситуацию на локальном уровне, местная пресса нередко расставляла приоритеты. Так, например, в 1891 г. издание «Енисейские губернские ведомости» «первое место» оставило за музеем

3, 5; Тугаринов А.Я. Исторический очерк Красноярского музея со времени его основания // 25-летие Красноярского городского музея (1889–1914). Красноярск, 1915. С. 1–100].

[218] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; ГАКК. ФР-795. Оп. 1. Д. 29. Л. 3.

[219] Докладная записка Красноярского подотдела Императорского географического общества о возбуждении перед Министерством Вн. дел ходатайства об оказании денежной помощи на покрытие выстроенного здания музея // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 8. С. 49.

[220] Price M.P. Siberia. C. 24.

[221] Майзик Е.И. Международные коммуникации музеев Енисейской губернии в конце XIX в. // Вопросы музеологии. 2019. Т. 10. Вып. 1. С. 112–122.

[222] Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века (1861–1917). М.: Советская Россия, 1960. С. 152.

[223] Шелегина О.Н. Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. С. 24–27; Борисевич И.Г. Сибирские музеи в периодической печати XIX – начала XX вв. // Духовно-исторические чтения. Красноярск: ИПК СФУ, 2008. С. 14–18.

Минусинска[224]. Тщательно зафиксировавший свои разговоры с местными жителями, лучшим в Сибири, «несмотря на всю свою удаленность и изолированность», называл Минусинский музей и М.Ф. Прайс, отметил сожаления горожан о недостаточной финансовой поддержке музеев со стороны государства[225]. Воспоминания английского путешественника также дают основания утверждать, что музейная культура, являлась темой повседневных разговоров, начала постепенно проникать в обыденность горожан Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв.

Другим основанием для утверждения о востребованности новых институтов городского культурного пространства является статистика посетителей музеев. Так, например, в течении двух первых лет после открытия Красноярского городского музея число его посетителей составило более 10 000 чел. Посещаемость Минусинского музея спустя менее чем 10 лет с момента основания доходила до 8 000 чел. в год, основной процент посетителей составляли крестьяне и представители аборигенных народов; в 1908 г. музей посетили уже 12 000 чел. Для сравнения количество посетителей музея такого же некрупного сибирского города Тобольск в том же году составила всего 974 чел., Екатеринбургского музея общества любителей естествознания – 6 384 чел.[226] О.Н. Шелегина оценивает ежегодную посещаемость сибирских музеев в досоветский период в 30 000 чел.

Итак, мечта о создании «“не музеев-архивов”, покрытых пылью и закрытых крепкими замками от населения, а музеев – культурных хранилищ, … где всякий легко и свободно может получить наглядное представление о природе и быте целого округа…», которая обсуждалась столичной интеллигенцией[227], оказалась

---

[224] Описание выставки предметов сельского-хозяйства, промышленности, кустарных изделий и местных научных прикладных предметов, открытой в г. Красноярске 1 июля 1891 г. // Енисейские губернские ведомости. 1891. № 43. С. 3.

[225]См подробнее: Бершадская С.В. Музеи Енисейской губернии начала XX века: по воспоминаниям британского путешественника М.Ф. Прайса // Известия лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2 (47). С. 119–127.

[226] Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века (1861–1917 гг.). М.: Советская Россия, 1960. С. 196–197.

[227] Бортвин Н.Н., Гинтовт А.А., Сизых С.Я. Программа по музееведению Сибири. Санкт-Петербург: Общество изучения Сибири и улучшения ее быта, 1914. С. XIV.

воплощена в жизнь небольшой группой провинциальных энтузиастов, объединенных общими интересами и целями, на территории городских и сельских поселений Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв., увеличивая количественные и качественные показатели культурного пространства и способствуя формированию особой парадигмы взаимодействия с местным социумом, в том числе, с властными структурами.

Система управления «музейным делом» и взаимодействие с органами власти в конце XIX – начале XX вв. характеризуются отсутствием специального учреждения, которому было бы вверено руководство деятельностью провинциальных музеев и их сотрудников. Роль центральной власти выражалась в регистрации, утверждении уставов и наблюдении, местной – в частичном финансировании. Так, на организацию музея Енисейска по подписке инициаторами было собрано 378 руб., городским самоуправлением была выделена традиционная для того времени сумма – 200 руб.[228] На содержание Минусинского музея в 1910 году государственная субсидия составила 2 761 руб. В 1914 году суммы ассигнований были увеличены до 3 200 руб. 16 коп. Наиболее ничтожные средства выделялись на содержание музея в Енисейске: в 1910 году было выделено 179 руб. 24 коп., в 1914 году – 64 руб.[229]

До 1917 года Красноярский городской музей содержался на средства Городского управления, ИРГО и пожертвования горожан. Ежегодное жалование консерватору в 300 руб. было установлено только в 1895 году. Устав, разработка которого была начата в 1894 году, был утвержден Министерством внутренних дел в 1902 году. С сентября 1903 года жалование консерватору было увеличено до 600 руб.; в 1904 году вновь уменьшено – до 360 руб., для отопления и уборки помещения музея выделялось 5 руб. в месяц. В 1910 году субсидия Городского управления составила 2 564 руб., в 1914 г. – 2 294 руб.[230] В этом отношении музеи Енисейской губернии не являются исключением, более чем скромное

[228] ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Енисейского научного музея с 1 октября 1922 по 1 октября 1923 гг. Л. 1об.
[229] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 90. Л. 11.
[230] КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 9.

государственное финансирование было характерно для многих провинциальных музеев[231].

Исследователи отмечают, что одним из негативных последствий недостаточного интереса властных структур являлось размещение музеев в помещениях мало приспособленных для формирования фондов, хранения экспонатов[232]. Одним из таких примеров является Тюменский музей, деятельность которого начиналась в стенах реального училища[233].

Из всех музеев Енисейской губернии, в наиболее комфортных условиях, возможно, находился музей Минусинска, занявший в 1890 году, спустя 13 лет после открытия, специально выстроенное каменное двухэтажное здание[234]. Музей Енисейска, при открытии был размещен в здании Гостиного двора, в 1906 году переведен в каменное двухэтажное здание бывшей Городской Думы (число выставочных залов: 6, общая кубатура: 587 м., отапливалось 2 железными печами). Несмотря на то что оно находилось в центре города, было «очень удобным и уютным», однако, начинало постепенно приходить в негодность. В результате, нередко отпадала штукатурка, ломая стекла в витринах и мебель, ржавая крыша пропускала воду[235].

Коллекция Педагогического музея Красноярска вначале хранилась в квартире М.В. Красноженовой. В 1900 году экспонаты были перемещены в одну из комнат III Народного училища, в 1902 году – в помещение, выделенное в Городском театре. В 1903 году музей перешел в число учреждений,

---

[231] Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века (1861–1917 гг.). С. 162, 167; Шелегина О.Н. Музейная сеть Сибирского региона: процессы формирования и адаптации. С. 104.

[232] Григорьева С.Е. Томский областной краеведческий музей: на этапе становления // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 148–152; Труевцева О.Н. Основатели первых музеев Сибири. XVIII – начало XIX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2023. № 24. С. 79–85.

[233] Шелегина О.Н. Музейная сеть Сибирского региона: процессы формирования и адаптации.

[234] Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 36. Л. 19об.

[235] ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Енисейского научного музея с 1 октября 1922 по 1 октября 1923 гг. ЛЛ. 1–2.

подведомственных Обществу попечения о начальном образовании, и с этого момента начал получать субсидии на содержание[236].

При открытии Красноярского городского музея, собранную коллекцию супруги Матвеевы разместили сперва в нескольких комнатах собственного дома, затем экспонаты были переведены в усадьбу купца В.М. Крутовского[237]. В 1895 году по решению городской Думы Музей был переведен в двухэтажное каменное задние Гостиных рядов (построено в 1861), нижний этаж которых составляли неотапливаемые сводчатые кладовые лавки, верхний – предназначался для складов. В 1896 году был перемешен частью в верхний этаж, частью в подвальное помещение того же здания, так как комнаты, занимаемые музеем, были отданы в распоряжении полицейского управления[238]. В 1904 году верхний этаж был утеплен, увеличено количество окон, но все равно здание оставалось темным, недостаточно теплым. Сотрудники музея считали его «для музейных целей … совершенно не пригодным»[239]; М. Прайс назвал «больше похожим на амбар»[240].

В 1911 году Красноярский подотдел ИРГО обратился в городскую думу с Представлением «о решительной необходимости расширения помещения» музея. К этому времени здание Гостиных рядов обветшало настолько, что его ремонт был признан нецелесообразным. Оконные рамы прогнили, 2 печи пришли в негодность, остальные – дымили, ускоряя процесс порчи коллекций. В зимнее время температура в помещении опускалась до 4–5°C[241].

---

[236] Колокольникова З.У., Лобанова О.Б. Особенности организации и деятельности педагогических музеев Сибири конца XIX – первой четверти XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 4. С. 246.

[237] Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Аркадий Яковлевич Тугаринов и становление Красноярского музея // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 208.

[238] Дмитриенко Н.М. А.Я. Тугаринов о становлении Красноярского музея. Музееведческое наследие Северной Азии: труды музееведов XIX – начала XX века. Томск. 2019. С. 227–228.

[239] КККМ. Оп. 1. Д. 361. Л. 1.

[240] Price M.P. Siberia. London, 1912. С. 24.

[241] Докладная записка Красноярского подотдела Императорского географического общества о возбуждении перед Министерством Вн. дел ходатайства об оказании денежной помощи на покрытие выстроенного здания музея // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 8. С. 50.

Тем не менее, в 1912 году в здание было проведено электрические освещение[242]. В этом же году председатель подотдела ИРГО В.Ю. Григорьев, отмечая устойчивое пополненные коллекций, обратился к Городскому Голове П.С. Смирнову с идеей о необходимости строительства нового здания. Идея нашла поддержку.

На заседании Городской Думы 23 января 1913 года постройка нового здания Красноярского городского музея на городские средства была признана «наилучшим способом увековечивания памяти 300-летия царствования Дома Романовых». Прибывший в Красноярск в этот же год новый Енисейский губернатор И.И. Крафт отнесся к плану сочувственно. Собрав 18 ноября 1913 года в своей квартире общественных деятелей города, он обратился с призывом «помочь делу создания музея», значение которого должно было стать одинаковым, как «для жителя г. Красноярска, так и для обитателя самых северных или южных частей огромного При-Енисейского края». Был организован комитет по изысканию средств на постройку. Самим губернатором на встрече было пожертвовано 1 000 руб., присутствовавшими – еще 3 000 руб. Думой было выделено место на углу ул. Набережной и Гимназического пер. и 3 000 руб. Сочувственно отнеслись к идее строительства нового здания музея и горожане – пожертвования стали поступать не только в виде денежных средств (в подписке на строительство участвовали 70 жителей города, собрав сумму в 7 400 руб.), но и строительных материалов. Общая смета строительства составила 90 000 руб.[243] Проект здания был безвозмездно выполнен местным архитектором Л.А. Чернышевым[244] (Рисунок 3).

---

[242] Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея. Век подвижничества. Красноярск, 1989. С. 31.

[243] Красноярский городской музей // Известия Красноярского Отдела Русского Географического Общества. Красноярск. 1924. Т. 3. Вып. 2. С. 51–53; Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века (1861–1917 гг.), С. 161.

[244] Чернышев Леонид Александрович (1875–1932) – сын А.С. Чернышева, организатора одной из первых столбовских компаний. Родился в с. Сухобузимское Енисейской губернии. Выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Два года учился в Высшем художественном училище при Императорской академии художеств. Вернулся в Красноярск в 1906 г. Автор проектов построек на курорте озера Шира, жилых домов и магазинов Красноярска, в том числе, нового здания Красноярского городского музея. Столбист, друг художников В.И. Сурикова, Д.И. Каратанова.

Рисунок 3. Проект нового здания музея по проекту Л.А. Чернышева[245]

Строительство было начато весной 1914 года. В результате совместных усилий простых жителей города и представителей местной власти здание было возведено «под крышу»[246].

Итак, условия организации музейного пространства и музейной деятельности Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. соответствовали общесибирским. Помимо размещения музеев в тесных неприспособленных помещениях, другим важным последствием недостаточного государственного интереса являлись сложные условия деятельности энтузиастов музейного дела, что не могло не отразиться и на возможности посещения музеев жителями губернии. Так, постоянной экспозиции в Красноярском городском музее не было, устраивались только временные и передвижные выставки. Не менее отрицательные последствия государственной музейной политики заключались в существенном недостатке на территории Сибирского макрорегиона специалистов музейного дела. Специальных образовательных заведений для подготовки музейных работников

245 https://www.kkkm.ru/application/files/9014/7989/4373/proekt_gorodskogo_muzeja_poperechnii_razrez_18_dekabrja_1912_g.jpg (дата обращения 06.05.2025).

246 О достройке здания городского музея // Сибирская мысль. 1915. Октябрь 20. С. 3.

еще не существовало, что было не редкостью для профессиональных сообществ в досоветское время[247].

Первым консерватором Красноярского городского музея стал П.С. Проскуряков. После его отъезда из города, с октября по декабрь 1982 года должность консерватора занимал А.С. Еленев[248], успевший за непродолжительное время составить опись коллекций. Оставив службу в связи с переводом в Иркутск, он передал в дар музею собранную лично на стоянках и в пещерах вдоль рек Бирюсы и Ангары коллекцию китайских монет, костяных и каменных предметов. Следующим консерватором музея был М.Е. Киборт. С сентября 1903 года должность консерватора занимал выпускник Геттингенского университета, натуралист И.И. Муромов, благодаря которому Музей был открыт для «обозрения городским жителям» уже через два месяца после назначения. Но в начале 1904 года И.И. Муромов был призван в армию. Красноярский подотдел ИРГО планировал оставить за ним место, однако, отсутствие постоянного хранителя не могло не отразиться на деятельности музея. В качестве временного хранителя был приглашен А.А. Адрианов. Таким образом, как смена консерваторов, так и отсутствие пригодного помещения и в необходимом объеме государственной поддержки существенно понизили интерес горожан к деятельности Музея[249].

Новая жизнь Красноярского городского музея началась с приездом в январе 1905 года из Саратова нового консерватора, затем хранителя – А.Я. Тугаринова[250].

На момент поступления на службу в Красноярский городской музей А.Я. Тугаринову было 25 лет. В письме к супруге Вере Ивановне он признавался:

---

[247] Родигина Н.Н., Козлова И.С. Повседневная жизнь сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX вв.: методология исследования // Вестник Кемеровского университета. 2017. № 2 (70). С. 86.

[248] Еленев Алексей Сергеевич (1856 – …) – выпускник Императорского Санкт-Петербургского университет, преподавал в Красноярской мужской гимназии и Красноярской учительской семинарии. Археологическим раскопками занимался с 1885 г.

[249] Тугаринов А.Я. Исторический очерк Красноярского музея со времени его основания // 25-летие Красноярского городского музея (1889–1914). Красноярск: Енисейская губернская эл.-типография, 1915. С. 8; Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века (1861–1917 гг.). С. 161; Вдовин А.С., Макаров Н.П. Н.К. Ауэрбах – ученый и организатор науки в Сибири // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 17.

[250] Приложение 1– Тугаринов Аркадий Яковлевич, с. 261.

«Здесь (в Красноярском городском музее – С.В. Бершадская) работы вдвое больше, чем в саратовском…»[251]. Вера Ивановна вскоре присоединилась к мужу, и они вместе поселились в квартире при музее, где и прожили 21 год, до отъезда в Ленинград в 1926 году.

С самого начала своей деятельности в городе Аркадий Яковлевич проявил себя энергичным организатором музейного пространства. По мнению Н.П. Макарова, уже с 1906 года основные пополнения фондов Музея происходили не за счет пожертвований, а за счет личных сборов А.Я. Тугаринова, начавшего регулярные археологические исследования в окрестностях города, ботанические, зоологические, этнографические экспедиции по губернии. Кроме того, А.Я. Тугаринов оказался человеком, который смог найти в новом для себя городе и объединить людей, заинтересованных музейной деятельностью[252]. В первые годы пребывания на должности нового хранителя «поступают на службу» в музей или начинают «сотрудничать» как «добровольные помощники» – «Друзья Музея» – люди, ставшие основой музейного сообщества в первой половине 1920-х гг.

С 1906 года с Музеем оказался связан живописец Д.И. Каратанов, вернувшийся в город в 1905 году после трехлетнего обучения в Императорской Академии художеств у А.И. Куинджи. С 1908 года музей начал активно посещать, а затем работать в нем как «бесплатный помощник» 19-летний А.Л. Яворский. В этом же году с жалованием в 10 руб. на службу был принят 22-летний этнограф-самоучка А.П. Ермолаев[253]. С 1912 года «Друзьями Музея» стали основательница Педагогического музея М.В. Красноженова и политическая ссыльная

---

[251] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 13, 17.

[252] Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея. Век подвижничества. Красноярск: 1989. С. 26.

[253] Ермолаев Александр Петрович – родился в 1886 г. в дер. Канско-Перевозинская Канского уезда Енисейской губернии. Отец – зажиточный крестьянин. Мать работала в местной школе. Окончил школу в 1895 г. Учился в местном училище с 1896 г. по 1899 г. После окончания, служил на паровой мельнице в Канске, затем сборщиком денег на плашкоуте в Красноярске. Мечтал об обучении в Тулуновской лесной школе, куда поступил после того, как исполнилось 16 лет. Блестяще сдав экзамены, был зачислен на обучение за казенный счет. Окончил в 1904 г. с отличными результатами. Осенью 1908 г. пытался устроиться на службу в Управление Государственных имуществ в Красноярске, однако, в поступлении было отказано по причине «политической неблагонадежности». Был принят на работу в Красноярский городской музей с жалованием 10 руб. в месяц. С 1910 г., после ухода помощника хранителя М. Масленикова, был принят на должность помощника хранителя с жалованием 25 руб. в месяц.

Г.П. Миклашевская, переехавшая в город после окончания ссылки в с. Казачинское (Енисейской губернии). С 1914 года – археолог А.А. Савельев, также ссыльный, и местный житель геолог А.Н. Соболев[254].

Другой важной заслугой А.Я. Тугаринова является активное продвижение идеи «музейного досуга» среди горожан.

Музей был открыт для посещения по воскресеньям. В эти дни А.Я. Тугаринов проводил экскурсии, знакомя посетителей с богатствами Музея. В целях расширения аудитории, а также из-за недостаточности площадей проводились массовые культурно-просветительные мероприятия вне стен музея. Так, например, в 1910 году был организован первый этнографический вечер. Вечер был проведен в Городском театре и прошел при переполненном зале. Сотрудники Музея в фойе соорудили инсталляцию в виде типичной таежной избушки, перед которой был зажжен костер и сидел промышленник-ангарец с ружьем и собакой. Дальнейшее погружение посетителей вечера в мир народов, проживавших на территории Енисейской губернии, происходило через реконструкцию локальных событий – татарской свадьбы, праздника на улице сибирской деревни, камланья шамана[255]. Звучали песни на киргизском, русском, татарском и белорусском языках[256].

Второй этнографический вечер был организован в 1913 году, материал для которого был собран М.В. Красноженовой. Обращаясь к посетителям, А.Я. Тугаринов подчеркнул, что задачей мероприятия является сценическая популяризация народной жизни. На вечере были реконструированы сцены русской

[254] Приложение 1 – Миклашевская Генрика Павловна, с. 258; Савельев Антон Антонович, с. 259; Соболев Александр Николаевич, с. 260.

[255] Камлание шамана – главный из обрядов, совершаемый шаманом, суть которого заключается в том, что шаман в измененном состоянии вступает в общение со своими духами-помощниками, с помощью которых совершает путешествие в иные миры [Источник: Краткий словарь понятий и терминов по культурологии, фольклору и этнографии. Горно-Алтайск: БУ РА «Республиканский центр народного творчества», 2019. С. 99]

[256] Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея. Век подвижничества. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. С. 28–29.

деревенской свадьбы, повседневной жизни сибирских латышей. Сбор от вечера был передан в пользу Музея[257].

12 сентября 1913 года Музей посетил Ф. Нансен. Осмотр коллекций длился почти полтора часа. Знаменитый путешественник отметил полноту и разнообразие экспонатов, предоставившие ему возможность понять и ощутить «интерес и разнообразие» региона. Уделив особое внимание отделам этнографии и археологии, Ф. Нансен высоко оценил труд сотрудников Музея[258].

Подводя промежуточные итоги, необходимо отметить следующее. Выявленные в ходе исследования данные об особенностях формирования музейно-культурного пространства Енисейской губернии в конце XIX в. – 1914 г. свидетельствуют, что период характеризуется развитием новых форм досуговой деятельности, созданием новых институтов городского культурного пространства, в том числе музеев, началом формирования музейного сообщества.

Как самостоятельные учреждения, по инициативе социально активных горожан, в период с 1877 г. по 1912 г. музеи «местного края» были созданы во всех уездных городах губернии, два музея – в Красноярске: Городской и Педагогический. Роль краеведческих музеев их организаторами виделась в том, чтобы быть «источником объективных данных о местном крае» для научной общественности и широких слоев населения[259]. Объективные процессы модернизации российского общества, неизбежно затронувшие жителей губернии, способствовали социокультурной коадаптации немногочисленных энтузиастов музейного дела и простых горожан. Формирование музейного пространства происходило благодаря организаторам музеев, оказывавшим значительную поддержку друг другу при организации музеев[260]. Однако, не меньшее влияние

---

[257] Этнографические вечера // Известия Красноярского отдела Русского географического общества (Красноярск). 1924. Т. III. Вып. 2. С. 55–56; Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея. Век подвижничества. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. С. 31–32.

[258] ГАКК. ФР-1675. Оп. 1. Д. 82. Л. 2; Оп. 1. Д. 83. ЛЛ. 4об.-5.

[259] Тугаринов А.Я. Местные музеи Сибири и организация их деятельности // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск: [б/и], 1919. С. 42–49.

[260] Труевцева О.Н. Императорское русское географическое общество как основатель сибирских музеев // Вестник КемГУКИ. 2016. № 35. С. 80; Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 68; Милевский О.А. Преодолевая

имели пожертвования обычных жителей губернии. Как на современном этапе[261], важным стимулом формирования музейного сообщества стало появление в 1905 году в Красноярском городском музее нового директора А.Я. Тугаринова, уже имевшего опыт музейной работы. А.Я. Тугаринов сумел привлечь и организовать людей, заинтересованных музейной деятельностью, что позволило коллективу единомышленников расширить объем участия Музея в культурной жизни города. Выявленная статистика посетителей музеев свидетельствует, что в конце XIX в. – 1914 г. музеи стали одним из важных факторов диверсификации культурного пространства, а также о том, что такая форма проведения свободного времени оказалась принятой как городским, так и сельским социумом, что заставляет с достаточной долей уверенности предположить, что несмотря на обширность территории, жители Енисейской губернии, по сравнению с жителями некоторых других провинциальных регионов[262], оказались достаточно приобщены к «музейному» досугу.

1.2. Особенности музейной деятельности в 1914 – 1919 гг.

Особенности «кризисного», по определению исследователей[263], периода 1914 – 1919 гг. определили динамику дальнейшего формирования музейно-культурного пространства, оказали значимое влияние на процессы становления музейного сообщества Енисейской губернии.

расстояния: история дружбы Н.М. Мартьянова и Д.А. Клеменца // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 61.

[261] Культурологические исследования в Сибири: к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия: Москва, Омск: Институт Наследия, 2023. С. 115.

[262] Ерёмина Н.А. История становления и развития музейного дела в Оренбургском крае в XIX–XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2006; Закаблуковская Н.Н. Музейное дело восточного Забайкалья (конец XVIII в. – 1930 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ. 2004; Мишакова О.Э. Специфика организации музейной практики в западном Забайкалье в конце XIX–начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 130–134.

[263] Вдовин А.С., Баташев М.С., Макаров Н.П., Майзик Е.И. Красноярский подотдел Русского географического общества в условиях кризиса (1914–1919 гг.). Красноярск: СФУ, 2022. С. 970–973.

Важнейшими условиями развития музейного пространства в 1914 – 1916 гг. продолжали оставаться проведение свободного времени в Музее жителями города, частные пожертвования и экспедиционная деятельность.

В 1914 г. Красноярский городской музей посетили 15 566 чел. В 1915 г. Музей был открыт для массовых посещений только 49 дней (по сравнению с предыдущим периодом 56 дней), количество посетителей незначительно снизилось до 15 428 чел. В 1916 г. Музей работал до 1 апреля, затем из-за переполнения материалами, его для массовых регулярных посещений пришлось закрыть[264]. С целью популяризации идеи старого города была организована выставка «Старый Красноярск». Выставка прошла в помещении женского епархиального училища, за 2 недели работы ее посетили 1 754 чел. Как и в предыдущий этап формирования музейного пространства, большая часть экспонатов выставки была пожертвована жителями города. После закрытия выставки, 396 пред. местной старины, переданные в дар Музею, составили основу фонда нового отдела, который так и назвали – «Старый Красноярск»[265]. Кроме того, жители города пополняли фонды Музея не только передачей предметов, но и в некоторых случаях сообщая информацию об их нахождении. Так, например, «некто г. Курамжин», путешествовавший в районе р. Тунгуски, нашел скелет мамонта с сохранившимися местами «останками» мяса, о чем и сообщил специалистам[266].

Итак, участие обычных жителей в росте музейных коллекций, посещаемость выставок Музея в 1914 – 1916 гг., представленную в табл. 2, можно рассматривать, с одной стороны, как свидетельство положительного отношения местного социума к деятельности сотрудников[267], с другой, как подтверждение того, что Музей оставался составляющей досуговой деятельности горожан в кризисный период. Кроме того, выполнял функции библиотеки для научной общественности не только

---

[264] Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества: Красноярск: Кн. изд-во, 1989. С. 29.

[265] Этнографические вечера // Известия Красноярского отдела Русского географического общества (Красноярск). 1924. Том III. Выпуск 2. С. 55-56.

[266] Археологическая находка // Сибирская мысль. 1915. Август 2. С. 3.

[267] Майзик Е.И. «Мой визит принесёт пользу для музея»: посетители Красноярского городского музея в конце XIX – начале XX вв. Век подвижничества-4. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2022. С. 26–39.

города, но и Сибири. Так, постоянным пользователями библиотечного фонда были В.П. Косованов, продолживший работу над составлением библиографии Енисейской губернии; Г.С. Виноградов, работавший над своей новой книгой[268].

Годы	Дней посещений	Число посетителей	Среднее число посетителей в день
1914	56	15 566	278
1915	49	15 428	315
1916	16	6 078	380

Таблица 2 – Посещаемость выставок Красноярского городского музея в 1914–1916 гг.[269]

В этот период продолжилась экспедиционная деятельность сотрудников Красноярского городского музея.

В 1915 году А.Я. Тугаринов возглавил экспедицию Красноярского подотдела РГО в Урянхайский край. В экспедиции также участвовала Г.П. Миклашевская и собрала гербарный материал[270]. В июне 1916 года для сбора предметов инородческого быта А.Я. Тугаринов вместе с супругой Верой Ивановной отправились в п. Дудинку Туруханского края. Несмотря на отсутствие в поселке инородцев, тем не менее, супруги Тугариновы привезли коллекции фауны Енисейского побережья Ледовитого океана. Экспедиция оказалась удачной и с бытовой точки зрения (так, например, А.Я. Тугаринов писал М.В. Красноженовой: «Вы постуете, а мы все мясо едим – куропаток, гусей, уток – все с сухариками»)[271].

Кроме того, А.Я. Тугаринов много путешествовал по губернии с культурно-просветительными целями, знакомя жителей с жизнью и деятельностью знаменитых сибиряков. Так, в Канске 4 октября 1915 года была прочитана лекция о Г.Н. Потанине. К сожалению, лекция, по версии газеты «Сибирская мысль», не привлекла достаточного количества слушателей как по причине «недостаточной

[268] ККККМ. ОФ 13138/4Д11242. Письмо Виноградова Д.С. М.В. Красноженовой. Иркутская область с. Тулун. 4 января 1921 года (рукописный оригинал); Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири: Восточная Сибирь, Тулуновская волость // Живая старина. 1915. Вып. IV.

[269] Составлена автором по: ККККМ. Оп. 01. Д. 355. Л. 6.

[270] Миклашевская Г.П. Betula microphylla в Урянхайском крае // Известия Красноярского отдела Русского Географического Общества. 1924. Т.3. Вып. 2. С. 37.

[271] ККККМ. ОФ 13020 / 54. Д. 10925. Письмо А.Я. Тугаринова М.В. Красноженовой (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

близости к науке» жителей города, в том числе и представителей педагогической общественности, так и по причине «своего праздника» у местного еврейского общества – открытия при синагоге еврейского училища[272].

Несмотря на то что Красноярск находился далеко от театра боевых действий, начало Первой Мировой войны оказало влияние на динамику формирования состава музейного сообщества. В условиях начавшихся военных действий актуализировалась проблема сохранения кадрового состава. В одном из своих писем из Туруханской экспедиции А.Я. Тугаринов просил М.В. Красноженову «присмотреть за музеем», в том случае, если принятого в 1915 г. в штат Музея на должность помощника хранителя А.Я. Яворского «возьмут в солдаты». Опасения не были напрасными, А.Л. Яворский действительно был призван в 1916 г. на службу в качестве рядового и только в мае 1917 г. вернулся на работу в Музей. Кроме того, в 1916 г. временно выбыл из состава коллектива А.Н. Соболев для прохождения обучения в Чугуевском военном училище.

Кроме того, в связи с началом войны полностью прекратились пожертвования на строительство нового здания музея: «Ни у членов комитета по изысканию средств на постройку музея, ни у членов Подотдела Географического О-ва не могло возникнуть мысли принять какие либо меры к привлечению на постройку от населения денежных средств, которые в настоящий момент, конечно, должны безраздельно идти на великое дело помощи раненым и армии, борющейся на границах государства с могучим врагом». Не могли оказать содействие в продолжении строительства и органы центральной власти. Так, в беседе с Н.Н. Козьминым, членом подотдела РГО, Министр просвещения граф И.И. Игнатьев идею достройки поддержал, однако, полностью исключил государственное участие в финансировании, отметив, что министерство располагало «кредитом в размере 56 000 руб. на всю Империю»[273]. Вопрос об

[272] Канская жизнь. От наших корреспондентов // Сибирская мысль. 1915. Октябрь 13. С. 3.
[273] Докладная записка Красноярского подотдела Императорского географического общества о возбуждении перед Министерством Вн. дел ходатайства об оказании денежной помощи на покрытие выстроенного здания музея // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 8 (июнь). С. 51–54.

окончании строительства был вновь поднят в 1915 г. с тем, чтобы «в скорейшем времени приспособить здание музея для размещения в нем на предстоящий зимний сезон нижних воинских чинов… ввиду полного отсутствия у города подходящих помещений»[274].

Безусловно, наиболее драматическим образом на условия музейной деятельности, динамику развития музейного пространства, формирования состава музейного сообщества, а также «выход в первый ряд сибирских музееведов» А.Я. Тугаринова[275] повлияли «переломные» 1917 – 1919 гг., ставшие начальным этапом советского культурного строительства в Сибири[276]. Накануне революционных событий, особенностью музейного пространства Енисейской губернии являлось количество музеев. Из 17 краеведческих музеев Сибирского макрорегиона[277], 5 находились и продолжали работать на территории губернии[278].

В начале 1917 года А.Я. Тугаринов планировал прочесть горожанам курс лекций на тему «Енисейская губерния». Первая лекция состоялась в феврале и оказалась единственной[279].

Революционные события вызвали вполне естественные разногласия. Развитие «рев. движения», по признанию самого А.Я. Тугаринова, «распилило сотрудников». Так, не принял Октябрьскую революцию А.Н. Соболев, как позже объяснял в автобиографии – «думал, что народ не подготовлен»[280]. А.А. Савельев принимал «деятельное участие в свержении большевистской власти»[281]. С другой стороны, чтобы не остаться в стороне от революционных событий, уехала из

[274] О достройке здания городского музея // Сибирская мысль. 1915. Октябрь 20. С. 3.
[275] Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Аркадий Яковлевич Тугаринов и становление Красноярского музея // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 41. С. 212.
[276] Культурное строительство в Сибири 1917 – 1941. Сб. документов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979. С. 10–11.
[277] Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века. С. 160–170; Труевцева О.Н. Музеям России – 300 лет. С. 13.
[278] ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 5. Л. 21; ФР-93. Оп. 1. Д. 160. Л. 12об.
[279] Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества: Красноярск: Кн. изд-во, 1989. С. 34.
[280] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 11. Л. 16об.
[281] Чернышов В.В. Краевед и этнограф А.А. Савельев. По материалам Государственного архива Красноярского края // Освоение и научное исследование Енисейской Сибири. Красноярск: ГУНБ КК. С. 71–77.

Красноярска Г.П. Миклашевская. Кроме того, как позже вспоминал А.Я. Тугаринов: «…трудно было думать о какой-нибудь работе, когда в музей время от времени вторгались красногвардейцы, пытаясь устроить в нем наблюдательный пункт». И, в результате, зима 1917 года прошла для сотрудников Музея «в анабиотическом состоянии»[282]. Тем не менее, в этом году фонды Красноярского городского музея пополнились 700 пред.[283] В конце года А.Я. Тугаринов отправился в очередную экспедицию в Туруханский край. Одновременно новой властью на А.Я. Тугаринова были возложены обязанности комиссара Туруханского края. Возможно предположить, что не в последнюю очередь назначение было связано с тем, что организаторские способности директора Музея были в городе известны. Немаловажное значение имел и дефицит квалифицированных кадров, что также могло стать стимулом отправки А.Я. Тугаринова в экспедицию.

В начале 1918 года А.Я. Тугаринов жил в с. Монастырское, собирая сведения о местном населении и его быте. О том насколько сложной оказалась экспедиция свидетельствует одно из писем, написанное в январе М.В. Красноженовой. А.Я. Тугаринов сетовал на отсутствие «надежд» на возможность заняться профессиональной деятельностью – «этнографией Севера». Кроме того, упоминал о том, что огромная ответственность комиссара Туруханского края – «давит». Уже привыкшему к работе в коллективе единомышленников А.Я. Тугаринову жилось «тяжело» – так как «помощников нет»[284]. Однако, к концу года фонды Красноярского городского музея пополнились 1884 пред.[285], а сотрудники получили приглашение участвовать в работе Съезда по организации Института исследования Сибири. По поручению Распорядительного комитета музея, А.Я. Тугаринов составил докладную записку по вопросу организации сибирских музеев.

---

[282] КККМ. Оп. 01. Д. 355. Л. 4.
[283] КККМ. Оп. 01. Д. 356. Л. 2.
[284] КККМ. ОФ 13020 / 55. Д. 10926.
[285] КККМ. Оп. 01. Д. 356. Л. 2.

В январе 1919 года А.Я. Тугаринов принял участие в работе Съезда, состоявшемся в Томске[286]. Доклад «Местные музеи Сибири и организация их деятельности» был принят делегатами Съезда без изменений, напечатан в «Трудах Съезда» и стал программным документом организации музейного пространства в последующий период деятельности. В докладе было дано определение музея «местного края» как «собрания коллекций местного края, характеризующих его природу, человеческий быт в прошлом и настоящем, формы и условия практической деятельности современного населения»[287]. Было привлечено внимание к необходимости создания законодательной базы музейного дела, прозвучал призыв объявить национальной собственностью все охраняемые памятники, «без права владения ими частными лицами» и оставить такое право только за музеями[288].

Лето 1919 года, по приглашению Губернского земства руководить экспедицией по сбору лекарственных растений, А.Я. Тугаринов провел в Минусинском уезде. С целью сбора экспонатов, совершали небольшие экспедиции под Красноярском вернувшиеся на работу в Музей после прохождения военной службы А.Л. Яворский и А.Н. Соболев. Осенью возвратились А.А. Савельев и Г.П. Миклашевская, снова в качестве «Друзей Музея». Г.П. Миклашевская продолжила разборку гербариев[289], подготовила выставку о лекарственных растениях[290]. Такая ситуация не была уникальной для музейных учреждений Сибирского макрорегиона. Так, например, А.А. Сундиева указывает на возобновление сотрудниками Тобольского музея выставочно-экскурсионной деятельности в 1919 году и называет цифру в 200–400 чел. в день посетителей

[286] Расколец В.В. Состав участников съезда по организации института исследования Сибири в Томске // Вестник томского государственного университета. № 409. 2016. С. 122–127.
[287] Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск: Тип. Сиб. Товарищества печатного дела и Дома трудолюбия, 1919. С. 42–49.
[288] Тугаринов А.Я. Местные музеи Сибири и организация их деятельности // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск. 1919. С. 48.
[289] КККМ. Оп. 01. Д. 356. Л. 2 об.; Оп. 01. Д. 357. Л. 2об.
[290] Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея. Век подвижничества. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. С. 36.

(военных, беженцев, учащихся школ)[291]. Продолжение реализации хранительной, научно-исследовательской и просветительной функций музеями Восточного Забайкалья отмечает Н.Н. Закаблуковская[292].

Важную особенность музейной деятельности в переломные годы составило привлечение к работе в Красноярском городском музее видных российских и иностранных научных работников. О.А. Ильина-Боратынская в автобиографическом романе «Белый путь. Русская Одиссея 1919 – 1923», описывая свои попытки попасть на ночлег, вспоминала негативную реакцию красноярцев на просьбы о помощи[293]. Коллектив Музея проявил бóльшее сочувствие к своим коллегам, оказавшимся вынужденными переселенцами в результате военных и революционных событий.

В этот период в Красноярском городском музее работали, иногда и жили, член Полярной комиссии Российской Академии Наук Павел Петрович Померанцев, работавший над систематизацией и составлением карточного каталога птиц; хранитель Минусинского музея Василий Дмитриевич Кожанчиков и его сын Игорь. В.Д. Кожанчиков определил “Lepidoptera” для музея; И.В. Кожанчиков произвел монтировку этих насекомых из музейных фондов.

Кроме того, к работе в археологический отдел удалось привлечь иностранных ученых, в частности, немецкого антрополога, основателя частного музея первобытных древностей в г. Мюнхене и бывшего профессора кафедры антропологии Мюнхенского университета Иоганна Ранке (Johannes Ranke), археолога и бывшего ассистента в Мюнхенском антрополого-историческом государственном собрании Геро фон Мергарта (Gero Kurt Karl Maria Merhart von Bernegg)[294] и др. Прежде чем оказаться в числе сотрудников Красноярского музея, Мергарт в качестве военнопленного проживал в Канске. По ходатайству Музея был переведен в концентрационный лагерь Красноярска, затем был отпущен для работ

[291] Сундиева А.А. Музейная профессия сегодня // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2007. № 10. С. 33–34.
[292] Закаблуковская Н.Н. Музейное дело восточного Забайкалья (конец XVIII в. – 1930 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004.
[293] Ильина-Боратынская О.А. Белый путь. Русская Одиссея 1919 – 1923. М.: Аграф. 2013. С. 222.
[294] Приложение 1 –Мергарт Геро фон /Вальтерович, с. 257.

в Музее в должности реставратора. А.Я. Тугаринов отмечал, что «…Музей мог предложить названному лицу лишь самое минимальное содержание, едва обезпечивавшее питание». Однако, для военнопленного «минимальное содержание» включало, в том числе, и обеспечение жильем – квартирой, находившейся в здании Музея – и, что особенно важно, возможность заниматься любимым делом. Будучи специалистом по доисторической археологии, Мергарт произвел пересмотр, фактическую проверку и реставрацию соответствующих коллекций, уделяя особенное внимание керамике. Одной из первых его работ был подбор коллекций по местному палеолиту – предметы были систематизированы, описаны и отфотографированы. В конце 1919 года Мергарт занимался группировкой коллекций меди. Определением гербария занимался военнопленный Ф. Беккер, выполнивший для Музея рисунки отпечатков папоротников из палеонтологической коллекции[295]. Таким образом, с появлением в составе иностранных «военнообязанных империалистической войны», которые, с правовой точки зрения являясь военнопленными[296] не только оказались в дружеском окружении, но и смогли продолжить работу по специальности, коллектив Музея стал интернациональным.

Неизменно сложными оставались условия труда сотрудников Красноярского городского музея. По сравнению с дореволюционным периодом и без того скромные экспозиционные и рабочие помещения сократились на 50%. В качестве рабочих помещений использовались всего 2 комнаты, в остальных были размещены коллекции[297]. Когда осенью 1919 года в город начали прибывать войска с Омского фронта, одну комнату из складочных Музей был вынужден отдать для нужд военных. Условия работы стали еще мене комфортными. Описывая условия работы, А.Я. Тугаринов называл их «немыслимыми» и вспоминал лестницу, покрытую «слоем грязи», появление на входе в Музей умывальников, швабр и

[295] КККМ. Оп. 01. Д. 356. ЛЛ. 23–24.
[296] Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). автореф. дис. … доктора ист. наук. Екатеринбург, 2015.
[297] КККМ. Оп. 01. Д. 363. Л. 2.

«проч. аксессуаров казармы»[298]. Имеющегося запаса дров едва хватало на поддержание минимального тепла в оставшихся в распоряжении сотрудников рабочих комнатах. В результате весною иней, покрывший стены и потолок, при первой оттепели упал, внутри здания выпал снег, и «граждане города могли любоваться картиной, как из окна Музея лопатами и тазами выбрасывался снег, когда на улице его уже почти не было»[299]. Не обошла стороной сотрудников и охватившая Сибирь масштабная эпидемия тифа[300]. По возвращению из Омска, скончался хранитель отдела сельского хозяйства и промышленности А.П. Ермолаев[301].

Тем не менее, несмотря на ухудшение условий деятельности и идеологические разногласия, состав кадровых сотрудников и Друзей Музея оставался достаточно стабильным. Продолжились экспедиционная деятельность, расти фонды. В 1919 году коллекции Музея увеличиваться прибл. на 4 000 пред., в основном за счет печатных произведений Красноярска и уездных городов, что было, как отмечал А.Я. Тугаринов обычной цифрой для Музея «в нормальное время»[302]. Для сравнения, исследователи указывают на значительные потери фондов Барнаульского краеведческого музея в связи с отсутствием топлива, хаосом в документации, хозяйственной запущенностью, порчей и кражами экспонатов в этот же период[303]. Кроме того, в музеях европейской части России после революции 1917 года существенный процент формирования фондов приходился на национализацию частных собраний, так, например, Г.М. Луговая отмечает поступление в 1919 году в Казанский городской музей 30 000 пред.[304]

---

[298] ККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 28 об.
[299] ККМ. Оп. 01. Д. 356. ЛЛ. 2–3.
[300] Кокоулин В.Г. Как сибиряки 100 лет назад справились с эпидемией тифа // Сибирский архив. 2020. № 5. С. 1–45.
[301] ККМ. Оп. 01. Д. 356. Л. 2 об.
[302] ККМ. Оп. 01. Д. 356. Л. 2.
[303] Красильникова Е.И. Проблемы построения исторической экспозиции барнаульского краеведческого музея в 20-е гг. XX в. С. 240.
[304] Луговая Г.М. Взаимодействие музеев и краеведческих обществ Татарии в деле комплексного изучения края (1917–1937 гг.) // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1988. С. 121.

Кроме того, в 1914 – 1919 гг. необходимо отметить продолжение формирования культурного пространства Красноярска за счет создания новых институтов, развития, начавшихся в конце XIX в., досуговых тенденций.

Так, только в течение января 1915 года количество читателей городской библиотеки увеличилось на 31 чел., было выдано 3 586 кн. Наибольшей популярностью среди горожан пользовались произведения «изящной словесности» (2 746 кн.), детские книги (474 кн.), история литературы и критики (154 кн.). Наименьший спрос существовал на справочную литературу (1 кн.), прикладные науки (2 кн.), богословскую литературу и литературу по искусству (7 кн.)[305].

30 января 1915 года в городе был открыт Дом Просвещения, строительство которого было начато еще «в безоблачные дни европейского мира». Красноярским городским общественным управлением на его создание было выделено место и ассигновано 6 300 руб. Очередным социально-активным горожанином, мещанином С.С. Тропиным была выдана беспроцентная долгосрочная ссуда в 30 000 руб. Проект здания был безвозмездно выполнен местным архитектором С.Г. Дриженко, руководившим также и постройкой этого «одного их лучших и красивейших зданий в городе». Открытие Дома Просвещения имело исключительно важное значение для Педагогического музея, переведенного из помещения Городского театра и получившего возможность «расположиться как следует со своими книгами, коллекциями и пр.»[306]

В 1916 году был организован «Красноярский общественный клуб» с целью, как указано в Уставе «доставлять своим членам и их семействам возможность проводить свободное от занятий время с удобствами, приятностью и пользой»[307].

Продолжали оставаться «Меккой, где всякий должен побывать» Столбы. Особенно для молодежи города, которая, как отмечал корреспондент газеты

---

[305] Городская библиотека // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 1. С. 68.

[306] Дом Просвещения и его задачи. Речь, произнесенная Председателем Совета Общества попечения о народном образовании в Красноярске А.Р. Шнайдера в день открытия Дома Просвещения 30 января 1915 г. // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 2–3 (март). С. 16–17.

[307] КККМ. ОФ 6679/11. Устав Красноярского общественно клуба, внесённого 1 сентября 1916 г. определением Общего присутствия Енисейского Губернского правления. С. 3.

«Сибирская мысль», шла туда «десятками и сотнями с котелками и котомками на плечах»[308]. Оставив «открытым» вопрос «о дне вечеринки», бюро коллектива служащих Енисейского губернского союза кооператоров принимало «пожелания об устройстве при первой возможности экскурсии на Столбы», о чем свидетельствует Протокол заседания бюро за 1919 год[309]. С другой стороны, из-за разразившегося топливного кризиса близость Столбов к городу стала одной из причин варварской рубки леса пригородной территории[310], в том числе, как позже писал в своем дневнике А.Л. Яворский, «массы вековых лиственниц»[311], большую часть которых было попросту невозможно вывезти в замерзающий город. По этому поводу в газете «Воля Сибири» была напечатана статья за подписью А.Я. Тугаринова «Об охране Столбов»[312].

Подводя промежуточные итоги, необходимо отметить, прежде всего, положительное отношение большей части сотрудников Красноярского городского музея к восстановлению Советской власти. Так, в своем отчете за 1919 год А.Я. Тугаринов отмечал, что «…Музей…, в связи с присоединением Сибири к Советской России, оказался накануне коренных изменений в условиях своего существования. … он стоит на пути широких возможностей, имеет силы, средства»[313], что свидетельствует в пользу того, что директор музея видел в советской власти полезную для развития учреждения силу. В штате музея состояли 12 человек – директор, хранители 6 отделов и служебно-технический персонал (препаратор, фотограф, библиотекарь, заведующий архивом и служитель)[314]. Утвержденного устава все еще не было, деятельность сотрудников музея определялась «в соответствии с теми общими задачами, которые перед ним стоят, как краеведно-исследовательской и научно-просветительной организацией»[315], в

[308] С. Сольский. Столбы // Сибирская мысль. 1915. Июль 30. С. 3.
[309] КККМ. ОФ 6600/347.
[310] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 29. Л. 18; Д. 33. Л. 14; ГАКК. ФР-2120. Оп. 1 Д. 73. Л. 14.
[311] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 76. Л. 14 об. (машинописный оригинал)
[312] Тугаринов А.Я. Об охране Столбов // Воля Сибири. 1918. № 72. Сентябрь 19. С. 3–4.
[313] КККМ. Оп. 01. Д. 356. Л. 6.
[314] КККМ. Оп. 01. Д. 357. ЛЛ. 1–2.
[315] КККМ. Оп. 01. Д. 363. Л. 1.

фондах находилось – 117 593 пред. Состав коллекций и структура отделов представлены в табл. 3.

№ п\п	Отделы	Состав на 1.01.1919 г.	Поступления в 1919 г.	Состав на 1.01.1920 г.
1.	Геологический	6698	94	6792
2.	Палеонтологический	1295	135	1430
3.	Почвоведения	147	-	147
4.	Ботаники	24658	620	25278
5.	Зоологии	24094	428	24522
6.	Антропологии	277	-	-

Таблица 3 – Фонды Красноярского городского музея на 1 января 1920 года[316]

Выявленные в ходе исследования фактические данные о специфике музейного дела Енисейской губернии в 1914 – 1919 гг. свидетельствуют о сохранении и дальнейшем развитии музейного пространства, остававшимся одним из системообразующих факторов городской социокультурной сферы и важной площадкой профессиональной социализации для сотрудников и Друзей Музея. В некоторых случаях Красноярский городской музей являлся не только местом применения профессиональных знаний, но и временного проживания для представителей научной общественности, оказавшихся в Красноярске в результате событий кризисного периода. Несмотря на уменьшение объема участия в культурно-просветительной работе в 1914 – первой половине 1917 гг., Красноярский городской музей продолжал оставаться составляющей городского культурного пространства, прежде всего, за счет проведения выставочных мероприятий. Основными источниками развития музейного пространства оставались экспедиционная деятельность и частные пожертвования. Вторую половину 1917 – 1919 гг., вслед за В.Л. Соскиным, уместно будет назвать периодом, оставившим глубокий след[317] в истории становления музейного сообщества, адаптации форм и методов социально-профессиональной деятельности к условиям нового культурного строительства. Кроме того, к рассмотренному этапу относятся первые эколого-просветительные инициативы сотрудников Музея, старавшихся

[316] КККМ. Оп. 01. Д. 356. Л. 2.

[317] Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (Конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1965. С. 271.

привлечь внимание горожан к вопросам охраны Столбов. Однако, условия времени не могли способствовать решению проблемы охраны природной территории, организации комплекса эколого-просветительных мероприятий.

1.3. Развитие музейной сферы и условия деятельности музейного сообщества в 1920 – 1926 гг.

Восстановление Советской власти – датой вступления войск Красной Армии в Красноярск является 7 января 1920 года – создало необходимые условия развития музейного сообщества, перед которым встали следующие ключевые задачи – обеспечение сохранности музейных экспонатов, помещение в Музей предметов, имевших историческую и культурную ценность. Период 1920–1926 гг. характеризуется выстраиванием конструктивных взаимоотношений с представителями новой советской власти, определяется динамикой формирования состава музейного сообщества, тяжелейшими условиями профессиональной деятельности и повседневной жизни, необходимостью дальнейшей адаптации рабочих процессов к изменяющимся социополитическим условиям.

На становление системы управления музейным делом в первой половине 1920-х гг. оказало влияние появление нормативно-правовой базы. Первые законодательные акты Советского государства, отразившие значение музейных учреждений в сохранении предметов искусства и старины были изданы в 1918–1919 гг.: Декреты СНК РСФСР «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины», «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», «Об охране научных ценностей», «Об упрощении гражданского аппарата Советской власти» (параграф 5, пункт «в») и Постановление Народного Комиссариата Просвещения РСФСР «Об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев»[318]. Как следует из текстов

[318] Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР №751 «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» от 19 сентября 1918 г.; Декрет Совета Народных Комиссаров

документов, государство считало важнейшими задачами музеев, в том числе краеведческих, не только сохранение культурно-исторических ценностей, но и проведение научно-исследовательской и научно-просветительской работы. Принятые после восстановления Советской власти Декреты и Положения обязали губернские отделы народного образования организовывать работу по созданию специальных органов музейного управления «Губмузеев», в задачу которых входило проведение «местных мероприятий по охране памятников искусства и старины». Комплекс необходимых мер нашел отражение в Положении о Губернских комитетах по делам музеев и охране памятников искусства и старины, народного быта и природы (Губмузеях) от 23.05.1921 г.; Декретах ВЦИК СНК РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 7.01.1924 г., «О передачи в ведение местных исполнительных комитетов музейных и художественных учреждений местного значения» от 14.11.1925 г., «Об утверждении списка научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного управления научных и научно-художественных учреждений Народного Комиссариата Просвещения Р.С.Ф.С.Р.» от 17.02.1925 г.[319] Тем самым, ответственность за исполнение основных положений изданных в 1921–1925 гг. актов возлагалась на органы местной власти. Несмотря на то, что принятые нормативно-правовые документы носили практический характер, как и в досоветский период, понятие «музей» не

РСФСР № 794 «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г.; Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР № 916 «Об охране научных ценностей» от 5 декабря 1918 г.; Постановление Народного Комиссариата Просвещения РСФСР № 371 «Об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев» от 30 июля 1919 г.; Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета «Об упрощении гражданского аппарата Советской власти» (параграф 5, пункт «в») от 28 декабря 1919 г.

[319] Положение о Губернских комитетах по делам музеев и охране памятников искусства и старины, народного быта и природы (Губмузеях) № 187 от 23 мая 1921 г. [Источник: Архив Енисейска. ФР-25. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 58–59]; Декрет ВЦИК СНК Р.С.Ф.С.Р. от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы»; Декрет ВЦИК СНК Р.С.Ф.С.Р. от 14 сентября 1925 г. «О передачи в ведение местных исполнительных комитетов музейных и художественных учреждений местного значения»; Декрет СНК Р.С.Ф.С.Р. от 17 февраля 1925 г. «Об утверждении списка научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного управления научных и научно-художественных учреждений Народного Комиссариата Просвещения Р.С.Ф.С.Р.»

было формализовано. Данная проблема не решена и в настоящее время, исследователи отмечают сохранение оценочных категорий в законодательстве РФ[320]. Таким образом, Советское государство нечетко регламентировало профессиональную деятельность служащих музеев, не принимало участия в решении вопросов формирования кадрового состава, только в Положении о Губернских комитетах по делам музеев и охране памятников искусства и старины, народного быта и природы (Губмузеях) содержался пункт, определявший должность заведующего и порядок его назначении Отделом Народного образования, а также вхождения в состав Коллегии отдела с правом решающего голоса по вопросам, связанным с кругом деятельности Губмузея[321]. Кроме того, исследователи отмечают заложенную в правовых документах возможность использования музеев в решении государственных задач, не связанных непосредственно с музейной деятельностью[322]. Тем не менее, законодательная база музейного дела в основном обеспечила решение организационных вопросов, касающихся выявления, постановки на учет, сохранения и изучения историко-культурных и природных памятников. В условиях Енисейской губернии государственная трактовка совпадала с ценностными ориентациями сотрудников музеев[323].

Несмотря на то что «интеллигентные силы» Енисейской губернии нередко становились объектом критики со стороны местной власти (например, М.Е. Золотарев, руководитель отдела народного образования Енисейского губернского революционного комитета (далее – ЕнгубОНО), в одном из еженедельных отчетов,

---

[320] Рыбак К.Е. Музей в нормативной системе: историко-культурологический анализ: автореф. дис. ... доктора культурологии. Санкт-Петербург, 2006.

[321] Архив Енисейска. ФР-25. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 58–59.

[322] Закаблуковская Н.Н. Музейное дело восточного Забайкалья (конец XVIII в.-1930 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004; Нестеров Е.А. Законодательные акты как источник изучения алтайских музеев XIX – начала XXI в // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 57–60; Кругликова Г.А. Государственная политика в области культуры в 1920-е гг.: опыт и уроки // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Екатеринбург, 2016. С. 185–193.

[323] КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 42 об.; ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Енисейского научного музея за 1922–23. Л. 3об.; ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

готовившихся для отдела ГПУ, характеризовал «политическое настроение» работников системы просвещения как «обще интеллигентское: и довольны не бывают, и ворчать не могут»[324]), тем не менее, преданность делу и уровень профессионализма служащих музеев получили официальное признание[325].

Так, А.А. Ансон, глава местного губполитпросвета, отмечал и «недостаток средств», и «невозможную зимнюю обстановку», «страшно» затруднявшие работу сотрудников музеев «даже в помещении», однако, признавал их «особенную любовь к делу», благодаря которой в музеях продолжилась работа и «не заглохла искра жизни». Выделял оба красноярских музея – Городской и Педагогический – а также минусинский «мартьяновский» музей[326], что представляет довольно интересный момент, характеризующий отношение местной Советской власти к музеям, т.к. сын основателя музея Н.Н. Мартьянов (1894–1984) был георгиевским кавалером, личным другом А.Ф. Керенского, участником покушения на В.И. Ленина, в 1920 году покинул пределы России[327].

Рассмотрим возможные причины высокой оценки деятельности сотрудников местных музеев, озвученной на состоявшемся в 1922 году IV Енисейском губернском съезде советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Как показывают архивные материалы, диалог с представителями новой власти сотрудники Красноярского городского музея начали с первых дней восстановления в городе Советской власти, когда в их жизнь вторглись новые условия, которые, с одной стороны, расценивались как «весьма благоприятные, а с другой, в силу переживаемого времени, и крайне тягостные»[328].

В начале января были проведены первые заседания Распорядительного комитета музея. Для выяснения финансового положения Музея и его задач, уже 20 января 1920 года в ЕнгубОНО была направлена Докладная записка с просьбой

---

[324] ГАКК. ФР-93. Оп. 4. Д. 3. Л. 36.
[325] Мергарт, Г. фон. Далёко: картины из сибирских будней. Красноярск: Поликор, 2023. С. 275.
[326] Ансон А.А. Политико-просветительная работа в Енисейской губернии // Отчет о состоянии народного образования в Енисейской губернии IV-му Губсъезду Советов. Красноярск: 1922. С. 22–25.
[327] Ратьковский И.С. Январское покушение 1918 года на В.И. Ленина в Петрограде // Russian Colonial Studies. 2019. № 2. С. 156–157.
[328] КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 42об.

оставить Музей в ведении Красноярского Подотдела РГО[329]. В этот же день члены Распорядительного комитета Подотдела направили свою Докладную записку, в которой, помимо традиционной просьбы о выделении «необходимых ассигнований», выражалось желание «сохранить за собой многолетнее заведывание» музеем[330].

Сотрудники ЕнгубОНО оказались «не осведомлены о судьбе» Русского географического общества и, в соответствии с основными положениями Декрета СНК РСФСР № 916 и Постановления Народного Комиссариата Просвещения РСФСР № 371, Красноярский городской музей был включен в число подведомственных учреждений в феврале 1920 года. Музею была выделена «просимая сумма на содержание (персонала, хозяйственные и иные нужды) по своим сметам», был утвержден предоставленный Распорядительным комитетом музея штат из 12 чел. В структуре ЕнгубОНО 26 марта 1920 года была создана Комиссия по заведованию научными учреждениями губернии[331] (далее – Науком) с целью организации комплекса мероприятий по охране культурных и исторических ценностей. Председателем комиссии был назначен А.Я. Тугаринов, в состав вошли еще 5 сотрудников музея[332]. В число первоочередных задач ЕнгубОНО был включен вопрос об окончании строительства нового здания музея[333].

---

[329] КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 1.

[330] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 40. Л. 17; ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

[331] Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (Конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1965. С. 249.

[332] Данный опыт пытался воспроизвести в Иркутском музее переехавший из Красноярска в Иркутск Г.П. Сосновский. В одном из своих писем к А.Я. Тугаринову он пишет: «В Иркутском музее теперь “Народовластие”, приходиться самим все время поддерживать административный аппарат, что отвлекает от прямой работы. Сильно мешают занятиям и интриги со стороны Распор. Ком. Географ. Об-ва, который стремиться к установлению двоевластия в музее. Местное Геогр. Об-во – мертвое о-во… Благодаря моей агитации в Иркутске теперь учрежден Науком…» [Источник: КККМ. Оп. 01. Д. 372. Л. 92. Письмо Г.П. Сосновского из Иркутска от 19.02.1921 г. (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)].

[333] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 93, 99-100. Однако, на достройку «нового» здания музея, ставшую в советский период одним из способов «увековечения памяти» В.И. Ленина, понадобилось еще 10 лет [Источник: Черкасов И.А. История Красноярского краевого краеведческого музея в 1926–1940 гг. С. 61]. В строительстве участвовали горожане. Так, поэт И.Д. Рождественский, как один из важных моментов своей жизни, достойных упоминания в

Красноярский городской музей получил статус губернского и был переименован в Государственный музей Приенисейского края[334]. Новое наименование учреждения с одной стороны, определяло «характеризуемую им территорию», с другой, не ограничивало «содержание … какой-либо отдельной отраслью знаний» и «наталкивало …на понимание его как энциклопедического собрания материалов для характеристики» Енисейской губернии[335].

Помощь Государственному музею Приенисейского края со стороны органов государственной власти выражалась также в передаче предметов, имевших историческую и культурную ценность. Так, из финансового отдела Енисейского губревкома поступили стол из гостиной Общественного Собрания, старинные каминные часы английской работы[336], большая коллекция старинных медных монет[337]. Отделом Коммунального хозяйства было предоставлено право «взять все интересное для Музея» из национализированного имущества семьи Ларионовых. Большая часть поступивших предметов мебели, посуды, одежды и т.д. относилась к 1840–1860 гг. Также был передан семейный архив, состоявший из личных документов, первый из которых датировался 1820 годом[338].

Поддержка оказывалась путем выделения людей для работы в Музее. Так, в распоряжение Музея была командирована сотрудница ЕнгубОНО М.А. Ошарова для разбора поступающего печатного материала для создаваемого отдела печати[339], что не могло не облегчить нагрузку сотрудников Музея.

А.Я. Тугаринов неоднократно указывал на содействие ЕнгубОНО даже в мелочах, например, в выделении аванса «в достаточной сумме для найма автомобилей и рабочих» при перевозке архивных материалов, и в целом, на признание властью «научной ценности музея для местного края»[340].

автобиографии, укажет: «… участие в строительстве музея» [Источник: Литературный музей им. В.П. Астафьева. Фонд И. Рождественского. Автобиография (рукописный оригинал)].

[334] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 2. Л. 2об.; ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 160. Л. 12об.

[335] КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 2об.

[336] Там же. Л. 28.

[337] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.

[338] КККМ. Оп. 01. Д. 358. ЛЛ. 56, 66.

[339] КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 34.

[340] КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 4.

Помощь оказывалась сотрудникам музеев уездных городов губернии. Так, губполитпростве в сентябре 1922 года перевел на имя заведующего минусинского музея В.Д. Кожанчикова 150 руб. и отправил 3 пары ботинок и 12 арш. ситца[341]. Так, вывод Т.М. Смирновой о необоснованности широко распространенной точки зрения «об обреченности в постсоветской России всех представителей непролетарских слоев»[342] находит дополнительное подтверждение в условиях Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.

Тем не менее, взаимоотношения сотрудников Государственного музея Приенисейского края с представителями местной партийной власти в этот период складывались менее конструктивно. «Не сочувственное» отношение к Октябрьской революции некоторых из них не было секретом (так, например, такая формулировка использовалась в анкетах «Для бывших офицеров белых армий» А.Н. Соболевым[343], Н.К. Ауэрбахом[344]). Соответственно и деятельность беспартийных сотрудников музея «сочувствия» местных представителей РКП(б) не вызывала. Примером может служить безуспешная попытка сотрудников Музея и ЕнгубОНО договориться о «переуступке» здания, занятого комитетом РКП(б), под создаваемое Центральное книгохранилище. Просьбы об отводе для книгохранилища хотя бы двух-трех комнат, в которых располагались корейская и мадьярская секции комитета, также не имели успеха. На аргумент сотрудника музея М.И. Пальмина[345] о том, что секции эти временные и что они обслуживают 20 корейцев и 100 мадьяр «представитель партии гражд. Буксина» ответила: «Тов. Пальмин, Вы, очевидно, не знаете, что партия – основа Республики, партии было бы не к лицу ютиться на задворках, 20 корейцев представляют целый народ и представителям этого народа должно быть отведено приличное помещение для партийных работ»[346].

---

[341] Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 19. Л. 18.
[342] Смирнова Т.М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества: автореф. дис. … доктора ист. наук. М., 2009.
[343] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 11. Л. 16об.
[344] Акимова Е.В. Николай Константинович Ауэрбах (Неизвестные страницы биографии, 1916 – 1917 гг.) // Научный ежегодник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2004. Вып. 4. С. 340.
[345] Приложение 1 – Пальмин Михаил Иванович, беспартийный, сын священника. с. 258.
[346] КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 73.

Итак, особенности советской рабочей повседневности сотрудников музеев во многом складывались «под влиянием именно местных властей, а не инициатив партии сверху»[347]. Кроме того, необходимо отметить заинтересованность местных органов власти в нормализации деятельности музеев с первых дней восстановления Советской власти. В отличии от ситуации в некоторых других провинциальных территориях (так, например, Н.А. Еремина говорит об отсутствии заинтересованности со стороны органов местной власти, обрекшей музеи Оренбургской губернии «на прозябание»[348]; Э.В. Кугрышева отмечает «невыполнение» властями Саратовской губернии основных положений декретов по охране памятников старины[349]), внимание местной власти к музеям и реализация основных положений декретов способствовали развитию музейной сферы Енисейской губернии. Положительная оценка участия органов региональной власти отмечается также в исследованиях, посвященных истории создания Томского областного музея. Указывая, что идея организации в Томске научно-художественного музея обсуждалась приблизительно с 1909 года, ученые отметили решающее значение Томского ГубОНО в открытии музея в 1920–1921 гг.[350] Такая позиция не могла не содействовать созданию позитивного имиджа власти в восприятии не только у сотрудников музеев, но и городского социума[351]. Кроме того, составляет контраст с более поздними периодами развития музейного дела, в

[347] Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York, Oxford: Oxford univ. press, 1999. С. 55.
[348] Ерёмина Н.А. История становления и развития музейного дела в Оренбургском крае в XIX-XX вв. Автореферат дис. …кандидата ист. наук. Оренбург, 2006.
[349] Кугрышева Э.В. Становление и развитие государственной политики Российской Федерации по охране памятников истории, культуры и музейному делу в 1918–1941 гг.: На материалах Нижнего Поволжья: дис. …кан. ист. наук. Астрахань, 2004.
[350] Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920–2000-е гг.): автореф. дис. …кандидата ист. наук. Томск. 2011; Григорьева С.Е., Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Томский краевой музей и сохранение культурных ценностей (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 201–209; Красильникова Е.И. Томский краеведческий музей как место памяти жителей города (1920 – первая половина 1941 гг.) // Вопросы музеологии. 2013. № 1 (7). С. 62.
[351] Duncan Cl. Art Museums and the Rituals of Citizenship. С. 93; Prior N. Museums: Leisure between State and Distinction // Histories of Leisure. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2002. С. 27.

которые деятельность музеев оказывалась вне сферы государственного внимания[352], что стало одной из причин стагнации музейного пространства.

Тем не менее, несмотря на, как писал в воспоминаниях Мергарт, поддержку музеев «благоразумными людьми на руководящих постах»[353], их финансовые возможности были крайне ограничены[354]. Несмотря на значительный количественный рост сети культурных учреждений в Сибири в 1920–1921 гг.[355], для музейных служащих сложилась сложная ситуация. Опыт музейной деятельности в этот период точнее было бы назвать вслед за И.В. Нарским «опытом выживания в экстремальных условиях»[356]. Органами местной власти на нужды Музея в месяц отпускалось 7 листов бумаги и одно перо, а только смета занимала 8 стр. и требовалась в 7 экз. Сотрудники не получали ни необходимых для работы реактивов, ни инструментов. Все, что нужно было делать в целях консервации коллекций, производилось за счет запасов, сохранившихся с прежних времен[357].

В 1922 году на содержание Государственного музея Приенисейского края, как учреждения губернского значения, из средств местного бюджета было выделено 963 372 руб. (из них на содержание служебно-технического персонала – 466 724 руб., на научно-технические расходы – 496 648 руб.). Выделение Красноярска в отдельную бюджетную единицу позволило отпустить из городских средств 274 821 руб. на содержание Педагогического музея. Для сравнения в этом же году на содержание Губернской совпартшколы было выделено 3 169 091 руб., тем не менее, данная сумма сопоставима со средствами, отпущенными на

---

[352] Труевцева, О. Н. Историко-краеведческие музеи Сибири во второй половине XX века: дис. … доктора ист. наук. Томск, 2000; Шелегина О.Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход): автореф. дис. … доктора ист. наук. Томск, 2012; Рыженко В.Г. Локальные трансформации музейных "мест памяти" в постсоветских условиях: историографические заметки и непосредственные наблюдения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 1. С. 23–31.

[353] Детлова Е.В., Кузьминых С.В. Геро фон Мергарт и его "Воспоминания о советской России". С. 88.

[354] Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Енисейская губерния в советский период (январь 1920 – 25 мая 1925 г.) // Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2024. С. 245.

[355] Соскин В.Л. Советская культурная политика в Сибири (1917 – 1920-е годы). Очерк социальной истории. Новосибирск: [Новосибирский гос. ун-т], 2007. С. 44.

[356] Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни Урала в 1917 – 1922 гг. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. С. 27.

[357] КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 5; Д. 358. Л. 4.

содержание Детского трудового городка №1 (3 110 089 руб.) и Школы-коммуны (3 609 934 руб.)[358]. Из всех музеев уездных городов в губернский бюджет попал только минусинский музей, на содержание которого была выделена более существенная, по сравнению с красноярскими музеями, сумма в 2 065 346 руб. (из них на содержание служебно-технического персонала – 1 408 458 руб., на научно-технические расходы – 656 888 руб.). На конец 1922 года на полном государственном обеспечении в городах Енисейской губернии работали все созданные в досоветский период музеи. Количество музеев губернии и сотрудников музеев представлены в табл. 4. Общее число служащих музеев составило 26 человек.

	Красноярск	Ачинск	Енисейск	Канск	Минусинск
Количество музеев/число сотрудников	2/18	1/1	1/2	1/2	1/3

Таблица 4 – Музеи Енисейской губернии и численность штатного состава на начало 1923 года[359]

В период 1923–1926 гг., несмотря на отмечаемую исследователями стабилизацию жизненных условий[360], расходы государства на содержание музейных учреждений продолжали выражаться в весьма небольших суммах – 40% финансирования приходилось на долю центрального бюджета и 60% на долю

[358] Бюджет на народное образование в 1922-23 учебном году // Отчет о состоянии народного образования в Енисейской губернии IV-му губсъезду Советов. Красноярск: 1922. С. 27–29.
[359] Составлена автором по: ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 160. Л. 14; Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921 – 1923 гг.). Новосибирск: Наука, 1971. С. 68.
[360] См. подробнее: Соскин В.Л. Советская культурная политика в Сибири (1917 – 1920-е годы). Очерк социальной истории. Новосибирск: [Новосибирский гос. ун-т], 2007. С. 49; Исаев В.И. Развитие сферы досуга и массового отдыха жителей городов Сибири в 1920 – 1930-е гг. // Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX – начало XXI вв.). Новосибирск: Параллель. 2007. 184 с.; Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство. 2011. 336 с.; Исупов В.А. Редкое явление в демографической истории Сибири: демографический взрыв во второй половине 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 4. Т. 26. С. 79–84; Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А., Павлюкевич Р.В., Шереметова Т.Г. Работа Енисейской губернской плановой комиссии по организации природопользования в губернии в восстановительный период (1921–май 1925 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 130–141.

формирующегося местного[361], что значительно снизило объем государственных средств, выделяемых на их содержание. Так, Педагогическому музею в 1923 году было выделено городских местных средств 1 086 руб. 92 коп.[362]

В 1924 году все сибирские музеи были сняты с централизованного финансирования и переведены на местные бюджеты[363]. Постановление Советского периода новизной не отличалось, аналогичное решение было принято царским правительством в 1901 году[364], что можно рассматривать, как своего рода «преемственность» в деятельности органов центральной власти в отношении финансирования провинциальных учреждений культуры.

В 1924–1925 гг. из средств государственного бюджета на содержание Государственного музея Приенисейского края было выделено 4 457 руб. 70 коп. (из них на заработную плату сотрудников – 2 217 руб., на хоз. расходы – 330 руб., топливо – 649 руб., научные расходы – 149 руб., соцстрах – 221 руб. 70 коп. Субсидия на открытие заповедника «Столбы» составила 900 руб.).

В 1925–1926 гг. было выделено 10 211 руб. 29 коп. (из них на заработную плату сотрудников и содержание месткома – 7 331 руб. 45 коп., канцелярские расходы – 77 руб., освещение и водоснабжение – 138 руб., хоз. расходы – 174 руб., почтово-телеграфные расходы и оплату телефона – 140 руб., топливо – 175 руб., ремонт и оборудование – 500 руб., научные расходы – 350 руб., организацию научных экспедиций – 300 руб., соцстрах – 725 руб. 84 коп.). Из средств местного бюджета было выделено 216 руб. на освещение[365].

---

[361] Голышев Ал. Пути культурного строительства Сибири. // Просвещение Сибири. 1926. № 1. С. 8; Соскин В.Л. Советская культурная политика в Сибири (1917 – 1920-е годы). Очерк социальной истории. Новосибирск: [Новосибирский гос. ун-т], 2007. С. 48; Труевцева О.Н. Историко-краеведческие музеи Сибири во второй половине XX века: дис. … доктора ист. наук. Томск, 2000.

[362] ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

[363] Декрет ВЦИК СНК Р.С.Ф.С.Р. от 14 сентября 1925 г. «О передачи в ведение местных исполнительных комитетов музейных и художественных учреждений местного значения»; Декрет СНК Р.С.Ф.С.Р. от 17 февраля 1925 г. «Об утверждении списка научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного управления научных и научно-художественных учреждений Народного Комиссариата Просвещения Р.С.Ф.С.Р.»; ГАКК. Ф-1380. Оп. 1. Д. 44. ЛЛ. 54–55.

[364] Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века. С. 168.

[365] КККМ. Оп. 01. Д. 364. ЛЛ. 4об.–5.

К концу рассматриваемого периода Государственный музей Приенисейского края находился в ведомстве Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями (далее – Главнаука), состоял в ведении ЕнгубОНО. Утвержденного положения или устава все еще не было. Деятельность продолжала определяться общими задачами как краеведческо-исследовательской и научно-просветительской организации. В качестве вспомогательных подразделений действовали книгохранилище, фотографическая лаборатория и мастерская[366]. По Енисейской губернии в целом, на местном бюджете работало 7 музеев – 5 краеведческих и 2 педагогических[367]. Благодаря сохранившему экспонаты коллекции судьи Н.Н. Шубина Николаю Герасимовичу Тарасову, продолжил работу музей в Балахте (Минусинский уезд). В отчетах Бюро краеведения музей был означен как «волостной»[368].

Итак, появление нормативно-правовой базы, регулировавшей материально-правовое положение сотрудников музеев, конструктивное взаимодействие с органами региональной советской власти являлись факторами, влиявшими на динамику формирования кадрового состава музейного сообщества в первой половине 1920-х гг.

Уже весной 1920 года при поддержке ЕнгубОНО штатная численность была увеличена до 25 человек. В качестве основных причин расширения штатного состава А.Я. Тугаринов указывал, во-первых, «чрезвычайно» увеличившийся приток коллекций; во-вторых, появление «в нашей далекой провинции» видных представителей научной общественности «в связи с событиями последних лет»; и, в-третьих, аргументировал необходимостью подготовки кадров местных музейных работников, в частности, для музеев уездных городов. В результате, было увеличено количество отделов до 10 – геологический, ботанический, зоологический, доисторической археологии, этнографии, русского быта в прошлом и настоящем, сельского хозяйства и промышленности, печати, Старого

[366] КККМ. Оп. 01. Д. 363. Л. 1.
[367] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 334. Л. 113; Д. 90. Л. 117.
[368] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 32. ЛЛ. 59–60.

Красноярска, искусства и художественной старины. Более того, не смотря на организацию созданного в соответствии с приказом Енисейского Губревкома Енисейского губернского управления архивным фондом, куда перешел С.Н. Мамеев[369] и куда были переданы архивные материалы, в структуре Музея сохранился, как отдельное подразделение, исторический архив[370].

В 1920–1921 гг. штатными служащими Государственного музея Приенисейского края стали В.А. Смирнов, Н.К. Ауэрбах, М.Д. Соловьева, Е.Л. Юдина, С.И. Дараган[371]. Продолжали оставаться оказавшиеся в Красноярске в результате военных и революционных событий российские и иностранные деятели. Один из организаторов музея г. Сарапула художник Порфирий Павлович Беркутов работал с марта по ноябрь 1920 года в должности научного сотрудника[372]. Археолог, бывший сотрудник Кунсткамеры Георгий Петрович Сосновский[373] с 1 апреля по 15 сентября 1920 года занимал должность «сотрудника-практиканта»; Андрей Михайлович Кузнецов – «препаратора»[374]. Венгр Франц Душ с января по декабрь 1921 года работал научным сотрудником[375]; немцы Иосиф Водрацка и Ганс Пангерль[376] с января по июнь – служителями. Нахождение в штате военнопленных создавало руководству музея дополнительные трудности, требуя составления специальных отчетов («Сведения о работах, произведенными заключенными»), которые необходимо было предоставлять в губисполком к 25 числу каждого месяца[377]. Данные о составе служащих Государственного музея Приенисейского края, занимаемых должностях в 1920 году представлены в Приложении 2 (Таблица

[369] Приложение 1 – Мамеев Степан Николаевич, с. 257.
[370] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 64. Л. 3; КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 1.
[371] Приложение 1 – Смирнов Всеволод Афанасьевич, с. 259; Ауэрбах Николай Константинович, с. 253; Соловьева Марфа Дмитриевна, с. 261; Юдина Елена Леонидовна, с. 262; Дараган Сергей Иннокентьевич, с. 255.
[372] Приложение 1 – Беркутов Порфирий Павлович, с. 254.
[373] См. подробнее: Вдовин А.С., Макаров Н.П. «Став солдатом, я конечно не могу уже заниматься археологией». Письма Г. П. Сосновского к Н. К. Ауэрбаху, 1918 г. С. 5.
[374] См. подробнее: Муратова Е.А., Шакирова З.Ш. Деятельность тюменского общества научного изучения местного края в 1920-е гг. С. 152–155; Труевцева О.Н. Основатели первых музеев Сибири. XVIII – начало XIX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2023. № 24. С. 79–85; КККМ. Оп. 01. Д. 357. ЛЛ. 2.
[375] Приложение 1 – Душ Франц (Францевич), с. 256.
[376] Приложение 1 – Водрацка Иосиф, с. 255; Пангерль Ганс, с. 258.
[377] КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 2; ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 11. ЛЛ. 4–5, 37–39.

1), в 1921 году – Приложении 2 (Таблица 2) и свидетельствуют о расширении структуры Музея, увеличении штатных единиц по сравнению с досоветским периодом. В 1922 году штатная численность служащих музея сократилась до 18 человек[378].

Изменения кадрового состава, происходившие в 1920–1922 гг. были также связаны с активизацией миграционных процессов. По разным городам разъехались российские научные деятели. П.П. Беркутов уехал в г. Омск, А.М. Кузнецов – в Тюмень, П.П. Померанцев – в Уфу, Г.П. Сосновский – в Иркутск. Смогли вернуться на историческую родину иностранные военнопленные[379]. Уезжали из Красноярска и местные «кадры». Так, покинули пределы России принявшая после Мергарта заведование отделом доисторической археологии М.В. Новодворская, служитель музея с 1917 года Э.А. Журауская. Локальную причину – составило приглашение сотрудников музеев на работу в другие регионы. Так, например, И.В. Тюшняков[380], заведующий отделом этнографии, в январе 1921 года был, как определял А.Я. Тугаринов, «вызван» в Казанский университет на должность ассистента кафедры географии[381]. Перемены в составе происходили и в музеях уездных городов губернии. Так, помощник заведующего музея в Енисейске М.П. Плотников в марте 1921 года был «отозван» Алтайским Губернским отделом народного образования «для работ по просвещению национальных меньшинств Алтая, как специалист по туземному вопросу Сибири»[382].

Комментируя происходившие по разным причинам изменения в коллективе Музея, А.Я. Тугаринов признавал, что с уходом некоторых сотрудников Музей лишался «чрезвычайно ценных работников», однако, доброжелательно добавлял: «…нам остается найти удовольствие лишь в том, что некоторые из наших коллег, покинув Красноярск, попали в более нормальные условия жизни и научной

[378] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 160. Л. 14.
[379] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.
[380] Приложение 1 – Новодворская Мария Викторовна, с. 258; Журауская Эмилия Францевна, с. 256; Тюшняков И.В., с. 262.
[381] КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 3.
[382] Архив Енисейска. ФР-25. Оп. 1. Д. 22. Л. 46.

работы»[383]. Необходимо также отметить, что и сам А.Я. Тугаринов на протяжении всего рассматриваемого периода в Красноярске жил не постоянно, работая в зоологическом отделе Академии наук в Ленинграде. Причем «удаленная» работа директора была насколько частой, что прибывший в Красноярск руководитель первой Специальной метеоритной экспедиция Российской Академии наук Л.А. Кулик, записывая свидетельства А.Я. Тугаринова о Тунгусском метеорите, указывал: «бывший заведующий Красноярским музеем, А.Я. Тугаринов»[384].

В региональных исследованиях отмечается снижение качества трудовых коллективов в связи с возвращением на родину видных научных деятелей в 1920–1922 гг.,[385] однако, в условиях Красноярска отъезд из города временных сотрудников не стал причиной понижения качественного состояния коллектива Музея. Приглашение на работу в другие регионы свидетельствует о высоком уровне профессионализма сотрудников, опыт которых оказался востребованным на общероссийском пространстве. Таким образом, положительный эффект кадровой ротации заключался в том, что коллектив сотрудников Музея составили в основном местные жители. Безусловно, временные члены коллектива – российские и зарубежные ученые и практики музейного дела – внесли существенный вклад в развитие локального музейного пространства, способствовали росту уровня профессионализма, что увеличило ресурсную базу трудового коллектива.

С 1923 года число штатных сотрудников Музея было вновь сокращено – до 13 чел. (Рисунок 5) и не изменялось до конца рассматриваемого периода[386]. Тем не менее, такая численность является существенной по сравнению, например, с числом служащих 2 чел. Тюменского краеведческого музея в том же году[387]. Данные о составе служащих Государственного музея Приенисейского края,

---

[383] КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 3.
[384] Васильев Н.В., Ковалевский А.Ф., Разин С.А., Эпиктетова Л.Е. Показания очевидцев тунгусского падения 1908 года. Часть 1. Томск: [б\и]. 2018. С. 11.
[385] Сотникова Е.В. Проблема изучения художественного образования в Сибири в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 37.
[386] КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 7; Д.363. Л. 1; ГАКК. ФР-93. Оп. 4. Д. 18. Л. 6.
[387] КККМ. ОФ 12216/1.

занимаемых должностях и членстве в составе ВКП(Б) в 1923–1926 гг. представлены в Приложении 2 (Таблицы 3–6).

Рисунок 5. Сотрудники Государственного музея Приенисейского края в 1923 г. Слева направо верхний ряд: В.К. Башмаков, Н.К. Ауэрбах, А.Н. Соболев. Сидят во втором ряду: М.Д. Соловьёва, Н.А. Ставровский, А.Я. Тугаринов, А.Л. Яворский, М.В. Красноженова, М.И. Пальмин. Нижний ряд: М.А. Дмитриев, А.Н. Широкова, Е.Л. Юдина[388]

Данные Приложения 1, Приложения 2 (Таблицы 1–6) свидетельствуют, что в рассматриваемый период основной состав коллектива Государственного музея Приенисейского края, как служивших официально, так и Друзей Музея, оставался достаточно стабильным. Среди занятых непосредственно музейной работой были люди, возрастной группы от 17 до 67 лет, выбравшие профессию музейного служащего исходя из личных предпочтений, имевшие высшие или среднее образование, стаж музейной работы и/или опыт работы в образовательных учреждениях. По социальному происхождению среди служащих Музея были: один дворянин (А.Я. Тугаринов), мещане, чиновники, крестьяне, «сын священника» и «дочь почетного гражданина». Большая часть имели семьи, проживавшие в Красноярске, находившихся на иждивении детей и/или родителей. По отношению к общему числу сотрудников Государственного музея Приенисейского края доля женщин составляла почти 35%, причем не только на должностях вспомогательного персонала. Пятеро занимали должности и/или исполняли обязанности заведующих

[388] https://vk.com/@museumkkkm-geolog-aleksandr-nikolaevich-sobolev

отделов, пятеро работали «научными сотрудниками» или «сотрудниками-практикантами». Таким образом, гендерный состав служащих Государственного музея Приенисейского края не являлся отражением общих особенностей профессиональной занятости населения того времени, когда женщины в основном выполняли функции домохозяек[389], и может рассматриваться как одно из свидетельств развития традиции досоветского периода участия женщин в формировании и развитии музейного дела[390]. Все служащие в анкетах указывали принадлежность к Всесоюзному Профессиональному союзу работников просвещения и оставались беспартийными на протяжении всего рассматриваемого периода.

Существенными проблемами музейного дела Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. продолжали оставаться размещение музеев в неприспособленных помещениях, что особенно затрудняло работу в зимний период, низкий уровень отплаты труда, сложности повседневной жизни.

На момент восстановления Советской власти Красноярский городской музей все также располагался «на краю города» в двухэтажном здании старых Гостиных рядов по адресу Старо-базарная площадь, затем Площадь Просвещения, 2. В музее был установлен телефон, работало электрическое освещение, водопровод отсутствовал[391]. Внешний вид здания представлен на рисунке 6, выполненном школьниками, посетившими выставку доисторической археологии в мае 1923 года.

[389] Демчик Е.В. Частный капитал в экономике Сибири периода нэпа. Барнаул: Издательство АлтГУ, 2018. 302 с.
[390] Дмитриенко Н.М., Караченцев И.С. Участие женщин в формировании и развитии музейного дела Томского университета (1880-е – начало 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 46. С. 256–263; Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Благотворительность и пожертвования в музейном деле Сибири в XIX – начале XX в // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 126–139.
[391] КККМ. Оп.01. Д. 361. Л. 4.

Рисунок 6. Государственный Музей Приенисейского края в 1923 году[392]

Официальных выходных, начала и окончания рабочего дня установлено не было. Его содержание и продолжительность зависели от загруженности текущей работой и наличия свободных рабочих мест, или «жилищных условий», как называл их А.Я. Тугаринов, и регулярно именовал «жилищным кризисом». В официальных документах отмечалось, что Музей «задыхался в невероятной тесноте»[393].

Полезная площадь Государственного музея Приенисейского края составляла 991 кв. м., кубатура всего здания – 8 968,3 кб. м. В качестве экспозиционных помещений использовались 5–6 залов (общей площадью 314 м^2), рабочих помещений – 2 комнаты и 2 – как «складочные» для хранения коллекций[394], ценность которых отмечали иностранные посетители в досоветский период[395]. Высокая оценка фондов Музея встречается и в источниках личного происхождения 1920-х гг. Так, побывавшая в тюменском музее в 1923 г. М.Д. Соловьева с гордостью отметила: «Наш Музей в сравнении с тюменским – Ротшильд…»[396]. Высказывание сотрудницы красноярского музея может быть предвзятым. Однако, схожее мнение выражали представители российской научной общественности.

[392] ККМ. Оп. 01. Д. 376. Л. 6.
[393] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 44. Л. 16.
[394] ККМ. Оп. 01. Д. 360. Л .1об.; Д. 361. Л. 1; Д. 363. Л. 2; Д. 364. Л. 2 об.
[395] Price M.P. Siberia. С. 24–25.
[396] ККМ. ОФ-12216/1. Запись от 25/VIII.

Так, описывая фонды музея Уральского Общества любителей естествознания, П.П. Померанцев называл уральский музей «огромным складом» «такого утомительного материала, которого пожалуй, и наверняка не было в вашем музее»[397]. Как «прекрасные» характеризовал коллекции красноярского музея Геро фон Мергарт[398].

Тем не менее, здание Государственного музея Приенисейского края не охранялось. Охрана обеспечивалась проживанием при музее директора, занимавшего с семьей комнату площадью 61 м^2, и одного сторожа. Ни у кого из сотрудников не было оружия[399].

В первой половине 1920-х гг. в аналогичных условиях проходила деятельность сотрудников Красноярского Педагогического музея.

Педагогический музей в 1920–1924 гг. занимал всего 3 комнаты общей площадью 52 кв. сажени[400], несмотря на то что к средине 1920-х гг. фонды увеличились с 445 пред. до 18 000 пред., библиотеки – с 253 экз. до 14 000 экз. В 1925 году в распоряжении осталась только одна комната площадью 34 кв. сажени. Штатная численность сотрудников составляла 4 чел., единственным исключением стал 1921–1922 гг., когда штат увеличивался до 5–7 чел., в связи с тем, как объясняла заведующая музеем К.А. Смирнова, что 4 служащим «было крайне затруднительно» справляться с наплывом посетителей, особенно в специальные дни выдачи, «т.к. пособия и книги приходиться не только подбирать по готовым выпискам, но, в большинстве случаев, рекомендовать на ту или иную тему доклада или урока, а потому выдача вместо 7 часов почти всегда заканчивается в 8». В экскурсионные дни часть служащих была занята проведением экскурсий и наблюдением за порядком. В связи с чем не оставалось времени «для внутренней

[397] КККМ. Оп. 01. Д. 372. Л. 51 об. (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)
[398] Мергарт, Г. фон. Далёко: картины из сибирских будней. С. 274.
[399] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 11. Л. 43; КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 1об., Д. 363. Л. 2.
[400] 1 сажень = 2,13 м.

работы»[401]. Состав сотрудников Педагогического музея в 1920–1926 гг. представлен в Приложении 3 (Таблица 1).

Условия профессиональной деятельности сотрудников музеев уездных городов Енисейской губернии и сибирских музеев в первой половине 1920-х гг. были схожи.

Музей Минусинска, вместе с крупнейшей в Сибири библиотекой, располагался в двух зданиях на территории одной усадьбы и занимал площадь 1 140 кв. м., сама музейная площадь составляла 541,7 кв. м. В 1920 году фонды музея состояли из 75 472 пред. (12 отделов), в 1927 году – 85 910 пред. (13 отделов, прибавился «революционный отдел)[402]. Однако, по оценке сибирской общественности, «…чрезвычайная загроможденность» музея – «единственного очага краеведения»[403] в огромном уезде – лишала его возможности «вести нормальную работу»[404]. Из всех уездных музеев, штат являлся многочисленным на протяжении всего рассматриваемого периода и составлял 6 чел.[405] Социально-демографические и профессиональные характеристики сотрудников Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова в рассматриваемый период представлены в Приложении 3 (Таблица 4).

Из сибирских музеев, только музей Омска оказался обеспечен подходящим помещением, получив от местного губернского исполнительного комитета дом бывшего генерал-губернатора. Однако, здание, пережившее размещение коалиционного комитета, канцелярии и кабинета А.В. Колчака, Штаба 5-ой Армии и Детского дома[406], совершенно обветшало, музей имел колоссальные финансовые задолженности[407]. П.П. Беркутов так описывал А.Я. Тугаринову плачевное

---

[401] ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 12. Л. 2; Д. 18. Л. 6; ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 160. Л. 12; Отчет Енисейского Губернского экономического Совещания Совету Труда и Обороны с мая по октябрь 1921 г. Красноярск: [б\и]. 1921. С. 253.

[402] Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 36. ЛЛ. 19, 39–40.

[403] 50-летие Мартьяновского музея. // Просвещение Сибири. 1927. № 1. С. 100.

[404] Черемных Г.И. Научно-исследовательская работа в Сибири. // Жизнь Сибири. 1924. № 10 (26). С. 100.

[405] Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 48. Л. 8.

[406] Генерал-губернаторский дворец. URL: http://vrubel23.valuehost.ru/istoriya_zdaniy.html

[407] Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 95.

состояние музея в 1921 году: «Я обещал написать доктору Мергарту о неолитах Омского музея, но не удосуживался попасть в музей, последний был закрыт из-за недостатка топлива. Теперь музей открыт. Находится он в деревянном здании. Его можно назвать музеем флоры и фауны – вообще, а не музеем местного края. По этнографии предметов мало. По истории, тоже ничего нет, по археологии тоже. Музей меня не удовлетворил. Работает в нем 6–7 человек»[408]. Тем не менее, именно Омский музей заложил основы профессиональной подготовки кадров для музейного дела Сибири, став одним из первых организовавшим специальные подготовительные курсы, на которых уже в 1924 году прошли обучение почти 400 человек[409].

С точки зрения размещения экспонатов, в более выгодном положении, возможно, оказался Иркутский музей, располагавшийся в двух зданиях. Этнографический отдел находился в собственном музейном здании, естественно-исторический отдел с самой большой в Сибири картинной галереей – в здании магазина[410]. Однако, работа сотрудников в разных зданиях вряд ли могла способствовать организации рабочего процесса. Учитывая криминогенную обстановку первых послереволюционных лет, перемещения из одного здания в другое не всегда могли быть безопасны[411]. С точки зрения погодных условий Сибири, особенно в зимний период, не всегда такие передвижения бывают комфортными.

Кроме того, необходимо отметить сохранение еще одной «традиции» досоветского периода открытия новых музеев в неприспособленных помещениях,

---

[408] КККМ. Оп. 01. Д. 372. ЛЛ. 10–11. Письмо из Омска от 13 апреля 1921 года (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора сохранены)
[409] Черемных Г.И. Научно-исследовательская работа в Сибири // Жизнь Сибири. 1924. № 10 (26). С. 100.
[410] Там же.
[411] Литвинов А.И. Особый маршрут. Записки участника Особой экспедиции. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. С. 3.

так, например, Томский краеведческий музей был размещен в Гарнизонном клубе[412].

Другой существенной проблемой деятельности сотрудников сибирских музеев в первой половине 1920-х гг. являлось поддержание тепла в зимний период. Холод в рабочих и выставочных помещениях был причиной не только того, что служащие попросту замерзали на своих рабочих местах, но и того, что количество посетителей резко сокращалось. Так, А.М. Кузнецов, уехавший в сентябре 1920 года из Красноярска в Тюмень, упоминал в одном из своих писем о том, что отопления в музее «не предвидится», и предположил, что «с холодами придется всему замерзнуть»[413]. Из-за холода и коммунальных проблем месяцами не принимал посетителей Барнаульский краеведческий музей[414].

В Енисейской губернии зимы 1920–1921 гг. отличались исключительно суровыми морозами. В большие холода температура в рабочих и выставочных помещениях Государственного музея Приенисейского края опускалась ниже 0°С. Печное отопление (13 голл. печей, 2 кух. плиты, 2 рус. печи, 8 желез. печей) требовало 160 сажен дров[415]. Отпускаемого местной властью объема дров едва хватало на поддержание минимального тепла только в двух рабочих комнатах, «куда и собирались все со своими материалами», выставочные и складские помещения отапливать было не чем. Люди работали «в шубах, шапках, посинелыми руками». Пилкой, колкой и тасканием дров сотрудники Музея

---

[412] Григорьева С.Е., Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Томский краевой музей и сохранение культурных ценностей (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 204.

[413] КККМ. Оп. 01. Д. 372. ЛЛ. 30–32. Кроме того, в своем письме от 6 октября 1920 года Андрей Михайлович отметил «не определенное» положение музея и некоторую паузу в развитии: «Вот уже полмесяца как я приехал в Тюмень. Немного осмотревшись могу сообщить Вам про музей что после ухода 1906 году Ивана Яковлевича Словцова пополнения птицами почти совсем не было, также кажется и животными. Из птиц моей работы в начале основания музея многие сохранились, но пришли в ужасный вид» (Рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

[414] Красильникова Е.И. Проблемы построения исторической экспозиции барнаульского краеведческого музея в 20-е гг. XX в. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей: 2012. С. 242.

[415] КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 1об.

занимались сами, причем, как отмечал А.Я. Тугаринов, «как мужская, так и женская половина … принимала равное участие»[416].

С разрешением свободной торговли на рынке у руководителей культурно-просветительных учреждений появилась теоретическая возможность покупать дрова у крестьян. Однако, как позже отмечал А.Я. Тугаринов: «трудно было выхлопатывать потребные суммы из отдела Губоно, трудно было доставлять отпущенное по ордеру топливо напр. из деревни за несколько верст, ибо опять таки средств на перевозку не отпускалось». Для выполнения хозяйственных работ удалось привлечь двух военнопленных – И. Водрацку и Г. Пангерля «полуинвалидов интеллигентных людей», как характеризовал новых членов трудового коллектива А.Я. Турагинов[417] – благодаря чему сотрудники Музея были освобождены от топки печей. На протяжении всего рассматриваемого периода отопление здания музея производилось железными печами, что не только требовало дополнительных трудозатрат сотрудников, но и создавало риски в пожарном отношении, негативно сказывалось на сохранности коллекций.

В связи с острой нехваткой рабочих помещений и холодом, царящим в них, сотрудники Музея старались «варьировать время занятий» или пользоваться помещениями, временно освободившимися в связи с отъездом в экспедиции своих коллег. Так, благодаря экспедиции в Минусинск заведующего археологическим отделом Мергарта, у сотрудников отдела печати появилась возможность разобрать поступавший в отдел материал. Когда становилось особенно холодно или совсем не оставалось свободного рабочего места, сотрудники Музея были вынуждены брать работу на дом[418]. В этом отношении условия трудовой повседневности музейных служащих не являлись исключением, так как тема пагубности такой практики поднималась в сибирской прессе 1920-х гг. Так, иркутская газета призывала местные комиссии по охране труда «в корне пресекать это зло», аргументируя свою точку зрения тем, что работа на дому отрицательно влияет на

[416] КККМ. Оп. 01. Д. 358. ЛЛ. 4–5.
[417] Там же.
[418] КККМ. Оп. 01. Д. 357. ЛЛ. 5, 33; Д. 358. Л. 4.

«здоровье работающего» и ведет «к срыву трудового законодательства»[419]. Однако, альтернативы у членов коллектива Музея не было. Нормализация деятельности учреждения являлась приоритетом, как в соответствии с государственными требованиями, так и со своими внутренними установками.

Тем не менее, Красноярскому музею органы местной власти дрова выделяли. Гораздо худшая ситуация с поддержанием тепла складывалась в музеях уездных городов. М.П. Плотников, работавший в музее Енисейска, отмечая отсутствие отопления, в письме от 3 января 1921 года писал: «… и нет надежды, чтобы мы получили дрова для его отопления этою зимою»[420]. В официальном отчете заведующего говорится о возможности начать работу только с наступлением летнего тепла[421]. Не отапливалось также здание Минусинского музея. Зимой температура в помещениях опускалась до -15ºС, работа служащих прекращалась, посещаемость по сравнению с летним периодом сокращалась на 50%. Только с переходом на финансирование из местного бюджета (9 000 руб. в 1926–1927 гг.) вопрос с отоплением Минусинского музея удалось решить[422].

Проблема отопления здания Государственного музея Приенисейского края так и осталась нерешенной на протяжении всего рассматриваемого периода. Свой отзыв школьники, посетившие в 1926 году выставку «Декабристы в Енисейском крае», в котором они благодарили сотрудников Музея и писали о том, как им понравилась выставка, закончили словами: «Только холодно и долго быть нельзя»[423].

В первой половине 1920-х гг. большая часть оборудования Музея находилась в неудовлетворительном состоянии и не соответствовала экспозиционным целям. Часть мебели находилась с момента его основания, другая попала совершенно случайно. Музей остро нуждался в ящиках, сундуках, шкафах для хранения

[419] Д. Золотухин. О работе на дому // Власть труда (Иркутск). 1925. № 166. С. 4.
[420] КККМ. Оп. 01. Д. 372. Л. 1.
[421] Архив Енисейска. ФР-25. Оп. 1. Д. 22. Л. 46.
[422] Минусинский музей. ФР-1. Оп.1. Д. 36. Л. 8; Д. 48. Л. 11.
[423] КККМ. Оп. 01. Д. 387. Л. 3 об.

невыставленных коллекций, страдающих из-за неправильных условий хранения (Рисунок 7).

Рисунок 7. Разбор архивных документов
сотрудниками Государственного музея Приенисейского края в 1924 году[424]

Кроме того, размещение Музея в неприспособленном помещении являлось причиной снижения производительности труда. Так, необходимость хранения коллекций в обыкновенных товарных ящиках требовала проклеивания щелей ящиков бумагой. Возникала потребность улучшения внутреннего устройства здания, оборудования «холодных» складских помещений, расположенных на первом этаже. В 1923 году сотрудники изготовили полки и стеллажи, где были размещены архивные материалы, коллекции геологического и палеонтологических отделов, книги музейной библиотеки. Работа была проведена в течении двух летних месяцев. В летний период 1925–1926 гг. на выделенные Главнаукой средства «хозяйственным способом» был произведен частичный ремонт печей, лестниц, побелены выставочные помещения Музея. Таким образом, другим последствием такого размещения являлось регулярное выполнение сотрудниками работ, напрямую не связанных с профессиональной деятельностью. На конец рассматриваемого периода музейное имущество в виде хозяйственного

[424] https://vk.com/krashistory

оборудования, инструментов, лабораторных принадлежностей составляло 6 422 руб. 90 коп.[425]

Несмотря на то, что в первые годы после восстановления Советской власти у музейных служащих, как лиц, относившихся к категории работников просвещения, были определенные льготы в виде 2-х месячного отпуска и дополнительного пайка, еще одной существенной проблемой являлась недостаточность оплаты труда. Так, в одной из анкет, которые сотрудникам музеев приходилось заполнять, 27-летний старший помощник хранителя Минусинского музея С.Р. Цыганков в ответе об имуществе, которым владел, указывал: «нательное платье, постель»[426].

В 1920 году жалование директора Государственного музея Приенисейского края музея и заведующих отделов было одинаковым и составляло 1 987 руб.; единственная сумма в 831 руб. 60 коп. выплачивалась смотрителю музея Э.А. Журауской[427]. В воспоминаниях, относящихся к 1921 году, «нуждающийся в продовольствии музейный служащий» Мергарт называет уже сумму в 7 000 руб., однако, на нее он «мог приобрести по вкусу или потребности: 7 фунтов черного хлеба, или 40 сигарет, или полфунта масла, или 5 коробков спичек, или 2 фунта свинины»[428]. Перебравшись в Омск в начале 1921 года, П.П. Беркутов в письме А.Я. Тугаринову отмечал, что теперь ему «живется … сытно» и добавляет, что его «уже не покачивает как в Красноярске…»[429]. Несмотря на улучшения жизненных условий с 1923 года, многие члены коллектива Музея были вынуждены искать дополнительный заработок. Так, например, Г.П. Миклашевская подрабатывала в госструктуре – секретарем комиссии ЕнгубОНО по пересмотру книжного состава библиотек – и смогла заработать 60 руб. Однако, как правило, возможность дополнительного заработка предоставляла работа в образовательных учреждениях. В.А. Смирнов преподавал историю Сибири в Учительском институте[430],

[425] КККМ. Оп. 01. Д. 361. Л. 3об.; Д. 363. Л. 2; Д. 364. Л. 2 об.
[426] Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 20. Л. 33.
[427] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 7–8.
[428] Детлова Е.В., Кузьминых С.В. Геро фон Мергарт и его "Воспоминания о Советской России". С. 93–94.
[429] КККМ. Оп. 01. Д. 372. ЛЛ. 10–11.
[430] Федотова М.М. Всеволод Афанасьевич Смирнов: краевед и педагог. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. 2018. С. 85.

А.Н. Соболев, А.Л. Яворский, М.И. Пальмин работали в Педагогическом техникуме. За 1924–1925 учебный год дополнительный заработок преподавателей Соболева и Яворского составил 420 руб. и 558 руб. соответственно[431]. В индустриальном и сельско-хозяйственном лесном техникумах помощником заведующего и преподавателем подрабатывал Н.К. Ауэрбах[432].

Гораздо меньше было возможностей у сотрудников музеев уездных городов. Так, В.Д. Кожанчиков участвовал в концертах и/или был вынужден сам организовать музыкально-вокальные вечера, на которых он с семьей и сотрудниками выступал (Кожанчиков – рояль, Цыганков – баритон)[433].

В целом необходимо отметить, что вопрос о повышении оплаты труда сотрудников музеев Енисейской губернии так и оставался не решенным на протяжении всего рассматриваемого периода. Ставки оставались даже ниже, чем ставки школьных работников[434]. Так, заработная плата сотрудников Педагогического музея в 1924 г. составляла от 14 до 30 рублей[435]. Добавки к заработной плате за работу в неотапливаемых помещениях, в отличии от сотрудников столичных музеев[436], предусмотрено не было.

Иногда трудовые будни омрачались случаями краж музейного имущества. В архивных материалах Музея упоминается факт «кражи со взломом столичных газет, собранных во время войны 1914 – 1917 г. и революции» летом 1923 года. Похищенное так и не было найдено. В 1924 году случилось две кражи экспедиционного снаряжения из кладовых музея[437]. Схожая ситуация отмечается в музеях уездных городов. Так, придя на работу весной 1921 года, заведующий музея Енисейска обнаружил отсутствие замка, однако факт пропажи экспонатов музея в

---

[431] КККМ. Оп. 01. Д. 363. Л. 4.
[432] ГАКК. ФР-93. Оп. 4. Д. 18. ЛЛ. 7, 12–13.
[433] Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 22. Л. 19 об.; Театр // Власть труда (Минусинск). 1923. № 41. С. 4.
[434] КККМ. Оп. 01. Д. 363. Л. 9.
[435] ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.
[436] Лейкина-Свирская В.Р. Из истории Ленинградского музея Революции // Очерки истории музейного дела в России. М.: Советская Россия. 1961. С. 58.
[437] КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 2; Д. 364. Л. 2 об.

документе не зафиксирован[438]. В 1925 году упоминал о краже ружья из Балахтинского музея в одном из своих писем Н.Г. Тарасов[439]. Таким образом, несмотря на то, «что хищение ценных музейных артефактов, разграбление библиотечных фондов» исследователями рассматривается «обыденным явлением»[440], факты краж из музеев Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. крайне малочисленные.

Тем не менее, сотрудники Государственного музея Приенисейского края не искали себе другого места работы. Как говорил А.Я. Тугаринов: «Не житейские благости, не преимущества меркантильного характера – деятели просвещения никогда не были этим избалованы – влекут работников Музея в его стены»[441]. Об этом вспоминал и Мергарт: «Служили в Музее, главным образом, как раз те люди, для которых дело было важнее, чем какой-либо материальный расчет»[442], что дает основание предположить существование других факторов, способствовавших сохранению трудового коллектива, дальнейшему развитию музейного сообщества.

К позитивным факторам музейной деятельности в первой половине 1920-х гг., прежде всего, необходимо отнести рассмотренные выше квалифицированный, несмотря на отсутствие специальной музейной подготовки, и относительно стабильный, насколько это было возможно в то нестабильное время, коллектив служащих Государственного музея Приенисейского края. Ежедневную совместную трудовую деятельность новых членов коллектива и обладавших опытом музейной работы также можно рассматривать в качестве положительного момента, имевшего важное значение для профессионализации и/или диверсификации спектра профессиональных навыков кадрового состава служащих и/или Друзей Музея. Не меньшее значение имело продолжение дружеских и профессиональных связей «невольных обитателей» Красноярска периода 1920–

[438] Архив Енисейска. ФР-25. Оп. 1. Д. 22. Л. 50 (рукописный оригинал).
[439] КККМ. ОФ 13049/64. Письмо от 9 июля 1925 года (рукописный оригинал).
[440] Капсалыкова К.Р. Советские инструкции по охране культурного наследия и проведению раскопок 1920–1930-х гг.: новая археология по старым правилам // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург, 2018. С. 488.
[441] КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 77.
[442] Мергарт, Г. фон. Далёко: картины из сибирских будней. С. 273.

1922 гг., а также тех, кто был вынужден «оставить службу» в музее в 1923–1926 гг. либо в связи с сокращением штатной численности, либо в связи с переездом в другие регионы. Некоторые поддерживали только переписку, другие – продолжили профессиональное сотрудничество. Так, Г.П. Сосновский вернулся в Красноярск уже в 1923 году для того, чтобы возобновить вместе с Н.К. Ауэрбахом исследования Афонтовой горы, продолжил работу в отделе палеонтологии[443].

Значимым обстоятельством являлась позиция руководства Музея в отношении коллектива. Так как большинство штатных сотрудников были мужчины в возрасте, подлежавшем призыву на военную службу, руководство музея заботилось о сохранении численности кадрового состава. Так, например, согласно Приказа Всероссийского Главного штаба № 132 от 16.11.1920 г. [444] должен был быть призван самый молодой сотрудник музея М.А. Дмитриев[445] (1903 г.р.). Однако, Михаил был снят с учета и на основании выданного удостоверения отбыл «в командировку» в Туруханский край[446]. Уделялось внимание поддержанию равенства вознаграждения труда вне зависимости от занимаемой должности. Когда в 1921 году Губернская распределительная комиссия по снабжению рабочих удовлетворила ходатайство о выдаче продовольственного пайка только директора и заведующих отделами, но отклонила ходатайства научных сотрудников и сотрудников-практикантов, то руководство музея посчитало, что «такое положение дел совершенно не нормально». В адрес ЕнгубОНО было направлено письмо, в котором позиция руководства объяснялась тем, что научная работа в музее «ведется не только заведующими отделами, но и их товарищами по работе – научными сотрудниками и помощниками – сотрудниками-практикантами»[447].

Однако возможно, наиболее существенным позитивным фактором музейной деятельности в первой половине 1920-х гг. было общение в нерабочее время.

---

[443] Вдовин А.С., Макаров Н.П., Гуляева Н.П. Археологический кружок имени И.Т. Савенкова (1923–1926 годы). Красноярск: Красноярский краевой научно-учебный центр кадров культуры, 2015. 199 с.; КККМ. Оп. 01. Д. 363. Л. 2 об.

[444] Приказ Всероссийского Главного штаба № 132 от 16 ноября 1920 г. С. 1.

[445] Приложение 1 – Дмитриев Михаил Александрович, с. 255.

[446] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

[447] КККМ. Оп. 01. Д. 374. Л. 8 (машинописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены).

Коллеги помогли друг другу в решении бытовых проблем. Например, в дневниковых записях А.Л. Яворского упоминается, как он и «Аркадий Яковлевич Тугаринов ездили на лодке в Есаулово садить его картошку»[448]. Оказывали содействие в решении трудовых вопросов. Так, полученные от ОНО в 1925 году сотрудниками Педагогического музея 50 руб. на т.н. «культнужды» были просто «переданы» А.Я. Тугаринову «на приобретение в Москве пособий». Упоминание о получении расписки в архивных документах не обнаружено, что также позволяет говорить и об уровне доверия[449].

Учитывая напряженность рабочих будней, размер заработной платы и сложности быта, времени на досуг оставалось мало. Сведений о посещении сотрудниками клубов, театров, кино или массовых мероприятий в архивных фондах пока обнаружить не удалось. Одним из способов досугового времяпровождения, зафиксированным источниками, были походы на Столбы. У объединенных общей идеей столбизма сотрудников была своя компания, которую столбисты так и называли – «Музеяне». Название компании стало именем собственным для всего коллектива Музея. Так, Г.П. Сосновский в одном из писем к М.В. Красноженовой просит передавать от него «привет Музеянам»[450], уехавшая на музейные курсы в Москву Е.Л. Юдина начинает свое письмо именно этим обращением: «Дорогие Музеяне!»[451].

Из воспоминаний А.Л. Яворского: «Кое кто из музейных работников, конечно, на Столбы хаживал, но вне коллектива. И вот по инициативе Соболева музеяне выбрали в глухом уголке тайги камешек, лежащий поперек хребтика, носящего название Акулькиной гривы. Это было недалеко от Манской тропы. Этот камешек и был прозван Музейным. Здесь и был сооружен ими шалаш, укрывавший их от дождя, только не косого. Этот шалаш просуществовал недолго, но он объединил Музеян в их хождении на Столбы. Объединил в свою особую

[448] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.
[449] ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
[450] КККМ. ОФ-13049/37. Д. 11007 (рукописный оригинал)
[451] КККМ. ОФ-13020/36. Д. 10907. Л. 1 (рукописный оригинал)

компанию, начиная с 1920 года»[452]. Членами компании Музеян были – А.Я. Яворский, А.Н. Соболев, Д.И. Каратанов, А.А. Савельев, М.В. Красноженова, Журауские и др.

Возможно, лучшей характеристикой взаимоотношений внутри коллектива сотрудников Государственного музея Приенисейского края может служить другая запись в дневнике А.Л. Яворского: «От дома отчудился, то на работе в Музее, то на природе. В Музее теперь хороший сработавшийся коллектив. Директор все тот же неугомонный и энергичный Тугаринов. …Работали не за страх, а за совесть, и если хорошо работали, то не плохо и отдыхали т.к. одни отпускные дни были как и у учителей два месяца»[453]. Таким образом, постоянный состав трудового коллектива, дружеские и профессиональные контакты, взаимопомощь, социализация в нерабочее время необходимо рассматривать как свидетельства комфортного психологического климата и решающие условия развития музейного сообщества, как особой социальной и профессиональной группы в первой половине 1920-х гг., для которой музейная «…деятельность была не только средством жизнеобеспечения, но и духовной потребностью»[454].

Кроме того, к позитивным факторам необходимо отнести и относительную нормализацию жизненных условий в масштабах страны. Так, в одном из писем отправившейся из Минусинска на историческую родину семьи поляков Коржаневских говорится, что «от Красноярска до Москвы ехали … хорошо, питались хорошо», аргументировали тем, что «везде можно было купить продукты и дешево»[455]. Командированная в составе сибирской делегации в Москву для участия в I Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке М.Д. Соловьева отмечала положительные эмоции от встреч со случайными людьми[456]. Изменения эмоционального фона жителей столицы

---

[452] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
[453] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 162. Л. 7 (машинописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)
[454] Соскин В.Л. Советская культурная политика в Сибири (1917 – 1920-е годы). Очерк социальной истории. Новосибирск, 2007. С. 22.
[455] Архив Минусинска. Ф-100. Оп. 1. Д. 23. Л. 32.
[456] КККМ. ОФ 12216/1.

подробнее описаны историком С.Б. Веселовским: «В сравнении с тем, что было 2–3 года тому назад огромная перемена… Толпа стала значительно сдержаннее, вежливее, а по временам отдельные лица проявляют к своим незнакомым согражданам даже доброжелательство…»[457].

Подводя общий итог Главе 1, отметим, что музейное дело Енисейской губернии в конце XIX в. – первой половине 1920-х гг. определялось как общероссийскими тенденциями, так и рядом локальных условий становления музейного пространства и музейного сообщества.

Формирование музейного пространства Енисейской губернии в конце XIX в. – 1914 гг. происходило одновременно с развитием музейной сети Сибирского макрорегиона. Благоприятный контекст создавали, с одной стороны, качественно новые – образовательно-ориентированные – запросы городского социума, сопровождавшиеся ростом числа институтов культурного пространства и способов культурного времяпровождения. С другой, значимым фактором являлось внутреннее побуждение к новым формам деятельности социально активных горожан. Таким образом, наличие основы для возникновения контактов способствовало возникновению социального взаимодействия энтузиастов музейного дела и обычных жителей губернии. Взаимодействие осуществлялось с целью достижения результатов, необходимых для формирования музейного пространства, основу которого составили частные коллекции инициаторов, дополненные пожертвованиями обычных жителей. Таким образом, сформировавшиеся в относительно непродолжительный исторический период устойчивые социальные взаимосвязи с местным социумом, его формирующееся восприятие памятников истории и культуры как части общей культуры помогли сотрудникам музеев Красноярска, некрупного губернского центра с его традиционными тесными связями, родственными, дружественными и профессиональными, сохранить и продолжить развитие музейного пространства в кризисный период 1914–1919 гг., что свидетельствует о способности найти

[457] Веселовский Степан Борисович – историк, археограф, академик АН СССР. Запись от 23 мая (10 мая) 1923 года. URL: http://prozhito.org/person/629

оптимальные модели взаимодействия музея и общества. В первой половине 1920-х гг. значимым фактором нормализации музейной сферы и условий профессиональной деятельности стало восстановление Советской власти. Важное значение имели принятые законодательные акты. С одной стороны, заложили правовые основы государственной музейной политик и обеспечили решение организационных вопросов музейного дела. С другой, стали своеобразным «мандатом» профессионализации деятельности в прошлом в основном общественной инициативы энтузиастов. Среди основных условий формирования конструктивных взаимоотношений с представителями советской власти необходимо выделить понимание музейными служащими необходимости организации процесса взаимодействия. На протяжении всего рассмотренного периода роль государства в развитии музейной сферы ограничивалась выделением неприспособленных помещений и недостаточного финансирования, не оказывала непосредственного влияния на структуру профессиональной деятельности и решение проблемы кадрового обеспечения.

В конце XIX в. – первой половине 1920-х гг. происходило формирование, становление и развитие музейного сообщества Енисейской губернии. В период формирования сообщества, ценностные личностные ориентации энтузиастов музейного дела являлись практически единственным аргументом при выборе направленности деятельности. Сохранение музейного сообщества в 1914–1919 гг. свидетельствует о положительной адаптации социальных и профессиональных практик к стремительно меняющимся политическим и социокультурным условиям. Развитие музейного сообщества в первой половине 1920-х гг. составили разнообразные формы социального взаимодействия и взаимного влияния членов сообщества, в состав которого продолжали входить штатные сотрудники Музея и волонтеры, друг на друга. Таким образом, на протяжении всего рассмотренного периода основной формой организации профессиональной деятельности и типом социального взаимодействия являлось сотрудничество, которое устанавливалось и поддерживалось благодаря: (1) наличию цели, осуществление которой по разным причинам предполагало необходимость объединения усилий членов сообщества;

(2) жесткой регламентации конкретными условиями переходного периода; (3) доступности городскому социуму внешней выраженности процесса взаимодействия. Сотрудничество строилось на основе взаимоподдержки, развития социальных отношений, отличавшихся многообразием, систематичностью, самовозобновляющимся инклюзивным характером. Рассмотренные характеристики позволяют отнести коллектив сотрудников Государственного музея Приенисейского края музея в первой половине 1920-х гг. к самоорганизующимся коллективам, члены которого были объединены не просто на институциональном, а на аффективном уровне, что дает основания говорить о сформированном социально-профессиональном музейном сообществе.

ГЛАВА 2. МУЗЕЙНОЕ СООБЩЕСТВО ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГГ.

2.1. Особенности профессиональной деятельности музейного сообщества: развитие музейного пространства

В первой половине 1920-х гг., несмотря на коренные социополитические изменения в стране, сотрудники музеев Енисейской губернии продолжали заниматься своей привычной деятельностью. Так, заведующие музеями лаконично констатировали в своих отчетах: «1) Переорганизаций не было; 2) Изменений в функциях не было; 3) Личный состав оставался тот же»[458]. Профессиональная деятельность музейного сообщества губернского Красноярска в первой половине 1920-х гг. определяла роль сообщества в локальном и региональном культурном пространстве и реализовывалась через комплекс охранно-спасательных, научно-исследовательских, деловых публичных и выставочно-экскурсионных мероприятий.

Одним из основных направлений профессиональной деятельности музейного сообщества в рассматриваемый период являлась определенная законодательством «первая Государственная регистрация» памятников искусства и старины[459].

Весной 1920 года в целях консервации одной из самых типичных городских построек Красноярска сотрудники Музея обратились в ЕнгубОНО с ходатайством о взятии на учет и сохранении «в неприкосновенности от перестроек или разрушения» особенно дорогого для музейного сообщества дома купцов Крутовских[460]. Постановление доводило до сведения «теперешних владельцев дома» и обязывало «их, чтобы они не могли ремонтировать и перестраивать его без разрешения Наукома»[461]. Для сравнения, одна из первых попыток сохранения

---

[458] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. Л. 16; Архив Енисейска. ФР-25. Оп. 1. Д. 22. Л. 46.
[459] Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР № 794 «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г.
[460] КККМ. Оп. 01. Д. 357. ЛЛ. 29–30.
[461] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 99–100.

исторических зданий сотрудниками Томского краеведческого музея датируется 1923 годом, когда член совета музея Б.П. Юхневич осмотрел постройки, связанные с жизнью декабриста Г.С. Батенькова, и предоставил результаты осмотра в местный Губмузей, принявший формальные меры по охране этих строений[462]. Сохраненная, в том числе усилиями музейного сообщества, усадьба Крутовских и в настоящее время продолжает оставаться одной из достопримечательностей Красноярска.

Новые обстоятельства жизни внесли коррективы в способы пополнения музейных фондов. Одним из новых источников развития музейного пространства стали предметы, поступавшие в результате охранно-спасательных мероприятий.

В холодную зиму 1920 года музейное сообщество приступило к спасению книжного фонда Красноярска[463]. Вошедшие в город войска Красной армии занимали все подходящие помещения. Здания, в которых располагались библиотеки не стали исключением, книги попросту выбрасывались[464]. Рабочий день музейного сообщества потерял оставшиеся признаки «нормированности» и оказался полностью зависим от места и времени проведения «спасательных операций», условия которых были чрезвычайно сложными. За невозможностью достать подводы для перевозки книг сотрудники Музея – и мужчины и женщины – сами впрягались в санки. Библиотеку бывшего статистического комитета перевозили в тот момент, когда вода уже проникла в подвал и залила пол настолько, что потребовалось сделать мостки, чтобы не ходить по воде во время переноски книг. Дополнительным фактором, потребовавшим ускорить процесс вывоза книг, была свирепствовавшая эпидемия тифа. Из части городских библиотек книги вывозили в то время, когда помещения уже использовались в качестве госпитальных, а сами сложенные стопками книги исполняли для лежачих больных

---

[462] Григорьева С.Е., Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Томский краевой музей и сохранение культурных ценностей (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 205.

[463] КККМ. Оп. 01. Д. 357.

[464] В этом контексте перепрофилирование библиотечных помещений также необходимо рассматривать как один из факторов утрат библиотечных фондов [Источник: Защита культурных ценностей при чрезвычайных ситуациях: Рекомендации. М: Институт Наследия, 2024. С. 228]

функцию коек. Согласно архивным данным только за лето 1920 года музейным сообществом была произведена «частичная реставрация и регистрация 3 550 *спасенных* (Курсив мой – С.В. Бершадская) книг»[465].

Нередко, как свидетельствуют архивные материалы, сотрудникам Музея приходилось выступать «в роли какого-то просителя». Как, например, заведующему отдела русского быта в прошлом и настоящем С.И. Дарагану, который «отыскивал» нужный материал в различных учреждениях города и «упрашивал» расположившихся в них представителей новой власти передать предметы, имевшие культурную и историческую ценность, «благодаря чему много удалось сохранить и поместить в Музей». Так, охранно-спасательные мероприятия музейного сообщества, в некоторых случаях, оказывались, по выражению А.Я. Тугаринова, «просительными»[466].

На протяжении всего рассматриваемого периода имевшихся в распоряжении Государственного музея Приенисейского края средств хватало только на минимальное количество покупок. В 1920 году Музей приобрел шелковую шаль в «хорошей сохранности»; в 1921 году – скатерть. В 1924–1925 гг. из-за отсутствия средств не было приобретено ни одного предмета[467]. Тем не менее, рассматриваемый период характеризуется «чрезвычайно увеличившимся притоком коллекций»[468]. Таким образом, в условиях резко возросшей ценности всех предметов, обесценивания денег, особенно в первые два года работы в «новых условиях», традиционным источником развития музейного пространства продолжала оставаться безвозмездная передача местными жителями в Музей предметов, имевших культурную и историческую ценность.

Вспоминая свое выживание в Петербурге зимой 1920 года, В.Б. Шкловский писал о том, что он «сжег свою мебель, скульптурный станок, книжные полки и книги, книги без числа и меры»[469]. А.А. Савельев 15 января 1920 года безвозмездно

[465] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. ЛЛ. 2об., 22, 32; Д. 22. Л. 160.
[466] КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 27.
[467] КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 56; Д. 363. Л. 6.
[468] КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 1 об.; Д. 358. Л. 77.
[469] Шкловский В.Б. Петербург в блокаде. Том 1. Революция. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

передал в дар Музею 40 книг[470]. В условиях тотального дефицита и роста цен, А.М. Корсак отдала в отдел «Старого Красноярска» «любопытную коллекцию … разнообразную по содержанию и материалу» предметов обстановки. Всего в 1920–1921 гг. в фонды Музея, в основном за счет добровольных пожертвований, поступило почти 24 000 предметов[471].

В этот сложный для всех жителей Енисейской губернии период аналогичная ситуация складывалась с пополнением фондов музеев уездных городов. Так, в только в 1920–1922 гг. фонды музея Енисейска увеличились на 202 пред., из них только 4 были приобретены на средства Музея[472]. Смотрителю музея Канска местными жителями были также безвозмездно переданы тунгусский мешок, вышитый бисером, и несколько предметов каменного века[473].

В последующие годы традиция продолжала сохраняться. В 1923 году в фонды Государственного музея Приенисейского края «в качестве дарения разных лиц» поступило 794 пред., что свидетельствовало, по мнению музейного сообщества, о «внимании и симпатии населения к *своему* (курсив мой – С.В. Бершадская) Музею»[474]. В документах 1925–1926 гг. упоминаются также и представители сельского социума – например, крестьяне Алексеев и Кангур, и «другие малограмотные, но трогательно собирающие краеведный материал и предоставляющие его в Музей, будучи материально в этом не заинтересованные»[475]. Рассмотренные выше локальные особенности развития музейного пространства в первой половине 1920-х гг. позволяют не согласиться с выводом зарубежного исследователя Дж. Форзита об исчезновении в этот период всех «старых» социальных и культурных норм из повседневной жизни жителей

[470] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
[471] КККМ. Оп. 01. Д. 358. ЛЛ. 56, 75.
[472] ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Енисейского научного музея с 1 октября 1922 по 1 октября 1923 гг. Л. 3.
[473] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 160. Л. 39.
[474] КККМ. Оп. 01. Д. 361. ЛЛ. 2об.-3.
[475] КККМ. Оп. 01. Д. 364. Л. 10.

Сибири[476], во всяком случае, когда речь идет об отношении красноярцев к деятельности музейного сообщества.

Важным направлением профессиональной деятельности музейного сообщества в первой половине 1920-х гг. продолжала оставаться научная работа.

Весной 1920 года музейное сообщество продолжило текущую работу по Музею, в том числе, разработку систематизации коллекций, не дожидаясь, когда «концептуальные представления о характере построения экспозиций» будут разработаны столичными специалистами[477]. Большой вклад в это направление деятельности внес И.В. Тюшняков. Им же была произведена очередная чистка и дезинфекция всех экспонатов отдела. В отделе русской и церковной древности хранителем И.В. Медяковым[478], затем сменившим его С.И. Дараганом, совместно с М.В. Красноженовой, хранителем отдела печати, и В.А. Смирновым, заведующим историческим архивом, проводилась экспертиза заслуживавших помещения в Музей церковных ценностей.

Кроме того, в связи с приближавшимся 300-летием основания города (в 1928 г.), В.А. Смирновым велась интенсивная работа по подбору архивных материалов и документов. Для восстановления картин быта Красноярска 1840–1860-х гг., были подготовлены два небольших очерка «Покровский приход г. Красноярска в 19 в. (по документам церковного архива)» и «Крепостные в Красноярске в первой четверти 19 в. (по метрическим книгам Красноярских церквей)». Кроме того, предприняты попытки восстановления планов, чертежей и общего вида Красноярского острога. В случае накопления достаточных данных представители музейного сообщества планировали произвести его реконструкцию. До отъезда в Омск в работе участвовал П.П. Беркутов, в круг профессиональных задач которого также входила экспертиза художественных предметов и развеска картин. После отъезда П.П. Беркутова, работу продолжил Д.И. Каратанов. Вместе с

---

[476] Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia’s North Asian Colony. 1581 – 1990. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. С. 282.

[477] Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 96.

[478] Приложение 1 – Медяков И.В., с. 257.

В.А. Смирновым были воспроизведены увеличенный чертеж острога по карте С.У. Ремезова, чертежи башен, детали конструкции стен и защитных приспособлений. К сожалению, работу пришлось приостановить из-за отсутствия связи с научными учреждениями Москвы и Петрограда, где находились необходимые материалы, и куда сотрудники Музея неоднократно обращались письменно, но так и не получили ответов на свои запросы[479].

Тем не менее, фондами Музея продолжали пользоваться представители российской научной общественности. Так, только в 1923–1924 гг. в Музее работали 16 ученых, приехавших из разных городов, в том числе, из Москвы – В.А. Городцов, С.В. Обручев, Б.С. Виноградов, С.И. Оболенский; из Ленинграда – С.А. Теплоухов. Из Омска приезжал С.М. Антонов; из Иркутска – Г.С. Виноградов[480].

Относительная нормализация условий профессиональной деятельности, значительное пополнение фондов позволили музейному сообществу продолжить развитие отделов, созданных в досоветский период. Одним из таких примеров является отдел «Старый Красноярск», что свидетельствует о том, что в исследуемый период не только «томский музей мог похвастаться наличием оригинального отдела “По старому городу”»[481].

На момент восстановления Советской власти предметов, «иллюстрирующих уклад жизни городского населения в прошлом» в фондах отдела Старый Красноярск насчитывалось около 550 единиц. С основанием новых отделов, таких как Русского быта в прошлом и настоящем, искусства и художественной старины, отдела печати, часть находившихся в отделе Старый Красноярск экспонатов была передана в эти отделы. В отделе остались материалы, которые характеризовали жизнь собственно Красноярска, были непосредственно связанные с историей города, с бытом горожан и их материальной культурой. В отделе заведующего не было и текущую работу выполняли М.В. Красноженова и В.А. Смирнов.

---

[479] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. Л. 3; КККМ. Оп. 1. Д. 357 Л. 40.
[480] КККМ. Оп. 01. Д. 361. Л. 4.
[481] Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 96.

В 1920–1922 гг. в отдел Старый Красноярск поступило 1 548 предметов. Все поступившие предметы составляли «жертвования разных лиц». Традиционная «помощь горожан» давала музейному сообществу надежду на то, что «отдел будет постепенно развиваться и со временем его коллекции смогут отразить уклад жизни “наших сограждан доброго старого времени”» и «в конце концов коллективными силами» будет восстановлена «картина быта былого Красноярска». Среди поступлений преобладали материалы начиная с 1775 года – фотографии местных общественных деятелей, видов города, окрестностей, различных моментов общественной жизни города (торжеств, демонстраций и т.д.). Увеличилось число экспонатов являвшегося частью отдела «Уголка Сурикова» за счет пожертвований А.И. Сурикова, брата художника. Пожертвования были сделаны и семьей Кончаловских, несмотря на «беспокойство» по поводу судьбы музея, вызванного тем, как писала в одном из своих писем О.В. Кончаловская, что «… многие мелкие музеи в Москве расформировываются, а с крупными происходят передвижения»[482]. В Уголок были переданы несколько личных документов и вещей художника, в том числе палитра, этюдник, кисти, а также гипсовая посмертная маска, ряд фотографий и репродукций картин. Экспозицию Уголка составили 87 пред. быта и 37 оригинальных работ В.И. Сурикова. Работая над развитием отдела, М.В. Красноженова вела обширную переписку. Одним из тех, кто помогал советом и рассказывал о схеме организации специальных отделов в Иркутске, сообщал сведения по библиографии вопроса и просил получившиеся дуплеты «в первую очередь» оставлять для Иркутского музея[483] был А.Н. Турунов, автор «Советской Сибирской Энциклопедии» и ряда работ по истории Сибирского края.

Уже в 1922 году фонды отдела Старый Красноярск насчитывали 1 977 пред. и «достаточно полно и разнообразно воспроизводили физиономию города»[484].

---

[482] КККМ. ОФ1349/29. Д. 10999. Из письма Ольги Васильевны Кончаловский М.В. Красноженовой от 2.12.1922 г. (рукописный оригинал, орфография и пунктуация автора – сохранены).

[483] КККМ. ОФ 13138/34. Д11272. Письмо Турунова А.Н. М.В. Красноженовой. г. Иркутск. 16 октября 1921 г.; ОФ 13138/35. Д11243. Письмо Турунова А.Н. М.В. Красноженовой. г. Иркутск. 15 января 1922 г. (рукописные оригиналы)

[484] КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 56.

Таким образом, за первые два наиболее сложных года работы фонды отдела увеличились приблизительно в три раза. Данные о характере и количестве предметов, поступивших в фонд отдела в 1920–1922 гг. представлены в Приложении 2 (Таблица 4). В дальнейшем поступления были не столь значительны (так, в 1923–1924 гг. поступило только 184 предмета). Тем не менее регулярное пополнение фондов свидетельствует о положительной динамике развития отдела, переименованного в 1925–1926 гг. в отдел «Город». В 1925 году в фонде отдела насчитывалось 2 960 предметов, в 1926 г. – 3 272[485].

Возможно предположить, что немаловажным фактором устойчивого развития отдела было продолжение, по инициативе М.В. Красноженовой, работы организованного в 1916 году «Кружка Старого Красноярска».

Понимая, что без освещения жизни города со стороны его жителей как в виде дневников, летописей и иных материалов, так и рассказов еще живых свидетелей прошлого, предметы и документы могут иметь меньшее значение и цену, музейное сообщество, одно из первых (во всяком случае, на настоящий момент результаты исследований деятельности сибирских музеев в первой половине 1920-х гг. таких форм профессиональной деятельности не фиксируют) на территории сибирского макрорегиона, занялось сбором материалов личного происхождения.

Руководителем Кружка Старого Красноярска был избран В.А. Смирнов. Также в состав кружка от музейного сообщества вошли М.В. Красноженова, М.И. Пальмин, С.И. Дараган. Членами кружка стали также, как называла их М.В. Красноженова, «старые жители города» – В.П. Косованов, А.П. Кузнецова, Е.П. Пассек, А.Г. Попов, П.И. Рачковский, Ц.И. Смирнова, Л.П. Терских, И.А. Хейн, А.Г. Юдина – которые «своими рассказами и воспоминаниями дополнили … историю жизни города». Свидетельством заинтересованности обычных жителей в профессиональной деятельности музейного сообщества, является участие в заседаниях кружка и «других горожан», «делавших свои сообщения».

[485] КККМ. Оп. 01. Д. 361. Л. 2; Д. 364. Л. 3.

Порядок работы Кружка был следующим. Ц.И. Смирнова представляла письменные доклады в порядке принятой программы работы кружка, остальные его члены представляли дополнения к прозвучавшим докладам. В тех случаях, когда доклады не были предоставлены заранее в письменном виде, сообщения фиксировались во время заседаний кружка.

Первое заседание Кружка Старого Красноярска состоялось 30 марта 1920 года. До конца года было проведено 13 заседаний, на которых прозвучало 14 докладов, причем 9 докладов были «сделаны» сотрудниками Музея, остальные – «сочувствующими» работе кружка «гражданами города». М.И. Пальмин выступил с тремя докладами «Духовенство г. Красноярска 60 г.», «Первая керосиновая лампа в деревне» и «Общие бани в 50-60 гг.». В.А. Смирнов и М.В. Красноженова выступили с двумя сообщениями. О «Топографии старого Красноярска» и «Крепостном праве в Красноярске в начале 19 столетия» рассказал В.А. Смирнов. М.В. Красноженова – о «Мещанском быте» и «Торговых банях». Доклад С.И. Дарагана был посвящен храму Благовещения в Красноярске. Среди сообщений «Друзей Музея» необходимо отметить доклады А.Г. Юдиной «Слобода Тарокановка»; П.И. Рачковского «Красноярская бойня»; А.П. Кузнецовой «Именины у Политковских» и три сообщения Н.И. Григоровского «И.К. Кузнецов – городской Голова 30-х гг. Красноярска», «П.И. Кузнецов», «Первые губернаторы Енисейской губернии».

Кроме того, члены Кружка, главным образом В.А. Смирнов и М.В. Красноженова, записывали личные воспоминания «старых» жителей города. Так, например, В.А. Смирнов записал воспоминания своей мамы Ц.И. Смирновой о личных встречах ее мамы Е.И. Зелинской с декабристами, в том числе, с семьей Давыдовых[486].

В 1923 году число членов кружка Старого Красноярска увеличилось до 20 человек[487]. Кружок действовал на протяжении всего рассматриваемого периода,

[486] КККМ. Оп. 01. Д. 357. ЛЛ. 28–30; Д. 358. ЛЛ. 54–57; Федотова М.М. Всеволод Афанасьевич Смирнов: краевед и педагог. С. 85.
[487] КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 6.

являясь дополнительным фактором как поддержания устойчивых взаимосвязей с городским социумом, так и развития музейного пространства и музейного сообщества. Кроме того, необходимо отметить, что музейное сообщество своей деятельностью по развитию созданного в досоветский период отдела Старый Красноярск значительно опередило коллег из Омска, Новониколаевска. Так, популярные в 1920-е гг. городоведческие проекты[488], не были отражены в экспозиции Омского краеведческого музея до конца 1920-х гг.[489] В открытом в 1920 году Государственном Западно-Сибирском краеведческом музее, созданном как государственный «мироведческий» народный музей краевого значения, исторической экспозиции не было. Этнологический отдел впервые отмечается в отчете о деятельности музея за 1925–1926 гг.[490]

Значительные пополнение фондов и увеличение штатной численности позволили музейному сообществу создать в структуре Музея новые отделы. Так, например, в 1920 году в качестве самостоятельного отдела был выделен отдел печати и введена должность заведующего, на которую была выдвинута кандидатура М.В. Красноженовой. Основу фондов отдела составили печатные материалы, собранные Музеем в течении предшествующих лет. Часть материалов случайными поступлениями накапливалась с 1905 года, но как, на тот момент, «нелегальная» хранилась опечатанная. События Первой мировой войны стали другой причиной сбора материалов, выходивших «из-под печатного станка местных типографий», как отражавших «связанных с ней явлений местной общественной жизни», и заставили сотрудников Музея заняться их сбором и систематизацией.

Мария Васильевна стремилась к достижению «возможной полноты в подборе местных изданий как Красноярска, так и вообще Енисейской губернии, на втором

---

[488] Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, историографии, методов исследования. Екатеринбург; Омск, 2003. С. 307.

[489] Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 96–97.

[490] Красильникова Е.И. Проблемы репрезентации коллективной памяти о прошлом в музейной экспозиции Государственного Западно-сибирского краеведческого музея (1920-е – первая половина 1941 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 1. С. 156.

– изданий Сибирских и на третьем – общероссийских». В этот период из общероссийских изданий в отдел печати поступили материалы 1905 г., 1917 г. и позже. Из местных периодических изданий – комплекты «Енисейских губернских ведомостей», «Епархиальных ведомостей», полные комплекты газет за 1917 г., в том числе и однодневные, гектографированные издания различных партийных организаций. Благодаря тому, что М.В. Красноженовой удалось заручиться поддержкой полиграфического отдела Енгубисполкома, отдел начал комплектоваться печатными изданиями Красноярска текущего периода. Через «Центропечать» – получать российские, сибирские и издания уездных городов. Желая возможно полнее представить издания Красноярска дореволюционного периода, М.В. Красноженова обошла часть типографий и обратилась с просьбой о разрешении сделать выемку из типографских архивов, в которых должны были храниться по два экземпляра каждого издания, выпущенного типографией. К сожалению, в двух старейших типографиях города архивы оказались уничтожены. Среди поступившего местного материала были, в том числе, и библиографические редкости – Енисейский альманах 1828 г., изданный первым губернатором Енисейской губернии А.П. Степановым (писавшим под псевдонимом Иван Петров), издания средины XIX в.

Учитывая расстояние от Красноярска до уездных городов, вопрос о сборе печатных локальных изданий решался гораздо сложнее.

Наиболее полно в фондах отдела были представлены печатные издания Енисейска, благодаря поездке туда в 1920 году А.Я. Тугаринова и стараниям находившегося там же А.А. Савельева. Они привезли ценную коллекцию, в том числе, листовки в количестве 415 экз., полученную путем личных обращений, переговоров и выемок типографских архивов.

В Канск в феврале 1921 года была командирована Анна Гавриловна Шеркус[491]. Результаты командировки оказались незначительны, так как выяснилось, что старые архивы при типографии также были уничтожены, а новые издания в архив не попадали. Тем не менее А.Г. Шеркус удалось получить

[491] Приложение 2 – Шеркус Анна Гавриловна, с. 262.

случайно сохранившийся печатный материал в количестве 167 экз. Сотрудники типографии обещали посылать в адрес Музея вновь выходящие издания, но кроме нескольких номеров «Красной звезды» так ничего и не было получено. Летом того же года А.Г. Шеркус была командирована в Минусинск, где также архива при типографии не оказалось. Однако, в результате минусинской командировки фонды отдела пополнились текущими локальными периодическими изданиями в количестве 112 экз. Кроме того, Анна Гавриловна привезла архивный материал церкви с. Абаканского и Минусинского Спасского собора. Всего за 1920–1922 гг. в фонды отдела поступило 13 557 наименований печатных СМИ Енисейской губернии, Сибири и европейской части России. Весь материал был собран исключительно путем безвозмездной передачи и добровольной помощи со стороны учреждений и жителей города и губернии. Как отмечала М.В. Красноженова: «Это сочувственное отношение граждан города дает надежду в будущем постепенно отразить красноярское издательство». Данные о пополнении отдела в этот период представлены в Приложении 2 (Таблица 5).

В дальнейшем, как и по отделу Старый Красноярск, темп поступлений снизился. В 1923–1924 гг. в отдел печати поступило всего 964 предметов. Тем не менее регулярное пополнение фондов свидетельствует о положительной динамике развития отдела. В 1925 году фонд увеличился до 23 499 пред., в 1926 г. – 24 534 пред.[492] Таким образом, музейное сообщество стало одним из первых на территории сибирского макрорегиона «собирателей» сибирских печатных изданий[493]. Еще одним несомненным результатом деятельности сообщества является накопление в фондах Музея уникальных экземпляров печатных средств массовой информации, в том числе региональных и локальных (кроме Ачинска), «как фиксирующих – по оценке М.В. Красноженовой – жизненный момент, могущих дать в будущем первоисточники к изучению любого момента, любой эпохи быстро текущих годов»[494].

[492] КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. ЛЛ. 32–34; Д. 361. Л. 2; Д. 364. Л. 4.
[493] Архивное наследие Сибири. Новосибирск: СтандАрт, 2020. С. 6.
[494] КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 59.

Другим направлением профессиональной деятельности музейного сообщества в первой половине 1920-х гг. продолжала оставаться исследовательская работа. Учитывая отсутствие финансирования, обширность территории Енисейской губернии, логистические сложности и опасности, связанные с перемещением, проблема организации экспедиций стояла особенно остро, и не всегда они проходили так, как было задумано.

Экспедиционная деятельность возобновилась в первый год восстановления Советской власти. Так, подробно результаты одной из экспедиций в Минусинск Мергарта рассмотрены А.С. Вдовиным и Н.П. Макаровым[495]. К результатам исследования авторов необходимо добавить, что первоначальным намерением и «горячим желанием» австрийского археолога было знакомство с богатейшими археологическими коллекциями Минусинского музея, о чем свидетельствует письма ученого, написанные в мае 1920 года в адрес директора музея В.Д. Кожанчикова (с которым они подружились еще в период своего «невольного обитания» в Красноярске, когда оба оказались под крышей Красноярского городского музея). Однако, обстоятельства сложились несколько иначе и, запасшись «солидным количеством муки, картофеля, сливочного масла, творожков, каши», 2 июня 1920 года Мергарт уехал в Минусинский уезд для проведения раскопок[496] «дорогих …сердцу стоянок»[497]. В своем отчете о деятельности отдела Доисторической археологии за 1920 год Мергарт определял результаты поездки в Минусинский уезд как давшие «преобладающее количество материалов»[498]. В этом же году состоялась экспедиция А.А. Савельева в

[495] Вдовин А.С., Макаров Н.П. Археологические исследования музея Приенисейского края в 1920 году (к столетию создания археологического отдела) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 1 (29). С. 92–106.
[496] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. Л. 2об.
[497] Архив г. Минусинска. Фонд 100. Оп. 2. Д. 6. ЛЛ. 2, 3 (рукописный оригинал письма на немецком языке)
[498] Вдовин А.С., Макаров Н.П. Археологические исследования музея Приенисейского края в 1920 году (к столетию создания археологического отдела) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 1 (29). С. 99.

Чулымский и Кетский районы губернии, где были проведены этнографические исследования и собран материал среди русского и инородческого населения[499].

В 1921 году музейным сообществом впервые в истории русской географической науки было проведено исследование бассейна р. Хатанги. В экспедиции, прошедшей под руководством А.Я. Тугаринова[500], участвовал «командированный» Музеем М.А. Дмитриев. Результатом экспедиции в Туруханский край стало пополнение отдела Русского быта в прошлом и настоящем 86 пред. быта русского населения. А.А. Савельевым была совершена экспедиция на р. Ангару, привезенная этнографическая коллекция состояла из 112 пред. В отчете Музея «небольшое число» поступивших предметов объяснялось «тяжелым экономическим кризисом»[501]. Так, «довольно значительный по тем временам размах» научных экспедиций следует отметить не только в Томской губернии[502].

В последующий период отмечается интенсификация экспедиционной деятельности музейного сообщества.

В 1923–1924 гг. А.Н. Соболев, А.Н. Широкова и М.А. Дмитриев провели геологическую съемку берегов р. Енисея по маршруту Минусинск–Красноярск, попутно были обследованы и собраны 3 погребения из размытого рекой кургана. А.Я. Тугариновым, Е.Л. Юдиной, В.Н. Башмаковым[503] по р. Мане по маршруту с. Нарва–Красноярск были обследованы природа и фауна Баджейских пещер. С той же целью позже ими были исследованы места обитания доисторического человека в Карауленских пещерах, где была собрана коллекция костяных предметов и керамики; затем – окрестности Красноярска, пополнившие фонды Музея коллекцией костей млекопитающих[504].

В 1924–1925 гг. на выделенные Главнаукой и красноярским отделом РГО средства А.Я. Тугаринов, Е.Л. Юдина, А.В. Кудрявцева совершили

[499] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. Л. 2об.
[500] Тугаринов А.Я. Предварительный отчет экспедиции на р. Подкаменную Тунгуску (Катангу) // Известия Красноярского отдела Русского Географического Общества. 1924. Т.3. Вып. 2. С. 1–31.
[501] КККМ. Оп. 01. Д. 358. ЛЛ. 46–47, 49, 76.
[502] Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (Конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1965. С. 248.
[503] Приложение 1 – Широкова Агния Николаевна, с. 262; Башмаков Виктор Николаевич, с. 254.
[504] КККМ. Оп. 01. Д. 361. Л. 3.

этнографическую экспедицию в Канский уезд. С целью сбора естественно-исторических и археологических коллекций в окрестностях города были обследованы еще не известные на тот момент стоянки раннего неолита. На юге уезда они исследовали обычаи и быт исчезающих народностей камасинцев и коттов. «Пользуясь очередным отпуском», в сборе сведений приняла участие М.Д. Соловьева, составившая, кроме того, небольшой гербарий. Л.Е. Юдина совершила поездку в Минусинский уезд и в с. Балахта записала частушки, песни. А.Л. Яворский пополнил коллекции зоологического и ботанического отделов материалами, собранными в заповеднике Столбы. М.В. Красноженова совершила ряд поездок по деревням Красноярского округа с целью наблюдения над бытом сельского населения и сделала записи по фольклору и народной медицине[505]. М.И. Пальмин провел обследование одной из крестьянских «усадьб» и собрал материалы по огородничеству. Обследование дикорастущих кормовых трав в окрестностях города произвела Г.П. Миклашевская и собрала гербарный материал для отдела сельского-хозяйства, развитие которого органы местной власти продолжали считали приоритетным. В составе зоологического отряда Комиссии СНХ СССР по научному исследованию Монгольской и Тувинской республик А.Я. Тугаринов принял участие в экспедиции в Монголию; А.Н. Соболев – геологического комитета в Минусинский уезд[506]. Таким образом, активизировавшаяся экспедиционная деятельность музейного сообщества продолжала оставаться одним из важнейших источников развития музейного пространства в первой половине 1920-х гг.

На протяжении всего рассматриваемого периода другим значимым аспектом профессиональной деятельности музейного сообщества и, по определению Е.Ф. Синельниковой, «привычной» «коллективной» формой работы[507] продолжали оставаться Коллегии Государственного музея Приенисейского края.

[505] КККМ. Оп. 01. Д. 363. ЛЛ. 5об.–6; ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 296. ЛЛ. 149–159.
[506] ГАКК. ФР-795. Оп. 1. Д. 29. Л. 8; ФР-1380. Оп. 1. Д. 45. Л. 3об.
[507] Синельникова Е.Ф. Конструируя советскую науку: научные общества в 1920-е годы // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург, 2018. С. 458–459.

Председателем коллегии был А.Я. Тугаринов, заместителем В.А. Смирнов. Правом решающего голоса пользовались все сотрудники Музея.

Коллегия осуществляла свою работу в форме заседаний, позволявших заслушивать доклады членов музейного сообщества, обсуждать проблемы рабочих будней, принимать решения об основных направлениях работы. Днями проведения заседаний коллегий были понедельники. В летнее время, когда большинство сотрудников разъезжалось в экспедиции, заседания проходили по мере необходимости. Так, например, на одном из них, состоявшемся в январе 1921 года, обсуждался вопрос об организации исследовательской работы летом. Темой обсуждения стала возможность объединения различных специалистов на одном совершенно не затронутом обследованиями районе или предоставление каждому из сотрудников возможности работать в различных районах, «не изученных в области его специальности, но освещенных в других отношениях». После обсуждения было принято решение об объединении сил на «по возможности всестороннем исследовании еще совершенно не изученных районов». Всего за 1921 год было проведено 39 заседаний. На них было рассмотрено: вопросов организационного характера – 30, о личном составе и распределении работ – 53, устройстве экспедиций и экскурсий – 18, информационного характера – 11, о приобретении предметов и коллекций – 27, устройстве выставки – 6, о пайке – 4, хозяйственных и др. – 25.

Помимо обсуждений вопросов, связанных с текущей работой, заседания Коллегии продолжали оставаться важной коммуникативной площадкой обмена научной информацией. Участие в заседаниях «сторонних Коллегии лиц» также свидетельствует о сохранении и расширении устойчивых социальных связей с научной общественностью города. Так, только за 1921 год было проведено 17 заседаний, где прозвучало 20 докладов, из них сотрудниками Музея были подготовлены только 14. В 1923 году было проведено 17 заседаний, в 1924–1925 гг. – 14 заседаний коллегии, в 1925–1926 гг. – 21 заседание Коллегии Музея[508].

[508] КККМ. Оп. 01. Д. 358. ЛЛ. 4, 6; Д. 360. Л. 8; Д. 363. ЛЛ.6–7; Д. 364. ЛЛ. 8об.–9.

Кроме того, сотрудники Государственного музея Приенисейского края регулярно выступали со своими докладами на общих собраниях Красноярского отдела РГО. А.Я. Тугаринов рассказал о деятельности РГО по изучению Сибири, о «Катанской экспедиции» и истории изучения Приенисейского края. И.В. Тюшняков выступил с докладом «Памяти С.Д. Майнагашева», В.А. Смирнов – «Енисейский край в XVIII в. по Гмелину». А.А. Савельев («Поездка на р. Кеть в 1920 г.») и А.Н. Соболев («В краю юраков летом 1921 года») рассказали об итогах своей экспедиционной деятельности[509]. Перечень тем научных докладов сотрудников Государственного музея Приенисейского края в первой половине 1920-х гг. представлен в Приложении 2 (Таблица 6) и свидетельствует о том, насколько интересной была работа Коллегии, о широте научно-исследовательских интересов музейного сообщества и регулярном участии отдельных представителей городского социума в профессиональной деятельности сообщества.

Другим важным свидетельством широты исследовательских интересов и высочайшего профессионального уровня музейного сообщества являются научные публикации.

С момента восстановления Советской власти, членами музейного сообщества не раз высказывались пожелания об издании «хотя бы самого скромного органа или отчетов», однако, осуществить их удалось только лишь в конце 1921 года. В «Казанский музейный вестник» была принята статья А.Я. Тугаринова «Музей Приенисейского края и его организация», ставшая результатом коллективной мысли сотрудников Музея и первым опытом детальной разработки плана советского краеведческого музея. В публикации музей рассматривался фактором «научного познания» и популяризатором научных знаний вообще и о характеризуемом крае в частности, который мог «дать возможность участвовать в этой работе каждому к ней подготовленному»[510].

---

[509] Работа на местах // Сибирская живая старина. 1924. Вып. II. С. 155.

[510] Тугаринов А.Я. Музей Приенисейского края и его организация // Казанский музейный вестник. №1. 1922. С. 77–121.

В 1923 году в I томе III выпуска «Известий Красноярского отдела Русского Географического Общества» были напечатаны работа Геро фон Мергарта «Результаты археологических исследований в Приенисейском крае»[511] и очерк В.А. Смирнова «Краткий обзор истории Красноярска за 300 лет»[512], подготовка которого была начата еще в 1920 году.

В 1924 году в III томе II выпуска «Известий Красноярского отдела Русского Географического Общества» были напечатаны «Предварительный отчет экспедиции на р. Подкаменную Тунгуску (Катангу)» А.Я. Тугаринова[513], состоявшейся в 1921 г.; «Палеонтологические заметки» А.Н. Соболева[514]; статья Г.П. Миклашевской «Betula microphylla в Урянхайском крае»[515]. В №3 журнала «Краеведение» была опубликована статья А.Я. Тугаринова «Современность и пути краеведческой работы»[516], ставшая одной из самых цитируемых. Так, например, на данную работу ссылаются краеведы А.И. Дзенс-Литовский в публикации «На новых путях краеведной работы», Н.Н. Павлов-Сильванский – «Краеведение как социальное явление, его сущность, задачи и организационные формы»[517]. Во II выпуске журнала «Сибирская живая старина» была напечатана статья М.В. Красноженовой «Взятие Снежного городка в Енисейской губернии», содержащая не только богатый этнографический материал, но и акцентировавшая необходимость сохранения уникального культурного наследия региона[518].

---

[511] Мергарт. Г. Д-р. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Известия Красноярского отдела Русского Географического Общества. 1923. Т. 3. Вып. 1. С. 29–37.
[512] Смирнов В.А. Краткий обзор истории Красноярска за 300 лет // Известия Красноярского отдела Русского Географического Общества. 1923. Т. 3. Вып. 1. С. 37–51.
[513] Тугаринов А.Я. Предварительный отчет экспедиции на р. Подкаменную Тунгуску (Катангу) // Известия Красноярского отдела Русского Географического Общества. 1924. Т. 3. Вып. 2. С. 1–31.
[514] Соболев А.Н. Палеонтологические заметки // Известия Красноярского отдела Русского Географического Общества. 1924. Т. 3. Вып. 2. С. 32–36.
[515] Миклашевская Г.П. Betula microphylla в Урянхайском крае // Известия Красноярского отдела Русского Географического Общества. 1924. Т. 3. Вып. 2. С. 37–38.
[516] Тугаринов А.Я. Современность и пути краеведческой работы // Краеведение. 1924. № 3.
[517] Дзенс-Литовский А.И. На новых путях краеведной работы (проблема производственного краеведения) // На новых путях краеведной работы. Л.: Культурно-просветительное товарищество «Образование», 1926. С. 12; Павлов-Сильванский Н.Н. Краеведение, как социальное явление, его сущность, задачи и организационные формы // Там же. С. 20.
[518] Красноженова М.В. Взятие «снежного городка» в Енисейской губернии // Сибирская живая старина. 1924. Вып. II. С. 21–40.

Публикация вызвала живейший отклик у сибирской научной общественности. Так, Г.П. Сосновский «поздравлял» Марию Васильевну «с появлением на свет Снежного городка», торопил «редакцию Сиб. жив. старины, чтобы она скорее заказывала обложку и выслала … оттиск»[519]. Со «взятием» Снежного городка чествовал Г.С. Виноградов, именуя автора «Ваше бессмертие (читай: честь напечатания в Сиб. Жив. Стар.)»[520].

В 1925 году на взятые взаймы средства была напечатана работа Г.П. Миклашевской «Схема летних экскурсий в природу» (8 стр., 300 экз.), средства планировалось вернуть от продажи изданий[521]. Н.К. Ауэрбах в соавторстве с Г.П. Сосновским опубликовали «Краткую программу для сбора сведений по доисторической археологии»[522].

В 1926 году было опубликовано «Геологическое описание экскурсии от Площади Просвещения до Часовенной горы» А.Н. Соболева, снабженное иллюстративным материалом (2 рис.), в количестве 300 экз.[523] В работе «Столбы – государственный заповедник в окрестностях Красноярска» А.Н. Соболев и А.Л. Яворский не только составили подробный географический очерк и рассмотрели историю Столбов и столбизма в досоветский период, но и привлекли внимание к необходимости сохранения уникального природного наследия Енисейской губернии[524]. Значимость представляют исследования В.А. Смирнова «Введение в изучение Приенисейского края», «Исторический очерк Приенисейского края», в которых указывалось, в том числе, на роль обычных жителей провинции в создании музеев «местного края»[525]. Таким образом,

---

[519] КККМ. ОФ13049/36. Письмо Г.П. Сосновского из Иркутска от 11 февраля 1924 г. (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

[520] КККМ. ОФ 13138/8. Д. 11246. Письмо Г.С. Виноградова из Иркутска от 12 февраля 1924 г. (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

[521] КККМ. Оп. 01. Д. 364. Л. 8.

[522] Сосновский Г.П., Ауэрбах Н.К. Краткая программа для сбора сведений по доисторической археологии. Красноярск. 1925.

[523] Соболев А.Н. Геологическая экскурсия от площ. Просвещения к часовне. Красноярск: Тип. Изолятора спец. Назначения. 1926.

[524] Яворский А.Л., Соболев А.Н. Столбы – государственный заповедник в окрестностях Красноярска. Красноярск: издание госзаповедника «Столбы». 1925.

[525] Смирнов В.А. Введение в изучение Приенисейского края. Библиотека Приенисейского краеведа. № 1. Красноярск: Гос. Типо-Литография. 1926; Смирнов В.А. Исторический очерк

публикации сотрудников Музея в первой половине 1920-х гг. можно рассматривать как внесшие свой вклад в формирование научного нарратива истории сибирских профессиональных, в том числе, музейных сообществ.

В первой половине 1920-х гг. сотрудники Государственного музея Приенисейского края приняли участие в ряде деловых публичных мероприятий регионального и общесоюзного уровней.

В работе I Всероссийской конференции научных обществ и учреждений по изучению местного края, организованной по инициативе Академического центра Народного комиссариата просвещения РСФСР и прошедшей 10–20 декабря 1921 года в Москве[526], от научной общественности Енисейской губернии принял участие А.Я. Тугаринов, выступивший с докладом «Современность и пути краеведческой работы» и отметивший важность комплексной научно-исследовательской работы: «настало время, когда … можно и должно проводить многие краеведческие начинания не на началах благотворительности и доброжелательства, а как плановые мероприятия, полезные и нужные как для государства, так и для нового общества»[527].

Другим важным событием профессиональной деятельности представителей музейного сообщества является поездка в августе–сентябре 1923 года в Москву для участия в I Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, на которой Государственный музей Приенисейского края представлял всю Сибирь. По словам А.Я. Тугаринова, участие в выставке было одним из «главнейших моментов в жизни Музея в истекшем году». От музейного сообщества в выставке приняли участие 6 чел.[528] Одной из них была исполнявшая обязанности заведующего сельского-хозяйственным отделом М.Д. Соловьева,

---

Приенисейского края. Часть I. Край до русских, русское завоевание, хозяйство и быт в 17 и 18 веках. Красноярск. 1926.

[526] Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края: Созываемой Акад. центром Наркомпроса в Москве 10–20 дек. 1921 г. № 4. М.: [б/и], 1921; Козлов В.Ф. Первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края (1921) и ее роль в организации краеведческого движения. М.: РГГУ, 2012. С. 10–19.

[527] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 32. Л. 31; Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея. Век подвижничества. Красноярск: Кн. из-во. 1989. С. 37.

[528] КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 1.

подробно отразившая на страницах своего путевого дневника факты «из жизни командированных 1920-х гг.»[529] и впечатления от музеев городов, находившихся на пути следования поезда с делегатами от Сибири[530].

По дороге в Москву представители музейного сообщества посетили музей Тюмени, и оказались свидетелем того, что с 1920 года ситуация в музее не изменилась – для посещения был открыт «только зоологич. отдел. Остальные, … в упакованном виде в кладовых. Нет средств, нет помещения. Штат из 2х лиц, работы нет, только хранение. Существует на взимаемую с публики плату, которая настолько ничтожна, что даже не всегда позволяет пользоваться услугами поломойки. В течение месяца посещаемость выражается в 200 челов., платных и столь же безплатных т.е. учащихся и экскурсий. Помещение не отапливается, коллекции гибнут от моли и сырости»[531].

В параграфе 1.3. настоящей диссертационной работы уже были отмечены негативные аспекты профессиональной деятельности сотрудников из-за размещения коллекций музеев в разных зданиях. В связи с опытом посещения членами красноярской делегации музея Вятки, «разбросанного по разным зданиям», необходимо отметить неудобство такого размещения для посетителей. Красноярцы смогли посетить только зоологический и ботанический отделы, в которых ими были обнаружены лишь «небольшая коллекция птиц, по энтомологии, образцы семян и срезы деревьев. Модели сел.-хоз. машин, …модель американской корчевальной машины». Этнографический отдел, располагавшийся в другом здании, найти не удалось[532].

Необходимо отметить тот же профессиональный подход при изучении и описании экспозиций московских музеев. Эмоциональна запись, посвященная осмотру Толстовского музея: «… Вся жизнь, вплоть до смерти, проходит перед глазами – со всеми подробностями, обстановкой и даже окружающей средой…»

---

[529] Подробно рассмотрены автором настоящей диссертационной работы в: Бершадская С.В. Путешествие из Красноярска в Москву в 1923 году // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 3. С. 71–78.
[530] КККМ. ОФ 12216/1. (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)
[531] Там же. Запись от 25/VIII.
[532] Там же. Запись от 28/VIII.

Однако, помимо оценки построения экспозиции Марфа Дмитриевна не забывает и о своей малой родине и мечтает «устроить» в Красноярске «подобный музей Сурикова». Положительные эмоции, как от встречи с добрым знакомым, звучат при описании посещения Исторического музея, в котором М.Д. Соловьева увидела «коллекции … Савенкова из раскопок в Минусинском уезде»[533].

Однако, прежде всего, путевой дневник М.Д. Соловьевой содержит уникальные подробности проведения выставки, ставшей первым международным деловым публичным мероприятием в СССР. О значимости выставки для страны, пытавшейся преодолеть «разруху», сотрудница сибирского музея писала: «… не ударила Россиюшка лицом в грязь, утерла нос иностранщине, знай, дескать, наших! Пять лет раздирали, ломали, а наладить сумели в шесть месяцев. Россия как была, так и будет самой могущественной, самой богатой страной, ибо пролетариат показал, как он может работать…»[534].

Определенный когнитивный диссонанс у представительницы сибирского музейного сообщества вызвало наличие на выставке «уголка Ленина», в котором была выставлена «монументальная фигура Ленина, под красную бронзу», «масса фотографий, иллюстрирующих разные моменты жизни Ильича». Обращает на себя внимание термин, которым беспартийная сотрудница красноярского музея называет экспонаты «уголка», – «всего, относящегося к *культу Ленина*» (курсив мой – С.В. Бершадская).

В организации экспонатов сибирского павильона на выставке необходимо отметить определенную преемственность традиций. В 1923 году погружение посетителей в мир народов, проживавших на территории Сибири, также происходило через реконструкцию сцен повседневной жизни ее коренных жителей – у входа в павильон была сооружена инсталляция, где в новый период «публику» развлекал «Васька-остяк, катая желающих на лодке по луже, находящейся вблизи его чума»[535].

---

[533] КККМ. ОФ 12216/1. (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены). Запись от 6/IX.
[534] Там же. Запись от 10/IX.
[535] Там же.

В 1924 году в Красноярске по инициативе музейного сообщества было проведено Губернское совещание по краеведению (16–20 ноября) – одно из первых на территории Сибири[536]. В воскресенье 16 ноября в 12 часов дня в большом зале Дворца Рабочей молодежи состоялось открытие конференции. Со вступительным словом «Задачи и организация краеведной работы» выступил А.Я. Тугаринов. В рамках работы конференции в этот же день в Государственном музее Приенисейского края была открыта выставка «Естественные и производительные силы Енисейской губернии». В последующие дни работы конференции с докладами выступали А.Я. Тугаринов – «Очередные задачи изучения фауны и растительного покрова нашего края» и «Задачи местной этнографии»[537], А.Н. Соболев – «Местные краеведческие организации и их состояние», В.А. Смирнов – «Вопросы изучения нашего прошлого». По окончанию работы, А.Я. Тугаринов был избран представителем от губернии для участия 12–14 декабря 1924 года во II Всесоюзной конференции научных обществ и учреждений по изучению местного края в Москве[538].

В период с 15 по 21 декабря 1926 года представители музейного сообщества участвовали в I Сибирском краевом научно-исследовательском съезде, который прошел в Новосибирске. Работа съезда проходила по пяти «секциям» – недр, поверхности, связи, человека и музейно-архивная. В музейно-архивной секции с докладом «Выставки естественно-производительных сил» выступил А.Н. Соболев, о «Доисторических богатствах Сибири, их охране и изучении» рассказал Н.К. Ауэрбах. В докладах было привлечено внимание к необходимости «популяризации знаний о крае среди широких масс» и признано «совершенно необходимым в первую очередь» принять меры к охране этих памятников. Выступая в секции недра А.Л. Яворский в докладе «Заповедники нашего края»

---

[536] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 32. ЛЛ. 28, 11; Краеведческие съезды и конференции в Сибири; Сегодня открывается первое губернское краеведческое совещание. // Северная Азия. 1925. Кн. 1–2. С. 6.

[537] Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея. Век подвижничества. Красноярск: Кн. из-во. 1989. С. 39.

[538] ГАКК. ФР-795. Оп. 1. Д. 29. ЛЛ. 10–11; Дзенс-Литовский А.И. На новых путях краеведной работы // На новых путях краеведной работы. Л.: Культурно-просветительное товарищество «Образование», 1926. С. 7.

поднял вопрос об охране памятников природы «в связи с предстоящей индустриализацией и колонизацией Сибири»[539]. По окончанию съезда состоялось общее собрание Общества по изучению производительных сил Сибири, на котором были проведены выборы нового совета общества, ученым секретарем общества был выбран Н.К. Ауэрбах[540]. Итак, став в первой половине 1920-х гг. явлением «повседневной краеведческой работы» – конференции, съезды и выставки – рассматривались сибирской научной общественностью как «лучшая» форма «учета сил и взаимного согласования», особенно в условиях «больших расстояний между сибирскими культурными центрами и малой связанности культурных работников Сибири»[541]. Таким образом, участие музейного сообщества в деловых публичных мероприятиях возможно рассматривать как важный аспект его позиционирования в российской научной среде.

Однако, важнейшим социально-значимым направлением профессиональной деятельности музейного сообщества губернского Красноярска в первой половине 1920-х гг. продолжало оставаться проведение выставочно-экскурсионных мероприятий. Как совершенно справедливо отмечал А.Я. Тугаринов: «Вне публичного функционирования, по самой природе своей, Музей существовать не может, замыкаясь лишь на свою внутреннюю работу, как бы значительна она не была, он выполняет лишь часть своих функций»[542].

На одном из первых заседаний ЕнгубОНО, состоявшемся еще в январе 1920 года, отмечалось, что «осуществляя свою программу, Губотнаробраз, как часть Наркомпроса», открыл «целый ряд учреждений по разным отраслям народного просвещения частью знакомых старому обществу, а большей частью заново создаваемых советской властью»[543]. В отношении музеев Енисейской губернии точнее было бы сказать «знакомых для части общества», и в этом

---

[539] I Сибирский краевой научно-исследовательский съезд // Просвещение Сибири. 1927. № 1. С. 85.
[540] Общество по изучению производительных сил Сибири // Там же. С. 100.
[541] Краеведческая работа в Сибири. // Северная Азия. 1925. Кн. 1–2. С. 141; Орлова Е. Общество по изучению производительных сил Сибири // Сибирские огни. 1926. №3. С. 233.
[542] ККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 42 об.
[543] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.

контексте возобновление традиции музейного досуга можно рассматривать как один из аспектов нормализации повседневной жизни этой части горожан. Рассматриваемый период стал временем приобщения другой, большей части, жителей к такому способу проведения свободного времени.

В 1920 году в двух комнатах, оставшихся в распоряжении сотрудников Государственного музея Приенисейского края, экскурсии проводились по ботаническому, зоологическому, археологическому отделам и отделу искусств, организовывались выставки «на отдельные темы». Так, только за сентябрь горожане посетили пять выставок[544]. В своих воспоминаниях Мергарт отмечал насколько массовыми были эти экскурсии, упоминал сельских школьников, красноармейцев, коммунистов и других «любопытствующих», которые «*толпились*» (курсив мой – С.В. Бершадская) среди витрин и шкафов и терпеливо выслушивали пояснения: «Среди них были всерьез интересовавшиеся, множество равнодушных и даже те, кто настолько успешно освободился от предосудительной веры в авторитеты, что, противореча понятным разъяснениям, настаивал на том, что это все обман, а он не настолько туп, чтобы верить в это». Только ссылаясь на возможность повреждения экспонатов, сотрудникам Музея «удавалось *сдерживать этот поток экскурсий* (курсив мой – С.В. Бершадская), не попадая при этом под опасное подозрение в “саботаже”». Таким образом, реакция со стороны посетителей на увиденное в Музее была неоднозначной. Тем не менее, отчетливый интерес горожан стал немаловажным стимулом к попытке организовать выставку «по археологии и русскому быту». Идея организации принадлежала Мергарту. Однако, условия 1920 года не позволили реализовать планы. «Я хотел устроить выставку доисторических древностей и наивно полагал, что уж дюжина пригодных “национализированных” витрин из помещений магазинов должна была найтись – вспоминал позже Мергарт. – Завхоз не смог обнаружить таковых. Коммунальное ведомство ничего не знало об их местонахождении. – Впрочем, спросите в управлении народного хозяйства. Мы рысью побежали туда. – Витрины, да, да, это есть, идите на улицу Х к товарищу

[544] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. ЛЛ. 31об., 37; Д. 40. Л. 2об.; КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 4об.

Y…»[545]. Практически аналогичную картину описывал и А.Я. Тугаринов: «Хлопоты для получения какого-нибудь фунта гвоздей, несколько штук досок и т.д. требовали недель времени и нередко заканчивались отказами…»[546].

Летом 1921 года музейное сообщество прияло участие в выставке, организованной ЕнгубОНО, ставшей дополнительной возможностью расширения социальных контактов с городским социумом. Около экспонатов дежурили члены Коллегии и давали нужные объяснения посетителям, знакомя их с серией «оригинальных картин по местной истории и быту», популярных таблиц по доисторической археологии, плакатами и «др. изобразительными материалами», рассказывали о работе Государственного Музея Приенисейского края и составе его коллекций[547].

Таким образом, несмотря на то, что «с наступлением всесторонней либерализации … резко возросли возможности культурного выбора»[548], популярность музейного досуга среди жителей Енисейской губернии продолжала расти. Исследователи отмечают всплеск интереса сибиряков к посещению музеев. Так, Е.И. Красильникова приводит цифру в 1 138 посетителей в первые две недели после открытия 14 марта 1920 года Барнаульского краеведческого музея. Однако, автор объясняет интерес горожан больше связью музея с учебным процессом и просвещением, чем с культурным досугом, и отмечает значительное понижение посещаемости музея в более поздний период[549].

«Публичное функционирование» Государственного музея Приенисейского края начинается с ноября 1922 года открытием отвечавшей требованию момента[550] выставки «История революционного движения в Енисейской Губернии» и

---

[545] Детлова Е.В., Кузьминых С.В. Геро фон Мергарт и его "Воспоминания о советской России". С. 85, 90.
[546] КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 5.
[547] КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 7.
[548] Максютин Н.Ф. Очерки истории досуга. Казань: Медицина, 2003. С. 182.
[549] Красильникова Е.И. Проблемы построения исторической экспозиции барнаульского краеведческого музея в 20-е гг. XX в. 2012. С. 241–242.
[550] Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 96; Малышева С.Ю. «Советский лубок» и «праздничный пряник»: властные стратегии культурной адаптации раннесоветских праздников // Клио. 2013. № 4(76). С. 91–95.

познакомившей горожан, как объясняла газета «Красноярский рабочий»: «…с историей его (революционного движения – С.В. Бершадская) развития …с 1905 года на материалах газет, листовок, прокламаций, брошюр, фотографий и т.д.»[551]

Оценка популярности музеев революции для посетителей в трудах советских и современных исследователей прямо противоположна. А.Б. Закс отмечала интерес посетителей к столичному музею[552]. Ю.Г. Салова указывает на их низкую посещаемость и связывает ее не только с неудобным расположением, но и отчасти с нежеланием сотрудников местных краеведческих музеев заниматься организацией подобного рода деятельности[553]. Отмечая создание в 1922 году «недолго просуществовавшего» отдела, посвященного революции и Гражданской войне, в Омском краеведческом музее, Е.И. Красильникова видит причину в ориентированности музея на естественные науки и традиционную дореволюционную этнографию[554]. Однако, возможно также предположить, что такая непопулярность могла быть связана и с тем, что, как и любое новое дело, музеи и/или отделы, посвященные Революции и Гражданской войне, в момент организации оказывались менее интересными из-за скудности коллекций, предлагая посетителям, как писал в своем дневнике тринадцатилетний днепропетровский школьник, «картины рев. вождей» и чтение журналов[555]. В этом контексте информация в «Красноярском рабочем» «о необходимости предварительного соглашения на проведения групповых экскурсий ввиду тесноты помещения»[556] свидетельствует об интересе горожан к выставке «История революционного движения в Енисейской Губернии». Несмотря на то, что выставка была открыта только по воскресеньям, ее посетителями стали 796 чел., из них

---

[551] КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 2; Выставка истпарта // Красноярский рабочий. 1922. № 258. С. 2.
[552] Закс А.Б. Из истории Государственного музея Революции СССР (1924 – 1934 гг.). // Очерки истории музейного дела в России. Вып. V. М.: Министерство культуры РСФРС, 1963. С. 27.
[553] Салова Ю.Г. Провинциальные музеи революции в 1920-е гг.: проекты и практика // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 76–85.
[554] Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 95–96.
[555] Дневник Стародубова Анатолия Федоровича – днепропетровского школьника. 13 лет. Запись от 7 мая 1923 года. URL: http://prozhito.org/notes?date=%221923-01-01%22&diaries=%5B321%5D
[556] Музей Приенисейского края. Музей Приенисейского края // Красноярский рабочий. 1923. № 288. С. 4.

233 взрослых и 393 детей[557]. Более того, заинтересованность горожан можно рассматривать как подтверждение того, что несмотря на серьезные экономические трудности красноярцы, тем не менее, воспринимали посещение музея как один из способов проведения свободного времени.

Выставку «по археологии и русскому быту», задуманную еще в 1920 году, сотрудникам Государственного музея Приенисейского края удалось организовать только в 1923 году, и она оказалась более популярна среди детей, чем среди взрослых жителей города. Общее число посетителей выставки, экспонаты которой были размещены в двух комнатах, составило 1 902 чел.[558]

В архиве музея сохранился отзыв школьников, побывавших на экскурсии 13 мая 1923 года[559]. Отзыв написан в тетради, на семи листах и сопровождается рисунками. Судя по наличию в тексте грамматических ошибок вряд ли в его создании принимали участие учителя. Текст отзыва свидетельствует не только о положительных эмоциях детей, но и том когнитивном влиянии, которое она оказала, и позволяет реконструировать отдельные детали (второй) школьной экскурсии и самой выставки: «Мы, т.е. экскурсанты, собрались в 9 часов, а в половине (10) десятого вышли из школы. Подойдя к музею мы отдохнули на его крыльце…» Дети обратили внимание на «камни памятники и на пушку», расположенные у входа в здание музея. «Пушка эта отлита еще в 17 веке где-то то за границей и предназначалась для Сибири (на ней есть надпись “Siberia”). Камней всего три, один изображает лицо человека с тремя глазами на левой стороне его письмена, другой исписан письменами эти такие же письмена-руны находятся и в других местах, напр. по р. Бирюсе, впадающей в Енисей. Раньше думали, что каждый знак обозначает отдельный предмет, отдельное понятие или даже фразу но профессора Томпсон (датский) и Радлов (руский) открыли, что каждый знак соответствует здесь как и у нас одной букве …». После того как школьники, заслушав пояснения экскурсовода, «наконец» вошли в Музей, начался осмотр

[557] КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 4 об.
[558] КККМ. Оп. 01. Д. 361. Л. 1.
[559] КККМ. Оп. 01. Д. 376. ЛЛ. 1–7 (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

«теперешнего животного населения Енисейской губернии в отделе из зверей…». О том, насколько экспонаты отдела произвели впечатление на школьников можно заключить также и на основании рисунка 1, сопровождающего отзыв. Кроме того, в своем отзыве дети отмечают «блестящие» результаты экскурсии, связанные с появлением «сразу» представления «о жизни людей и животных теперешней и тогдашней…».

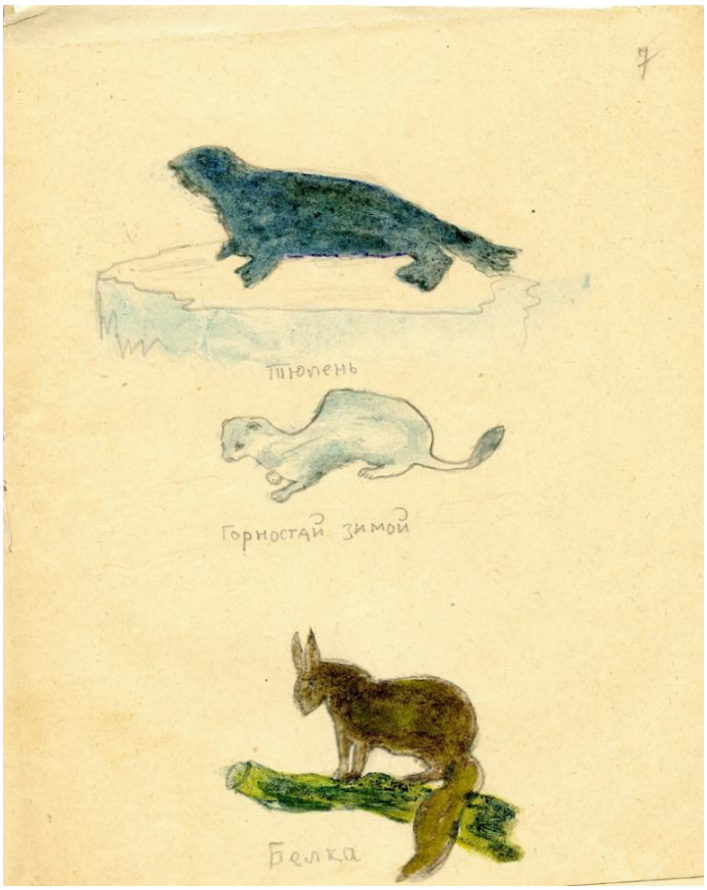

Рисунок 1. Экспонаты музея, изображенные в отзыве школьников, побывавших на экскурсии 13 мая 1923 года[560]

Таким образом, необходимо отметить, профессиональный уровень выставки, свидетельством которого является содержание отзыва – значительный объем фактологической информации, который школьники запомнили и смогли отразить на страницах своего отзыва. Такое качество организации выставки составляет контраст с отзывами посетителей Омского музея, испытывавших разочарование от экскурсий из-за краткости «изложения материала “без объяснений”»[561].

[560] КККМ. Оп. 01. Д. 376. Л. 7.
[561] Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 95.

В период с 1 октября 1923 года по 1 октября 1924 года Государственный музей Приенисейского края был открыт для посетителей только 9 месяцев (кроме летних). Посещаемость составила 9 699 чел., в основном в составе школьных экскурсий (76%), однако, значительно увеличилось количество посетителей из уездов губернии. Таким образом, ежедневная посещаемость Музея составила примерно 50 чел. Плата за посещение составляла 2,5 коп. золотом с красноармейцев, учащихся и детей, и 5 коп. – для взрослых посетителей. Однако, в случае поступления заявления от посетителя об отсутствии денег – сотрудники Музея открывали «безплатный доступ для обозрения». Доход Музея составил 175 350 руб. 37 коп.[562] В табл. 1 представлена посещаемость выставок музея в 1923 году.

Выставка	Индивидуальные посетители					Экс-кур-сии	Общее количество посетителей		
	мужчины	женщины	дети	учащиеся	красноармейцы		взрослых	и детей учащихся	Всего
История революционного движения в Енисейской губернии	101	38	11	15	4	21	233	393	795
Археологии и русского быта	225	85	105	55	23	53	203	1206	1902
Всего	326	123	116	70	27	74	436	1599	2697

Таблица 1 – Посещаемость выставок Государственного музея Приенисейского края в 1923 году[563]

В 1924 году сотрудники Государственного музея Приенисейского края организовали также две выставки – годовую отчетную выставку «Производительные силы Приенисейского края» и «Естественные производительные силы Енисейской губернии», открытие которой было приурочено к началу работы совещания по краеведению. По замыслу музейного

[562] КККМ. Оп. 01. Д. 360. ЛЛ. 2, 9; Д. 361. Л. 4.
[563] КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 4 об.

сообщества, целью выставок было дать «яркую и полную картину жизни Приенисейского края»[564].

По определению «Красноярского рабочего», в статье с примечательным заголовком «Идите на выставку! Каждый должен знать свой край», идея выставки состояла в «знакомстве» горожан с образцами «геологических изысканий». Газета описывала детали выставки: «Между ними (витринами – С.В. Бершадская) горные породы знаменитых Норильских гор, где недавно открыты платиновые залежи. Интересна витрина “Старый Красноярск”. Здесь ряд фотографий изображают картину старого города… Много есть и других интересных вещей на выставке. Между прочим – коллекция фарфора, полученная в этом году». Внимание корреспондента привлекла также «комната изящных искусств», где были «сосредоточены образцы прикладного искусства»[565].

По мнению ученика III гр. школы II ступени №4 Г. Феоктистова целью выставки была демонстрация экспонатов, приобретенных музеем в течение года. В своем отзыве школьник отмечал то, что, в современных условиях называют контактной работой с посетителями: «Во время осмотра выставки все рассказывал и объяснял сотрудник музея». Первое, с чего группа школьников начала свой осмотр, «была коллекция пород собранная музейными работниками…». Далее экскурсанты переходили к витринам с размещенными в них экспонатами, найденными при раскопках в окрестностях р. Караульной: «По середине комнаты лежит ящик, в котором находятся три человеческих скелета. После об”яснения выяснилось, что скелеты эти найдены были случайно сотрудниками во время экскурсии по Енисею…». Также интерес вызвала комната, в которой была выставлена коллекция с раскопок на Афонтовой горе, дававшая посетителям выставки «понятие о жизни человека несколько десятков тысяч лет тому назад…»[566].

---

[564] КККМ. Оп. 01. Д. 363. Л. 4об.

[565] Идите на выставку! Каждый должен знать свой край // Красноярский рабочий. № 237. 1924. С. 6.

[566] КККМ. Оп. 01. Д. 388. ЛЛ. 4–6. Отзыв от 23.10.1924 г. (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

Таким образом, посетителями выставок Государственного музея Приенисейского края были самые разные люди, с разными стимулами обращения к проведению свободного времени в музее, с разными установками восприятия и требованиями к содержанию выставок и представлениями о роли и месте посещения музея в структуре свободного времени. А. Файф в своей работе, посвященной исследованию читательских предпочтений, говорит о том, что «наше понимание читателей очень ограничено, так как выяснить кто читал, что читал, когда и как, не говоря уже о том, какой опыт для себя лично читатели смогли вынести для себя, очень непросто»[567]. Выявление степени распространения того или иного интереса или мотива посещения музея также представляет определенную сложность. Кроме того, и объективное содержание выставки понятие условное, так как впечатления от выставки посетителей могут отличаться от замысла ее создателей. Однако, на основании материалов СМИ и отзывов посетителей Музея можно приди к выводу о том, что замысел музейного сообщества дать «яркую и полную картину жизни Приенисейского края» был реализован. Выставки Государственного музея Приенисейского края 1924–1925 гг. посетили 15 611 чел. Данные о количественном и качественном составе посетителей представлены в табл. 2. Значительный процент среди посетителей детей школьного возраста возможно отнести к тому, что новая школьная «комплексная программа» по экономической географии была построена с использованием материалов краеведения[568].

Состав посетителей	Количество посетителей
В составе 474 экскурсий – 9818 чел.	
Члены профсоюзов	2684 чел.
Учащиеся общеобразовательных школ	6345 чел.
Воспитанники детских домов	104 чел.
Красноармейцы	685 чел.
Индивидуальные посетители. Всего – 5793 чел.	
Крестьяне	166 чел.
Рабочие	934 чел.
Служащие	1170 чел.

[567] Fyfe A. Reading Children's Books in Late Eighteenth-Century Dissenting Families // The Historical Journal. 2000. Vol. 43. Issue 2, pp. 453–473.

[568] Пупышев В. Итоги кампании по ликвидации неграмотности за 1923–24 учебный год и дальнейшие перспективы // Сибирский педагогический журнал. 1924. № 1–2 (6–7). С. 230–233.

Красноармейцы	305 чел.
Прочие взрослые	434 чел.
Учащиеся	2202 чел.
Дети	582 чел.

Таблица 2 – Посещаемость выставок Государственного музея Приенисейского края в 1924–1925 гг.[569]

В 1925–1926 гг. сотрудники Музея организовали еще две выставки.

Первая – «Декабристы в Приенисейском крае» – была посвящена 100-летнему юбилею декабрьского восстания. В рассматриваемый период происходит актуализация образа декабристов и декабрьского восстания в общественно-политическом пространстве Сибири, проводятся торжественные мероприятий в клубах и школах в связи с юбилейной датой. Так, на выставке, организованной в Иркутском краеведческом музее, были представлены вещи П.А. Муханова, М.Н. Волконской и семьи Трубецких[570].

Выставка в Государственном музее Приенисейского края была проведена в период с 27 января 1925 года по 7 февраля 1926 года. Предполагая интерес со стороны жителей города, выставку было решено организовать в здании бывшего епархиального училища. На третьем этаже были открыты для посещения четыре зала, в которых демонстрировались материалы, посвященные восстанию и жизни декабристов в Сибири и в Красноярске. Экспозиция была подготовлена совместно с Красноярским отделом РГО и архивным бюро, предоставившим музею 74 архивных дела и печатные издания, в том числе, полное собрание законов 1825–1857 гг., С.-Петербургские сенатские ведомости (1846 г.) и документы 1826–1887 гг., рисунок, на котором было изображено кладбище в селении Туруханского края, рукописный план Енисейска и военно-дорожную карту Сибири на 4-х листах[571]. Уровень организации выставки вызывал вполне законную гордость музейного сообщества. Побывавшая на выставке XVII – XIX вв. в Историческом музее в Москве Е.Л. Юдина писала своим коллегам: «Между прочим, декабрьское

[569] КККМ. Оп. 01. Д. 363. Л. 5.
[570] Красильникова Е.И. Символические фигуры декабристов в мемориальном пространстве Иркутска (нач. XX в. – 1991 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 132–133.
[571] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 45. Л. 8; ГАКК. ФР-1675. Оп. 1. Д. 17. ЛЛ. 1–5.

восстание 1825 г. представлено очень скудно по моему. Ему отведена совсем небольшая витрина (размер маленького щита на нашей выставке)»[572]. Высокую оценку выставка получила у посетителей Государственного музея Приенисейского края музея, в том числе приехавших из самых удаленных уголков губернии[573].

В период с 7 марта по 25 апреля 1926 года музейным сообществом была организована вторая выставка и была посвящена юбилею В.И. Сурикова. Плата с посетителей не взималась. Экскурсии для школьников проводил В.А. Смирнов. Кроме того, сотрудниками Музея за год было прочитано 8 лекций о жизненном пути и творчестве великого земляка. При проведении лекций использовалась диапозитивы и материалы из фондов Музея. Лекции также проводились бесплатно. Среди слушателей были самые разные люди – школьники, студенты, рабочие, служащие, члены различных профсоюзов города. 19 марта 1926 года (в годовщину смерти художника) музейным сообществом в школах города были организованы «Часы Сурикова». Подготовила учителей к проведению классных мероприятий М.В. Красноженова[574]. Материалы о В.И. Сурикове, собранные Марией Васильевной, были настолько значительны, что А.Н. Турунов, при подготовке рукописи монографии о В.И. Сурикове, «твердо» рассчитывал на ее помощь[575]. Рассмотренные особенности профессиональной деятельности при организации выставки, посвященной В.И. Сурикову, свидетельствуют о продолжении расширения музейным сообществом «физических границ» музейного пространства. В табл. 3 представлена посещаемость выставок Государственного музея Приенисейского края в 1925–1925 гг.

Состав посетителей	Количество посетителей
В составе 111 экскурсий – 3439 чел.	
Члены профсоюзов	587 чел.
Слушатели совпартшкол	124 чел.
Военные	851 чел.
Учащиеся школ	1768 чел.
Воспитанники детских домов	109 чел.

[572] КККМ. ОФ-13020/36. Д.10907. ЛЛ.5–6 (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора сохранены)
[573] КККМ. Оп. 01. Д. 387. (рукописный оригинал.)
[574] КККМ. Оп. 01. Д. 364. ЛЛ. 4, 7, 12.
[575] КККМ. ОФ 13138/37. Д. 11275 (Письмо Турунова А.Н. к Красноженовой М.В. Рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

Учащиеся сельских школ (14 экскурсий)	307 чел.
Индивидуальные посетители – 3130 чел.	
Крестьяне	76 чел.
Рабочие	865 чел.
Служащие	759 чел.
Красноармейцы	1021 чел.
Школьники	1126 чел.
Дети	233 чел.
Прочие	469 чел.

Таблица 3 – Посещаемость выставок Государственного музея Приенисейского края в 1925–1926 гг.[576]

Посетивший в 1910 году Красноярский городской музей М.Ф. Прайс отмечал «удовлетворение бюрократических умов» от «скрупулезного» подсчета ежегодного количества посетителей музея[577]. Однако, это же «бюрократическое» пристрастие в советский период дает возможность вывода о том, что в краткие временные рамки музейное сообщество проделало огромную работу по восстановлению деятельности Музея, возвращению посетителей уже знакомых с таким способом проведения свободного времени и привлечению новых. Сравнительный анализ данных таблиц 3–5 свидетельствует о положительной динамике численности посетителей, а также о том, что к 1926 году Государственный музей Приенисейского края по числу посетителей выставок вышел на уровень 1916 года.

В первой половине 1920-х гг. увеличивается объем участия в культурной жизни Енисейской губернии Педагогического музея Красноярска.

Только за период с 16 по 30 июня 1920 года сотрудниками музея было выдано 677 книг и пособий, музей посетили 39 чел., из них 14 чел. слушателей общеобразовательных курсов. В первую половину июля увеличилось количество выданных пособий и принятых музеем «экскурсантов» – 1 433 пособия и 85 человек посетителей, из них 65 детей, с которыми сотрудники музея провели беседу «О Северном крае», и 20 слушателей общеобразовательных курсов[578]. В 1921 году было выдано уже 24 000 книг и пособий. Кроме того, в этот период все

[576] КККМ. Оп. 01. Д. 364. Л. 6 об.
[577] Price M.P. Siberia. С. 24–25.
[578] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. ЛЛ. 18, 8.

составлявшие фонды учебные материалы были сформированы по, так называемым, «уголкам». «Уголок анатомии человека» имел «человеческий скелет, разборную модель, рисунки … и т. д.»; в «Уголке живой природы» был аквариум с растениями и насекомыми. С марта по декабрь 1922 года «уголки» посетили 3 экскурсии (1 экскурсия из Эвакопункта, 2 – Четвертая ж.д. школа)[579]. В 1923 году в музее побывало 1 040 экскурсий[580]. В 1924 году в смете музея появилась статья расходов в 50 руб., на которые сотрудниками был организован «Уголок Ленина», где демонстрировались плакаты, портрет, бюст вождя, предлагалась литература, посвященная жизни В.И. Ленина. В ноябре согласно словесному распоряжению заведующего губполитпростветом была произведена передача детских книг в количестве 397 шт. Центральной детской библиотеке при Дворце молодежи[581].

В 1925–1926 гг. на основе «уголков», сотрудниками Педагогического музея были организованы тематические выставки «Наш край», «Анатомия человека», «1905 год», «Мировое хозяйство», «Биомеханические процессы в природе».

Выставку «Наш край» в первой половине 1925 года посетили 22 экскурсии – общее число экскурсантов составило 505 человек – и 872 человека посетили музей индивидуально. Самым «экскурсионным» временем оказался март, возможно, в связи с тем, что в школах губернии проходили комплекс «Наш город». Однако, выставка оказалась популярна не только среди детей школьного возраста, но и привлекла внимание «подростков, не обучавшихся в школах», а также взрослых – работников системы просвещения, красноармейцев. После перерыва на летнее «вакационное время», в музее работало уже три выставки.

Во второй половине 1925 года к выставке «Наш край» добавились выставки «Анатомия человека» и «1905 год». В период с сентября по декабрь музей посетили 506 «отдельных посетителей» и 2 305 экскурсантов в составе 71 экскурсии, в том числе группа крестьян с. Есаульского. Всего на выставках побывали 2 811 человек.

---

[579] Отчет Енисейского Губернского экономического Совещания Совету Труда и Обороны с мая по октябрь 1921 г. Красноярск. 1921. С. 253; ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 23. Л. 6об.; Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 1, 15.

[580] Рабкор А. Фатисов. В помощь школе. Богатства музея // Красноярский рабочий». 1924. № 82. С. 3.

[581] ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 12. Л. 8; Д. 17. ЛЛ. 1–6.

Для индивидуальных посетителей выставки работали по вторникам и пятницам с 16 до 20 часов, что было удобно для работающих жителей. Несмотря на то, что четверг был днем, «когда производится внутренняя работа», в музей с 11 до 15 часов приходили экскурсии для которых были «удобнее утренние часы». Для красноармейцев экскурсии проводились в их «дни отдыха»[582].

Открытая в феврале 1926 года выставка «Мировое хозяйство» была подготовлена с целью «наглядно показать разницу жизненных условий в зависимости от местности на земном шаре и вытекающую отсюда необходимость товарообмена». Выставка была рассчитана на «не закончивших свое образование» и учащихся старших классов. Несмотря на то, что из-за тесноты помещения сотрудники музея не смогли выставить все подготовленные экспонаты, выставка оказалась очень популярна. Ее посетили 65 экскурсий – «курсанты-избачи, тех. персонал, швейники, пожарники, воинские части, коллективы больниц, яслей», количество «отдельных посетителей» составило 1 240 человек. Кроме того, эта выставка также привлекла внимание сельских жителей губернии. По словам заведующей музеем, крестьяне внимательно рассматривали материалы, слушали объяснения и задавали «…много деловитых вопросов»[583].

22 ноября 1926 года была открыта выставка «Биомеханические процессы в природе», подготовленная совместно с Красноярским окружным отделом здравоохранения и школами города. Выставка была рассчитана на учащихся VI и VII групп, техникумов и курсов взрослых повышенного типа. Цель выставки состояла в «сближении» науки и жизни, «объяснении некоторых явлений окружающей жизни», например, брожения и основанных на нем производстве сыра или пива, способов сохранения продуктов питания, причин распространения заразных заболеваний и способов борьбы с ними. В дни работы выставки музей был открыт с 16 до 20 часов в рабочие дни, кроме четверга. Организованные экскурсии проводились по предварительному соглашению. За три недели работы

[582] ГАКК. ФР-796. Оп.1. Д. 18. ЛЛ. 4 об., 10об.; Д. 23. ЛЛ. 1об., 14, 14об.
[583] ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 23. ЛЛ. 4об., 5.

выставки музей посетили 800 человек[584]. Таким образом, необходимо отметить, что профессиональная направленность деятельности сотрудников Педагогического музея создавала необходимые дидактические условия для усвоения знаний, полученных жителями города и губернии в образовательном процессе.

Итак, в рассматриваемый период музеи губернского Красноярска продолжали оставаться важной составляющей культурного публичного пространства. Статистические данные о динамике развития культурно-просветительных учреждениях губернского центра в первой половине 1920-х гг. представлены в Приложении 3 Табл. 2 (Таблица 2. Сведения об учреждениях культурно-просветительного характера по Енисейской губернии в начале XX в. – первой половине 1920-х гг.) и свидетельствует о продолжившемся устойчивом развитии городского культурного пространства.

Схожая ситуация наблюдается в деятельности музеев уездных городов Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.

Так, например, несмотря на то, что музей Енисейска «за непорядком официально не открывался для граждан», только в мае 1921 года в нем побывали «группа агрономов местного земельного отдела и заместитель заведывающего Енисейск. Губ. земельным отделом, группа служащих Рупвода, группа учащихся педагогических курсов, трижды посетил …преподаватель курсов с целью определения насекомых по имеющимся в музее экземплярам», еще несколько человек пользовались для своих работ библиотекой музея[585]. В общей сложности с 1 января 1921 года по 1 января 1922 года музей посетили 154 человека[586].

Уже в период с 1 октября 1924 года по 1 октября 1925 года, несмотря на то, что в ноябре и декабре массовые посещения енисейского музея вновь пришлось сократить по традиционной причине экономии топлива, т.к. «кредиты на топливо пришли с опозданием именно в конце ноября, а также из-за отъезда заведующего в это время на краеведческий съезд», отмечается значительное увеличение

[584] Интересная выставка // Красноярский рабочий. 1926. № 296. С. 4.
[585] Архив Енисейска. ФР-25. Оп. 1. Д. 22. Л. 46.
[586] ЕКМ. Отчет Енисейского музея за 1921 г. Л. 1.

численности посетителей. В музее побывали 2 548 человек – из них 1 039 взрослых и 1 509 детей. Библиотекой и архивом музея пользовались 15 человек: из них взрослых – 9, учащихся – 6. Кроме того, в стенах музея жители Енисейска прослушали 4 лекции «на различные краеведческие темы», читались специальные лекции для учителей школ «на самокурсах и в методико-педагогическом кружке». По сравнению с предыдущим периодом не только возросло число экскурсий, но и сами экскурсии приняли более систематический характер и нередко организовывались по инициативе самих жителей города. На 19 экскурсиях побывали учащиеся школ 1 и 2 ступеней, школы крестьянской молодежи, воспитанники детского дома и члены профсоюзной организации. Во время экскурсий «производились беседы» на различные темы: каменный, бронзовый и железные века, этнография края, шаманизм, ископаемые, флора и фауна края. По инициативе председателя уездного союза работников просвещения была впервые организована экскурсия крестьянской молодежи деревни Горской[587], несмотря на то, что по местным условиям сплошной тайги крестьянские экскурсии «организовывать …очень затруднительно»[588].

На расширенном пленарном заседании Енисейского городского совета, состоявшемся 21 октября 1925 года, было принято решение, «чтоб музей открывался еще один раз в неделю, именно в день базарный, специально для посещения крестьянством, о чем вывесить объявления и плакаты». С октября 1925 года по сентябрь 1926 года музей посетили 4 057 человека, из них 2 117 взрослых и 1 940 детей; 612 человек посетили музей в составе 28 экскурсий. Библиотекой и архивом пользовались 13 взрослых жителей города, двое школьников и два человека из посетивших город научных экспедицией[589].

В публикациях отмечается, что одним из основных факторов увеличения численности рабочей силы в городах в первой половине 1920-х гг. был

[587] Деревня Горская расположена от Енисейска на расстоянии 3 км. (по прямой)
[588] ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Естественно-исторического и культурно-бытового Музея за 1924 – 1925 гг. Л. 4.
[589] ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности естественно-исторического и культурно-бытового музея. 1925. ЛЛ. 5об.-7об.

«добровольческий (вольный) набор» жителей из сельских местностей[590], однако, в условиях удаленной сибирской территории руководители музеев рассчитывали именно на крестьянство как самых «оседлых, окрепших жителей», «наиболее коренных жителей края и хранителей многих бытовых предметов». Так, заведующий музея Енисейска Н.А. Кытманов отмечал «ясный живой сдвиг крестьянства в сторону интереса к музею, выразившимся в более частом посещении музея» и отрадные факты пополнений музея, «доставленные крестьянами из деревни»[591]. Об интересе «к музейному делу» жителей с. Балахты писал в своих письмах М.В. Красноженовой и Н.Г. Тарасов, указывая на помощь сельчан в сборе новых экспонатов и упомянув 9 чел. «изъявивших желание работать по краеведению»[592]. Напрашивается вывод о том, что в отличие от досоветского периода, когда в отношении к крестьянству у части интеллигенции преобладали типично народнические стереотипы[593], в рассматриваемый период крестьянство стало для музейного сообщества стратегически важным социальным партнером. Динамика численности посетителей, экспонатов и состав сотрудников музеев отдельных уездных городов Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. представлены в Приложение 3 (Таблицы 4–7). Установленные фактические данные свидетельствует о постоянном составе сотрудников музеев, значительном росте интереса к «музейному делу» со стороны сельского населения, а также о факте того, что музеи уездных городов Енисейской губернии по числу посетителей также вышли на дореволюционный уровень уже к 1926 году, и могут служить дополнительной иллюстрацией вывода В.Л. Соскина о том, что «…заметнее и

---

[590] Аникст А.М. Организация рабочей силы в 1920 г. С. 21; Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Изменение соотношения городского и сельского населения Приенисейского региона в процессе модернизации России (1822 – 1940 гг.) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2021. № 1 (19). С. 168–186.

[591] ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Енисейского Научного музея имени Александра Игнатьевича Кытманова с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. Л. 1об.; Отчет о состоянии и деятельности Естественно-исторического и культурно-бытового Музея за 1924 – 1925 гг. Л. 1.

[592] КККМ. ОФ 13049/60-5. (Рукописный оригинал. Орфография автора – сохранена)

[593] Федорова В.И. Учительская интеллигенция и крестьянство Енисейской губернии на рубеже XIX – начала XX вв.: проблема социокультурной адаптации. С. 106.

разнообразнее проявления советской культурной политики наблюдались в городах»[594].

В целом, необходимо отметить, что в первой половине 1920-х гг. музеи Сибири постепенно завоевывали свое почетное положение в культурном пространстве макрорегиона, возвращая своих привычных посетителей и/или привлекая новых. Так, например, был «сосредоточен» на «приеме посетителей» Барнаульский музей[595]. В стенах Иркутского музея сотрудники организовывали чтение лекций с демонстрацией коллекций, и иркутяне смогли прослушать лекции на темы: «Следы доисторического человека в Сибири», «Железный век Прибайкалья», «Происхождение оз. Байкал», «Природа и люди Сибири», «Методы краеведческой работы» и др. Наиболее удачные лекции повторялись затем в рабочих клубах, «как в целях просветительских, так, главным образом, для привлечения интереса рабочих масс к созданию дела музея и краеведческой работе». В 1923 году музей посетило 125 экскурсий, картинную галерею – 80[596].

Характеризуя состояние просвещения в Сибирском крае в конце 1920-х гг., Н.В. Вихирев отмечал: «За последний год общее количество посетивших наши музеи равно 250.000 человек. Это говорит о том, что и рабочий и крестьянин пошел в наши музеи»[597].

Фактические данные о количестве сотрудников и посетителей сибирских музеев, а также выделенные в 1924 году государством средства представлены в табл. 4.

№ №	Музей	Количество сотрудников	Количество посещений	Сумма выделенных средств
1.	г. Омск	10	-	2420
2.	г. Томск	7	15000	2172
3.	г. Барнаул	6	7000	1874

[594] Соскин В.Л. Советская культурная политика в Сибири (1917 – 1920-е годы). Очерк социальной истории. Новосибирск: [Новосибирский гос. ун-т], 2007. С. 22.
[595] Черемных Г.И. Научно-исследовательская работа в Сибири // Жизнь Сибири. 1924. № 10 (26). С. 100.
[596] Иркутский научный музей // Сибирская живая старина. Выпуск II. 1925. С. 152–153.
[597] Вихирев Н.В. На культурном фронте // О состоянии народного просвещения в Сибирском крае и об основных задачах его строительства. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. С. 20.

4.	г. Новониколаевск	5	7500	1440
5.	г. Иркутск	22	16000	2040

Таблица 4 – Музеи Сибири в первой половине 1920-х гг.[598]

Подводя промежуточные итоги, необходимо отметить следующее. Выявленные в ходе исследования фактические данные об особенностях профессиональной деятельности музейного сообщества в первой половине 1920-х гг. свидетельствуют, что организация и проведение комплекса охранно-спасательных, научно-исследовательских, выставочно-экскурсионных и деловых публичных мероприятий способствовала дальнейшему развитию музейного пространства. Сложившийся в досоветский период порядок коллегиального рассмотрения всех вопросов, связанных с деятельностью Музея, остался неизменным и способствовал развитию музейного сообщества, укрепляя его позиции в системе локальных коммуникаций. По мере относительной стабилизации жизненных условий расширялось профессиональное взаимодействие музейного сообщества с научными организациями и учреждениями страны. Деловые публичные мероприятия регионального и общесоюзного уровней стали немаловажным фактором нормализации деятельности, способом коллективного обсуждения вопросов, связанных с научно-исследовательской работой, ее популяризацией среди широких слоев населения и оказали существенное влияние на формирование нового культурного пространства городов сибирского макрорегиона. Возобновившаяся публикационная активность музейного сообщества также внесла существенный вклад в развитие музейного пространства и позволила восстановить связи с научной общественностью страны. Публикации рассмотренного периода освещали историю и текущую культурно-просветительскую деятельность Государственного музея Приенисейского края, роль музеев «местного края» и выделяли значение научного изучения «местного края» как фактора изменения социокультурной среды региона, рассматривали

[598] Составлено автором по: Черемных Г.И. Научно-исследовательская работа в Сибири // Жизнь Сибири. 1924. № 10 (26). С. 99; Соскин В.Л. Советская культурная политика в Сибири (1917 – 1920-е годы). Очерк социальной истории. Новосибирск: [Новосибирский гос. ун-т], 2007. С. 22.

значимость «личности» в организации сибирских музеев и отмечали роль музеев «местного края» в общественно-культурной жизни.

Текущая работа, соответствовавшая как заложенным в нормативно-правовой базе требованиям, так и внутренним ценностным ориентациям музейного сообщества, заключалась в экспертизе поступавших предметов, разработке принципов систематизации коллекций, практикам их консервации. Были предприняты первые попытки сохранения типичных городских каменных построек дореволюционного периода, организован комплекс мероприятий по обеспечению сохранения книжного фонда Красноярска. Деятельность созданных в досоветский период отделов получила новый импульс, создание новых отделов свидетельствует о развитии новых направлений. Традиционными способами пополнения фондов оставались экспедиционная деятельность, безвозмездная передача жителями предметов, имевших историческую и культурную ценность, новым источником стало помещение в фонды предметов из национализированного имущества. Большая часть экспонатов была доступна для обозрения посетителями. Объем экспонируемых материалов был ограничен теснотой и неприспособленностью помещений. В целях дальнейшего развития музейного пространства члены сообщества проводили экспедиционные мероприятия в пределах городского округа, выезжали в отдаленные территории. В настоящее время к инновационным методам научно-исследовательской деятельности нередко относят т.н. «коммуникативные экспедиции». Однако, как свидетельствуют результаты исследования, еще в начале 20-х гг. XX в. такая форма профессиональной деятельности была практикой представителей местного музейного сообщества.

Качественный состав фондов музея, высочайший профессиональный уровень музейного сообщества позволили проводить выставочно-экскурсионную деятельность (количество посетителей в 1923–1924 гг. составило 2 697 чел., в 1924–1925 гг. – 15 611 чел., в 1925–1926 гг. – 6 569 чел.). Ориентация на массовость[599], которая выражалась в организации досуга в первую очередь коллективных

[599] Хоффманн Д. Л. Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 298.

просителей, заставляет К. Кухер, в исследовании посвященному Парку Горького, прийти к выводу «о начавшейся практически с первых лет существования парка его дегуманизации»[600]. В локальных условиях Енисейской губернии в рассмотренный период опыт «научно-популяризационной работы» музейного сообщества среди широких слоев населения стал существенным фактором роста доли музейного досуга в структуре публичного времяпровождения. Отмечаемая исследователями «одинаковость» «содержания “энциклопедий края”» и «изобилие» советских идеологем и лозунгов[601], в локальных условиях губернии не нашли подтверждение, что может свидетельствовать в пользу того, что представители музейного сообщества при помощи выставок сжато и наглядно знакомили посетителей с историей и природными богатствами губернии. В условиях невысокого общеобразовательного уровня населения, постоянных миграционных процессов опора на региональный компонент предоставляла посетителям полную и наглядную информацию о «местном крае», создавала необходимые условия закрепления в сознании советского человека посещения музея как части «нового» образа жизни.

Рассмотренные направления профессиональной деятельности создавали благоприятный контекст общественной направленности деятельности музейного сообщества в первой половине 1920-х гг.

2.2. Общественная деятельность музейного сообщества. Создание заповедника Столбы

В первой половине 1920-х гг. общественная деятельность музейного сообщества губернского Красноярска определяла его социально-значимую роль в локальном и региональном культурном пространстве и реализовывалась через

---

[600] Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2012. С. 311.

[601] Малкова И.Г. Городские музеи в культурном пространстве уральского города второй половины XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249). С. 52.

комплекс культурно-просветительных и эколого-просветительных мероприятий, что в условиях Енисейской губернии, как и на общероссийском пространстве, способствовало увеличению объема участия Музея в культурно-просветительной деятельности.

На момент восстановления Советской власти социокультурный облик жителей удаленной от центра Енисейской губернии определялся исторически сложившимся невысоким общеобразовательным уровнем[602]. В одном из отчетов ЕнгубОНО за 1920 год отмечалось, что «…классу эксплуатируемых она (буржуазия – С.В. Бершадская) давала только элементарную грамотность»[603]. В этой связи одной из форм общественной деятельности музейного сообщества была культурно-просветительная работа, прежде всего, участие в комплексе государственных мероприятий, нацеленных на повышение общеобразовательного уровня горожан Красноярска.

В период 1920–1922 гг. органами государственной власти была начата кампания по ликвидации неграмотности. Одной из самых острых проблем являлся дефицит педагогических работников. Так, в Красноярске было зарегистрировано всего 861 чел. учителей и педагогов[604]. В соответствии с постановлением Внешкольно-курсовой секции ЕнгубОНО от 24.01.1920 г. для работы в школах грамоты, в порядке трудовой повинности, привлекались все занимавшиеся когда-либо педагогическим трудом: те, кто находился не на педагогической службе, но имели педагогическую подготовку, члены союза работников Просвещения и социалистической культуры[605]. От музейного сообщества участие в «сверхурочных

---

[602] История Сибири с древнейших времён до наших дней. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. Ленинград. 1968; Аксенова А.В., Гонина Н.В. Общественный досуг в городе Енисейске в конце XIX – начале XX в. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.). Новосибирск, 2017. С. 297–302.

[603] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.

[604] Из предварительных итогов Всероссийской переписи населения 1920 года // Бюллетень. № 81. Февраль 1921. С. 4.

[605] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 22. Л. 10; Д. 29. ЛЛ. 1, 4. В программу были включены занятия по русскому языку, арифметике, истории, географии и эстетическому воспитанию («история искусств в связи с историей ремесел»).

работах» в школах грамоты[606] приняли М.В. Новодворская, М.Д. Соловьева, Е.П. Коновалова[607].

А.Я. Тугаринов, А.Н. Соболев, а также директор Педагогического музея К.А. Смирнова приняли участие в работе «Народного университета», организованного решением Внешкольного подотдела ЕнгубОНО с целью «обезпечить» взрослое население города «всеобщей общественной и юридической грамотой», «знаниями экономическими, географическими, естественно-научными»[608]. Для горожан, записавшихся на естественно-исторический цикл университета, курс лекций «Енисейская губерния в естественно-историческом отношении» был прочитан А.Я. Тугариновым, чтения сопровождались «демонстрацией снимков посредством фонаря». К.А. Смирнова прочла лекции «Искусство эпохи возрождения Италии» для 20 слушателей общеобразовательных курсов[609].

В практике работы музейным сообществом использовался экскурсионный метод. Так, например, 9 мая 1920 года была совершена геологическая экскурсия к Успенскому монастырю под руководством А.Н. Соболева. Однако, полуголодная жизнь слушателей Народного университета не способствовала активному времяпровождению, и А.Н. Соболев был вынужден обратиться в Науком с заявлением о невозможности совершать даже непродолжительные экскурсии без «усиленного продовольственного пайка». На заседании комиссии он отметил, что во время проведения экскурсии «все участники так устали, что не в состоянии были выполнить все предположенные задачи, хотя экскурсия была совершена всего за 9 км., т.е. пройдено туда и обратно всего 18 км.» А.Н. Соболев предложил «исхлопотать» разрешение на устройство при Городском музее или при отделе народного образования «базиса-склада», где можно было бы хранить дополнительные к получаемым по продовольственным карточкам «запасы

[606] ГАКК. ФР-93. Оп.1. Д. 105. Л. 35.
[607] Приложение 1 – Коновалова Евгения Петровна, с. 256.
[608] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 31. Л. 68. (Рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)
[609] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. ЛЛ. 1 об., 8, 18.

необходимого для экскурсий провианта». В сохранившихся архивных документах не удалось обнаружить свидетельства организации такого склада. Скорее всего, учитывая острую нехватку продовольствия в городе, склад организован не был. Тем не менее, экскурсии были продолжены и в июне слушатели естественно-научного цикла побывали на «астрономической» и «ботанической» экскурсиях в окрестностях р. Базаихи, а также на городской электрической станции[610]. Таким образом, в локальных условиях Енисейской губернии рассмотренные аспекты позволяют не согласиться с утверждением немецкого историка Й. Баберовски о том, во время проведения кампании по ликвидации неграмотности «учителя были не на много умнее своих учеников»[611].

В первой половине 1920-х гг. Государственный музей Приенисейского края являлся центром предоставления информационной помощи обычным жителям, представителям научных учреждений и сотрудникам музеев уездных годов губернии, которые обращались в музей за «разрешением различных вопросов практического и теоретического свойства». Уже с 1921 года консультации музейного сообщества получили постоянный характер, в связи с чем, когда культурно-просветительные учреждения переходили на самоснабжение, ЕнгубОНО предложил сделать из этой функции музея источник дохода[612]. В составе специальной комиссии по разработке хакасской письменности сотрудники музея участвовали в работе среди «северных инородцев»[613]. Помогали музеям уездных городов вести работу среди сельского населения. Так, несмотря на то, что курсы библиотекарей для занятых в работе изб-читален Минусинского уезда проводились с 1924 года С.Р. Цыганковым[614], в марте 1925 года Н.К. Ауэрбах был командирован ЕнгубОНО в уезд для просветительной работы в избах-читальнях[615].

---

[610] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 31. ЛЛ. 21, 55; Д. 22. ЛЛ. 99–100.
[611] Бердникова С.А. Формирование нового советского человека 1930-х гг. в современной историографии // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2016. С. 113.
[612] КККМ. Оп. 01. Д. 358. ЛЛ. 3–7.
[613] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 90. Л. 69об.; ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 44. ЛЛ. 25, 43, 48-50.
[614] Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 29. Л. 53.
[615] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 29. Л. 23.

Еще одной значимой направленностью общественно-культурной деятельности музейного сообщества в городском культурном пространстве продолжало оставаться проведение просветительных мероприятий. Государственный музей Приенисейского края, как и музеи уездных городов губернии, стал местом проведения лекций «с волшебным фонарем» Первой советской Специальной метеоритной экспедиции Российской Академии наук под руководством Леонида Алексеевича Кулика, прошедшей в период с 19 мая 1921 года по 29 ноября 1922 года с целью «сбора в России и Сибири упавших с неба камней /метеоритов/», большая часть которых разошлась «по рукам населения, которое цепко держится за них, связывая с ними целый ряд предрассудков религиозного характера». В этой связи, в программу работ экспедиции входило проведение специальных мероприятий среди местного населения, целью которых было объяснение природного явления и убеждение тех жителей, у которых оказались найденные метеориты, в необходимости передачи их государству[616].

На различные «местные темы» представители музейного сообщества читали бесплатные лекции в городских культурно-досуговых учреждениях, куда приглашались все желающие[617]. Так, во Дворце Труда М.В. Красноженова рассказывала горожанам о жизни и творчестве В.И. Сурикова. Темой лекции Н.К. Ауэрбаха во Дворце рабочей молодежи стал «Опыт организации экскурсии к археологическим раскопкам Афонтовой горы близ Красноярска в 1923–24 г.г.»[618]. В условиях Сибири традиционная культурно-просветительная тематика дополнялась рассказами о шаманстве. Так, например, во время одной из лекций «для большей наглядности … тов. Дмитриев», показывал камланье шамана, демонстрируя «бубны, подстилку, фотографические снимки»[619].

---

[616] Кулик Л.А. Отчет метеоритной экспедиции о работах, произведенных с 19 мая 1921 г. по 29 ноября 1922 г.; Архив Енисейска». ФР-25. Оп. 1. Д. 23. Л. 12; Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 15. ЛЛ. 2–21; Васильев Н.В., Ковалевский А.Ф., Разин С.А., Эпиктетова Л.Е. Показания очевидцев тунгусского падения 1908 года. Часть 1. Эпиктетова Л.Е., Разин С.А., Дорошин И.К. Дополнительные показания очевидцев тунгусского падения. Часть 2.

[617] Например: Объявление // Красноярский рабочий. № 290. 21 декабря 1924 г. С. 5.

[618] Лекция // Красноярский рабочий. 1924. № 3. С. 4.

[619] Рабкор Б. Во Дворце рабочей молодежи //Красноярский рабочий. 1924. № 279. С. 4.

Тесные контакты у музейного сообщества сложились с участниками краеведческого кружка при Доме Союза работников просвещения, в котором лекции, начиная с 1923 года, проводились на регулярной основе. А.Л. Яворский прочел лекции «Эволюция живого существа», «Охрана природы у нас и за границей»; В.А. Смирнов – «Жизнь и творчество Сурикова», «Индустриализация Приенисейского края»[620]. О популярности данной формы общественной деятельности свидетельствует количество побывавших на лекциях горожан. Так, на лекции В.А. Смирнова «Декабристы в Сибири», присутствовало 90 чел.; А.Н. Соболева «Происхождение вселенной» – 250 чел.[621] Несмотря на научную тематику лекций, проводимых музейным сообществом для не очень грамотного населения, материалы местной периодики свидетельствуют о том, насколько данные мероприятия приветствовались горожанами: «Одно плохо, что такие интересные лекции читаются чуть ли не раз в месяц. Читались бы чаще, было-бы больше пользы» – высказывал неудовольствие автор одной из заметок, напечатанной в «Красноярском рабочем»[622].

В Енисейской губернии в досоветский период научно-исследовательская краеведческая деятельность ограничивалась работой специальных экспедиций столичных научных организаций и/или ведомственных учреждений, реализовывавших свои узкопрактические задачи, либо инициативой местных любителей. Широкие круги местного населения к работе не привлекались. Однако, первая половина 1920-х гг. и здесь внесла свои коррективы. Изучение «местного края», под которым в условиях Енисейской губернии понимался тот край, «в котором человек работает»[623], получило развитие в результате требования момента[624]. Таким образом, другой направленностью общественной деятельности

[620] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 296. ЛЛ. 149–159.
[621] ГАКК. ФР-177. Оп. 1. Д. 40. ЛЛ. 10, 14об., 35об., 37 об. (рукописный оригинал)
[622] Учк. Григорьев. Почаще бы! // Красноярский рабочий. 1924. № 6. С. 3.
[623] Например: Сегодня открывается первое губернское краеведческое совещание // Красноярский рабочий. 1924. № 260. С. 6.
[624] Рыженко В.Г. Краеведение российской провинции как социокультурный феномен и сегмент современного коммуникативного поля науки // Краеведение как феномен провинциальной культуры. 2011. С. 39–47; Кокоулин В.Г., Михалин В.А. Научное изучение Сибири в первые годы нэпа // Актуальные вопросы истории Сибири. 2015. С. 74–76.

музейного сообщества стало привлечение жителей города к музейной деятельности и практическим историко-краеведческим исследованиям.

В январе 1924 года было получено разрешение на проведение раскопок Афонтовой горы, начатых еще в 1914 году И.Т. Савенковым. Средства на их проведение выделил Культотдел Губпросвета, получивший финансовую поддержку Сиббюро ВЦСПС. От местного музейного сообщества в раскопках принимал участие только один человек – Н.К. Ауэрбах. Из Иркутска приехали действительный член Восточно-Сибирского отдела РГО Г.П. Сосновский и палеонтолог В.И. Громов. Наиболее важным аспектом проведения раскопок является факт того, что основная часть работ была произведена силами жителей города – было вскрыто свыше 100 кв. м. стоянки и собрана уникальная коллекция из 764 пред. Кроме того, найденные предметы позволили заполнить ряд лакун истории заселения территории. Согласно постановлению Губпрофсвета, собранная коллекция была передана в Государственный музей Приенисейского края[625].

К проведению археологических раскопок в окрестностях Красноярска привлекались школьники. Так, например, обследование песчаных выдувов у д. Базаихи, у с. Ладейки, разведка и сбор материала раскопок Монастырской пещеры и др. производились силами членов археологического кружка им. И.Т. Савенкова. Кружок был создан 5 октября 1923 года при школе 2 ступени № 2 и на момент создания объединял 14 школьников[626].

По окончании учебного года в период с 1 июня по 15 июля 1924 года члены археологического кружка под руководством Н.К. Ауэрбаха, В.И. Громова и Г.П. Сосновского приступили к раскопкам Афонтовой горы. Школьники работали с 8 утра до 8 вечера, и за полтора месяца было собрано 1 155 предметов. Несомненно, достижению значительных результатов способствовала, как указывают А.С. Вдовин и Н.П. Макаров, особая атмосфера сотрудничества,

---

[625] ГАКК. ФР-795. Оп. 1. Д. 29. Л. 5об.; ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 44. Л. 6; Д. 64. Л. 16; Раскопки Г.П. Сосновского и Н.К. Ауэрбаха // Сибирская живая старина. 1925. Вып. II. С. 153; Вдовин А.С., Подъявилова Г.В. Педагогическая деятельность И.Т. Савенкова // Научный ежегодник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2004. Вып.4. Т. II. С. 346–352.

[626] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 32. Л. 26; Д. 45. Л. 6 об.

сложившаяся при проведении работ[627]. Кроме того, важным фактором успеха стала так же и организация досуга школьников.

В часы отдыха руководители раскопок рассказывали детям о своем личном опыте проведения исследований и о поездках по Сибири, прочли 10 лекций. Так, Н.К. Ауэрбах прочел лекции на темы «Атлантида», «Новые археологические раскопки в Египте». Члены кружка также подготовили 10 докладов. Помимо традиционных форм устных выступлений, школьниками были реконструированы и презентованы в художественной форме подробности жизни первобытного человека – «4 фантазии», как называли их сами школьники – на темы «Ночь первобытного человека», «Утро и охота первобытного человека», «Охота на мамонта» и «Занятия женщин». Для осмотра уже сформированных археологических коллекций, руководители раскопок провели несколько экскурсий в Музей, к работе в котором члены кружка приступили со средины августа, принимая участие в инвентаризации предметов из раскопок и подготовке коллекций Афонтовой горы к отчетной выставке. С 15 сентября кружковцы приступили к организации своей собственной выставки в школе, ставшей возможной благодаря передачи в кружок 2 000 пред. Как говорили сами кружковцы, при помощи этой выставки они стремились «дать наглядную картину эволюции культуры на берегах Енисея» и поделиться своими знаниями со всеми желающими «конкретными сведениями по методике коллекционирования»[628]. Возможно предположить, что такая форма проведения каникулярного времени оказалась для местных школьников привлекательной. Основанием для такого предположения служит динамика роста численности кружка. В 1924 году членами археологического кружка им. И.Т. Савенкова были 28 чел., к началу 1925 года кружок объединял уже 41 ребенка[629]. Почетным членом кружка стал проф. В.А. Городцов. 15 февраля 1925 года на общем собрании кружка «туруханец

[627] Вдовин А.С., Макаров Н.П. Афонтова гора и педагогическая археология: дневник членов красноярского школьного археологического кружка им. И.Т. Савенкова (1924 – 1925 годы) // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 208–224.
[628] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 32. ЛЛ. 36-37; Д. 45. Л. 6 об.; ГАКК. ФР-795. Оп. 1. Д. 29. ЛЛ. 5-6.
[629] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 45. Л.6об.

Пуссе[630]» выступил с сообщением «об общинной охоте у северных инородцев». Затем при кружке открылось чтение курса, посвященного «первобытной археологии Сибири». В письме, полученном от В.А. Городцова, говорилось о том широчайшем «поле деятельности, которое открывается перед молодыми археологами Енисейской губернии, … новых мировых открытий в окрестностях Красноярска», указывалось «на необходимость популяризации научных знаний среди широких масс»[631].

В октябре 1924 года музейным сообществом было решено организовать краеведческий кружок при Музее, задачей которого являлось его, как отмечала газета «Красноярский рабочий»: «руководство изучением местного края». Заседания кружка под председательством В.А. Смирнова проводились в Педагогическом музее[632].

Для сотрудников музеев Енисейской губернии в рассматриваемый период подрастающее поколение становится особой целевой аудиторией.

Так, несмотря на то, что в музее Канска работал только 1 человек и посетители не принимались, для школьников музей открывался 8 раз, и весной 1922 года музей посетили почти 200 ребятишек[633]. В период с 1 октября 1922 года по 1 октября 1923 года почти 50% посетителей музея Енисейска составили дети школьного возраста (671 взрослых и 578 детей)[634].

Учитывая более чем скромную штатную численность сотрудников музеев уездных городов, привлечение школьников к «сотрудничеству с музеем» имело также и практическое значение. В музее Енисейска в период проведения массовых экскурсионных мероприятий «дежурили» учащиеся учебных заведений, они же

---

[630] Вероятно, речь идет о К.В. Пуссе, жителе Дудинки, промысловике, с 1921 г. агенте Комсевморпути [Источник: Гонина Н.В. Норильские экспедиции 1920-х гг.: начало советского освоения Таймыра // Освоение Арктики: три века поисков и открытий. Якутск: [б/и]. С. 52–56].

[631] В археологическом кружке // Красноярский рабочий. 1925. № 42. С. 5; Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В. Конфликт В. А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки науки // Stratum plus. 2014. № 1. С. 211–227.

[632] ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 11. Л. 34; Кружок краеведения // Красноярский рабочий. 1924. № 231. С. 4.

[633] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 160. Л. 39.

[634] ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Енисейского научного музея с 1 октября 1922 по 1 октября 1923 гг. Л. 4.

«следили за регистрацией посетителей, за целостностью инвентаря и экспонатов и т.д.»; выполняли техническую работу – «уборку и украшение здания музея». Ознакомившись с коллекциями, некоторые из школьников затем сами могли давать пояснения посетителям. Заведующий музея Н.А. Кытманов отмечал, что вся работа «ими выполнялась охотно»[635]. В целом, необходимо отметить, немногочисленность примеров развития музейной педагогики в сибирском музейном пространстве первой половины 1920-х гг. Так, исследователями выявлена организация научного кружка «Друзья музея» по инициативе Б.Э. Петри при Иркутском университете[636].

Государственный музей Приенисейского края в первой половине 1920-х гг. являлся также важным консультационным центром для энтузиастов «музейного дела», работавших в музеях, существовавших с досоветского периода, и инициаторов создания новых.

Так, вопрос «о помощи Балахтинскому музею» обсуждался на одном из первых заседаний Наукома уже в июле 1920 года[637]. И в целом на протяжении всего рассматриваемого периода переписку с единственным сотрудником музея Н.Г. Тарасовым вела М.В. Красноженова. В своих письмах Николай Герасимович не только благодарил за сочувствие к его деятельности, но и неоднократно выражал благодарность за оказанную ему помощь[638].

В 1923 году у «комсомольской организации курорта оз. Шира и местной молодежи» появилась идея «основания музейного уголка и при нем небольшой библиотечки на историческую тему». Необходимость создания «уголка» авторы письма, направленного в адрес Музея с просьбой о помощи в организации, видели в наличии «различных исторических предметов … в частных руках». Молодые люди надеялись, что «музейный уголок привлечет их в свои витрины»[639].

---

[635] ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Енисейского Научного музея имени Александра Игнатьевича Кытманова с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. Л. 2.
[636] Пержакова А.С. Иркутская школа палеоэтнологии в 1920-1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 5. С. 10.
[637] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. Л. 31об.; ФР-1380. Оп. 1. Д. 32. Л. 59.
[638] КККМ. ОФ 13049/61.
[639] КККМ. Оп. 01. Д. 377. Л. 11.

20 августа 1923 года на озере Шира было проведено выездное заседание Коллегии музея, посвященное вопросу организации курорта. Поднималась тема не только сохранения «традиции Шира, как курорта преимущественно для трудового класса», но и необходимости «обратить внимание на Шира … как на очаг просветительской работы». Председательствовал на заседании один из организаторов курортного дела в Сибири, доцент кафедры нервных и душевных болезней Томского университета К.Н. Заводовский. В своем выступлении К.Н. Заводовский полностью одобрил «…мысль об устройстве музея на Шира» и отметил: «Когда предполагается, что при музее будут организованы экскурсии окрестностей Шира, тогда музей имеет … назначение для культурно-просветительных целей… Путешествие по окрестностям Шира экскурсионного характера дает много удовольствия …». В задачи создаваемого музея входило, в том числе, и «воздействие на окрестное хозяйствующее население в интересах поднятия уровня его производительного труда, более полного и рационального использования имеющихся природных богатств», а также «забота о распространении в населении необходимых сведений по общей гигиене, борьбе с заразными болезнями». Помимо «немой пропаганды с помощью плакатов, картограмм, графиков, коллекций и пр.», музей должен был распространять знания путем «устройства бесед, экскурсий, выставок, конкурсов, конференций, праздников и пр.». Особое внимание планировалось уделить «вопросу о живущем в этом районе человеку, как производительной силе, его культурной ценности, его быте и хозяйстве, организуя для этой цели особый отдел, в составлении которого должно быть заинтересовано музеем само население, особенно аборигены района, минусинские тюрки». Предложение о создании музея «для цели культурно-просветительской, считаясь с особенностями района Шира» участниками выездного заседания было принято единогласно[640]. Заседание Коллегии музея имело вполне практические результаты. Курорт Шира активно развивался, Н.К. Заводовский осуществлял руководство курортом[641].

[640] КККМ. Оп. 01. Д. 377. ЛЛ. 4-5, 7, 9.
[641] На наших курортах // Красноярский рабочий. 1924. № 152. С. 2.

А.В. Луначарский, выступая в г. Омске во Дворце Молодой Гвардии 28 мая 1923 года, в докладе «Интеллигенция и революция» отметил: «Помимо функций информирующих и познающих, интеллигенция имеет также функции и организующие»[642]. Данная «функция» музейного сообщества Красноярска раскрывается в другой направленности общественной деятельности – эколого-просветительской.

Вопрос о создании в Красноярске Ботанического сада представителями музейного сообщества обсуждался еще в досоветский период[643]. Однако, реализовать свой замысел сотрудники музея попытались только после восстановления Советской власти.

Ботанический сад должен был иметь, прежде всего, научное значение – не только детям, но и взрослым, по мнению представителей музейного сообщества, было необходимо «изучить флору местного края». Поскольку в числе музейных экспонатов могли оказаться и предметы, поместить которые в здание музея было бы невозможно (например, писанные камни, каменные бабы и т.д.), то для таких экспонатов «…сад являлся как бы продолжением музея на открытым воздухе, что уже и практикуется за границей (Дания, Норвегия)» – отмечали на одном из заседаний внешкольного подотдела ЕнгубОНО сотрудники Музея. Таким образом, цель создания данной структуры городского публичного пространства была двоякой, помимо научного значения, посещение сада предоставило бы жителям города возможность дышать чистым воздухом[644].

Место для будущего ботанического сада было запланировано напротив нового здания музея площадью около 2 десятин земли. Предусматривалось создание 4 «основных очага культуры: поле, огород, сад и лес. А также – Зоологический сад, показывающий фауну края, Геологический сад и собственно музей под открытым небом – отражение человеческой жизни в природе в прошлое и настоящее время, все что громоздко и трудно показать в стенах музея

---

[642] Луначарский А.В. Интеллигенция и революция (Доклад т. Луначарского во Дворце Молодой Гвардии 28 мая [1923 г. в Омске]. С. 34.
[643] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 38. ЛЛ. 3–5.
[644] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 22. Л. 99–100.

Приенисейского края». План представителей музейного сообщества был поддержан заместителем заведующего ЕнгубОНО т. Кузьминым, направившим докладную записку заведующему отделом 12 июля 1920 года[645]. Однако, финансовые возможности не позволили в рассматриваемый период воплотить в жизнь данный эколого-просветительный проект. Ситуация не была уникальной. Такая же неудача постигла и инициаторов создания подобной структуры в Томске[646].

Успешным примером влияния деятельности музейного сообщества на структуру публичного культурного пространства региона, определившего его «координаты на длительную перспективу»[647], является организация особо охраняемой природной территории – заповедника Столбы – остающегося визитной карточкой Красноярского края и в наши дни.

Идея организации заповедника была обусловлена внутренней потребностью и искренним желанием музейного сообщества преодолеть традиционное потребительское отношение жителей к природе Столбов и сохранить ее для будущих поколений: «Глядя в сторону города, – размышлял в своих «Воспоминаниях о стоянках столбистов» А.Л. Яворский – я думаю, что там, где сейчас на левой стороне Енисея раскинулся залитый огнями Красноярск, когда то светился слабый огонек острога Красный Яр. Тогда под Такмаком было совсем пусто. Кто понимал тогда всю эту неисчерпаемую красоту гор, – наверное никто. Гор боялись и жались в крепком остроге, за его стенами. Было не до красоты. Люди были заняты другим. Потребовалась пара столетий, что бы на каком-то досуге у кого-то впервые появилась мысль о красоте в природе. И страшная природа однажды превратилась в прекрасную природу, которую нужно оберегать для потомства»[648].

---

[645] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 38. ЛЛ. 3–5.

[646] Дмитриенко Н.М. О создании музея-скансена в Томске // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 71–72.

[647] Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральск. Ун-та; Омск: Омск. Гос. Ун-т, 2003. С. 126.

[648] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 6. Л. 50 (машинописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

В первые же месяцы после восстановления в городе Советской власти, представители музейного сообщества вместе с членами Красноярского отдела РГО, Союза художников и сотрудниками Губернского земельного управления обратились с ходатайством в Енисейский губернский революционный комитет об издании декрета, охраняющего территорию Столбов. Уже 10 апреля 1920 года на основании статей 30, 84 и 88 Основного закона о лесах, Енисейский губернский революционный комитет объявил «защитной» территорию «размером 2 километра» и запретил «всякую порубку и повреждение леса, ввиду ценности этой местности»[649]. Позже в А.Л. Яворский назовет этот первый защитный участок «птенцом, только начавшим свое существование»[650]. В этой связи необходимо отметить, что Декрет, объявивший «значительные по площади участки природы, замечательные своими памятниками» «заповедниками и национальными парками», на территории которых были запрещены «обработка и разработка», на общероссийском уровне был принят позже – в сентябре 1921 года[651].

В октябре 1923 года в Народный Комиссариат Просвещения РСФСР был направлен проект организации «Государственного заповедника Столбы». 18 января 1924 года из Отдела охраны природы Главного управления научных, научно-художественных и музейных учреждений Наркомпроса РСФСР было получено письмо, в котором сообщалось, что вопрос об учреждении Государственного Красноярского заповедника, в границы которого включены Столбы, «решен положительно», а расходы на организацию работ «внесены в сметы и подлежат рассмотрению и утверждению в Госплане»[652].

Постановление, в соответствии с которым территория была объявлена «геологическим заповедником», было принято в октябре 1924 года. Заведывание заповедником передавалось Красноярскому отделу РГО[653]. На организационные

[649] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 33. Л. 14.
[650] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 6. Л. 146 (машинописный оригинал. Орфография и пунктуация автора сохранены)
[651] Декрет СНК РСФСР «Об охране памятников природы, садов и парков» от 16 сентября 1921 года.
[652] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 33. Л. 14об.
[653] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1 Д. 73. Л. 14.

нужды заповедника в 1924–1925 гг. Главнаукой было перечислено 2 274 руб. 40 коп.[654] На состоявшейся в мае 1925 года Коллегии Наркомпроса РСФСР ходатайство Лесного отдела Енисейского губернского исполнительного комитета о включении Столбов в сеть учреждений, находящихся на госбюджете, на следующий (1925–1926) бюджетный год было отклонено. Об этом сообщил заместитель заведующего Лесного отдела Наркомпроса РСФСР в своем письме А.Я. Тугаринову. На второе полугодие 1925 года заповеднику была переведена лишь субсидия в размере 500 руб. Возможно предположить, что негативная реакция центра была связана не только с традиционной нехваткой финансов на реализацию региональных проектов[655], но и углубившимися идеологическими разногласиями. В письме есть и такие полные горечи слова: «… вместо меня теперь ячейка…, мотивируя тем, что все Учен. Секретари Отделов должны быть партийными. Меня же назначили Секретарем Ученого комитета, но я не знаю останусь ли я. Пока то я связи с отделом не теряю и работаю там же, но хочется уйти как не больно, ведь работаю там с 1919»[656].

Однако, несмотря на отклоненное ходатайство, в июне 1925 года из Главнауки организаторами заповедника было получено письмо с просьбой прислать «предложения о возможности извлечения доходов из заповедника “Столбы” (входная плата, плата за ночевку и пр.)».

Красноярцы в ответном письме указали на «нецелесообразность» введения палаты за посещение, так как «посетители – рабочие, служащие и учащиеся не располагают излишними средствами и отягчение их бюджета входной платой будет равносильно отказу в отдыхе по праздничным дням». Тем более, что и лодочная переправа на правый берег р. Енисей, на котором расположены Столбы, была для горожан недешевым удовольствием[657]. Как указывалось в отчете Красноярского отдела РГО «…отдел …не предполагает … эксполоатировать

[654] ГАКК. ФР-795. Оп. 1. Д. 29. Л.5; ФР-1380. Оп. 1. Д. 45. Л. 31.
[655] Барышева Е.В. Советские архитектурные проекты: утопия и реальность// Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург, 2018. С. 335–342.
[656] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 33. ЛЛ. 91–92 (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора сохранены. Подпись не разборчива)
[657] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 162. Л. 4.

заповедник с коммерческой целью, а состоит из людей глубоко преданных и ревностно охраняющих редкости природы и быта и, добровольно и безвозмездно /с некоторыми «столбистами»/, имеющими несложное наблюдение за площадью заповедника». Возможность получения доходов организаторы заповедника видели в продаже «изданий литературного характера» или серии открыток с видами Столбов, от которой предполагали получение прибыли от 30% до 40%. «В успехе … сомневаться не приходится, так как Столбы местность, которую знают и интересуются не только жители г. Красноярска и губернии, но и сибиряки вообще» – написали в ответном послании красноярцы[658].

30 июня 1925 года Енисейский губернский исполнительный комитет своим Обязательным Постановлением объявил территорию Столбов, площадью 3 630 десятин, заповедником. В соответствии с Постановлением любая «хозяйственная» деятельность – «ломка камня, рубка леса» – в заповеднике запрещалась. Часть территории, получившая название «зоопарк», была выделена как зона научно-исследовательской работы «с максимальной изоляцией от всяких посещений»[659], часть – была открыта для «прогулок эстетического и образовательного характера». Остановка экскурсий, разведение костров разрешалось только в зоне, отведенной под постройку избушек. Строительство новых столбовских избушек было необходимо согласовывать с руководством заповедника, все постройки, возведенные ранее, подлежали сносу или переносу в другое место. Произошел отход стоянок столбистов на более дальнее расстояние от эстетического района, свои избушки перенесли 10 столбовских компаний, в том числе и компания Музеян, как потом выяснилось недалеко от «облюбованной» ими еще в 1920 году стоянки[660].

Первым заведующим заповедником «на общественных началах» был назначен Александр Леопольдович Яворский. В круг обязанностей заведующего входили не только научные наблюдения на территории, но и культурно-

---

[658] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 33. ЛЛ. 10, 85об., 89 (машинописный оригинал. Орфография и пунктуация автора сохранены)
[659] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 73. Л. 18.
[660] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 29. Л. 21; Д. 33. ЛЛ. 15–17; ФР-2120. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

просветительская деятельность, в том числе, «пропаганда среди населения идеи охраны Заповедника путем отдельных изданий, популярных бесед, чтений, лекций, образовательных экскурсий по Заповеднику». Кроме того, в функции руководителя входило и решение финансовых проблем – «изыскание средств на нужды Заповедника»[661].

А.Л. Яворским и А.Н. Соболевым была подготовлена брошюра «Столбы – заповедник в окрестностях г. Красноярска»[662], на издание которой было потрачено 312 руб. Было напечатано 8 сюжетных открыток Столбов по 1 000 экз. каждой, затраты на издание составили 200 руб. Для сравнения, постройка избы (без русской печки) для сторожа-наблюдателя Столбов обошлась в 139 руб., зарплата самого сторожа составляла 106 руб.[663] В это время в г. Красноярске 1 кг. говядины стоил от 34 коп. до 40 коп., сахар-песок от 69 коп. до 75 коп., сапоги от 13 руб. до 15 руб.[664] В 1925–1926 гг. доход от продажи подготовленной брошюры и открыток составил 347 руб. 14 коп., геофизическая обсерватория на «Столбах» принесла доход в 9 руб.[665]

Своевременность мер музейного сообщества по организации заповедника подтверждается и популярностью посещения Столбов горожанами, принявшее в советский период форму «обязательных массовых посещений», в том числе в ночное время (Рисунок 2).

[661] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 33. ЛЛ. 25–26, 30.
[662] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 73.
[663] ГАКК. ФР-795. Оп. 1. Д. 29. Л. 20.
[664] Розничные цена Красноярского рынка на 27 октября 1925 года // Бюллетень Красноярской товарной биржи. 1925. № 228. С. 1.
[665] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 45. Л. 17.

Рисунок 2. Рекламная листовка массового мероприятия «Ночь на Столбах», 1922 год[666]

На Столбы ходили горожане «всех возрастов и профессий» и «даже целые полки красноармейцев в полном боевом порядке». Дневниковые записи А.Л. Яворского 1922 года дают представление о количестве, возрасте и профессиональной принадлежности посетителей. Примером популярности отдыха на Столбах можно рассматривать запись от 8 июля 1922 года: «Я и Анатолий Курганов через лодки Каштаком на Столбы. В Каштаке встретили Дуню Овсянникову с двумя девицами Марфой и Шурой. У избушки Айканов, Михайлов Йосиф и еще паренек, Венка Тулунин с Валей сестрой Ани, доктора Френкеля жена, Серг. Юдин, тетя из монастыря с губкомовской дачи (поэтесса Фефелова – она же Аркадина) с браунингом, Власовы: Таля, Костя, Володька. Позднее Тихомировы – он, она и Коля. Были еще 2 ягодницы (одна полька 73 года) из Базаихи. Всего 23 чел.»[667] В записи от 3 июня упоминается «учитель со своими учениками»[668]. В записи от 17 июня еще раз встречается число посетителей

[666] http://красноярские-архивы.рф/gosudarstvennyi-arkh/deyatelnost/vystavki/579
[667] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 162. Л. 6.
[668] Там же. Л. 2.

заповедника: «…По дороге обогнал более 70 человек, идущих на Столбы. …Идут на Столбы массы народа – молодежь и пожилые. Мы с Санькой …насчитали до 35 костров»[669]. В записи от 24 июня говорится о том, что костров оказалось уже не менее 50 и, по самым скромным подсчетам, на «защитной лесной площади размером 2 километра» в этот летний день оказалось не менее 100 человек[670].

Со второй половины 1925 года принятое Постановление и полученные субсидии позволили начать вести в двух пунктах учет посетителей Столбов. Цифры эти, конечно, весьма приблизительные, так как только в привычках постоянных столбистов была регистрация на пунктах, да и территория практически не охранялась[671]. Тем не менее, по официальным данным, во второй половине 1925 года Столбы посетило 6 000 чел.; 10 экскурсий рабочих (350 чел.), 15 экскурсий служащих (225 чел.), 40 экскурсий учащихся (1 130 чел.) и 3 экскурсии красноармейцев (1 025 чел.)[672]. В 1925–1926 гг. на Столбах побывало 8 053 чел., что по сравнению с 6 000 чел. периода 1924–1925 гг. является показателем роста столбизма на 2 053 чел. и составляет 31%. Из 8 053 чел., 865 чел. прошли в составе 24 организованных экскурсий, из них военных – 382 чел., учащихся – 316 чел.[673]

Среди постоянных посетителей Столбов первой половины 1920-х гг., тех для кого, как определял А.Л. Яворский «Столбы второй дом, а дружба первое и лучшее чувство»[674], продолжила свое формирование культура столбизма – характеризовавшаяся своими ценностями и ритуалами[675]. Центром жизни столбистов стал район Второго Столба, у которого начали собираться уже 10 основных компаний. Количества сооруженных избушек оказалось недостаточно –

---

[669] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 162. Л. 4.
[670] Там же. Л. 5.
[671] Там же. Л. 18.
[672] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 29. Л. 21; Д. 57. Л. 50.
[673] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 45. Л. 18.
[674] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 6. Л. 153.
[675] Примеры ценностей и ритуалы столбистов 1920-х гг. в дневниках А.Л. Яворского 1922 года «Я, Петр Пирожников, Сергей и Владимир Митичи на лыжах на Столбы. … Вечером пришли Арсен и Саша Нелидов. Пельмени и прочая благодать. Вот они примитивные радости жизни» [Источник: ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 162. Л. 1]; 1926 года «Пение птах всюду, а у водопада – первое ку-ку генерала Кукушкина. Красота»; «Я соло на Столбы. У лодки встреча с А.Н. Соболевым. Сегодня с утра пичуги с ума сошли, поет видимо камчатский соловей» [Источник: ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 76. ЛЛ. 2–3]

иногда столбисты были вынуждены спать «в две смены»[676] – и началось строительство новых. Однако, речь шла не только и не столько о создании минимальных бытовых удобств для столбистов, а прежде всего, о возможностях экономить дрова и не тратить бессмысленно лесные богатства. Как говорил А.Л. Яворский: «Столбы должны быть сохранены именно для столбистов, так как никто, больше столбиста не может оценить их красоту. Это его второй дом, место отдыха; здесь он черпает в чистой, прекрасной природе свое здоровье, закал и молодость. Ни один город в Сибири не имеет столько художников как Красноярск, пробудивших и воспитавших в себе чувство красоты в обстановке величественных Столбов»[677].

Итак, исходя из мотивов обращения к отдыху на Столбах, среди посетителей можно выделить две основные группы. Во-первых, это «столбисты», для которых Столбы были не просто способом проведения свободного времени, а являлись образом жизни. Эта часть духовно активных людей стремилась к тому, чтобы отдых на Столбах, к которым необходимо относиться бережно и с любовью, являлся внутренней потребностью. Группа была не самой многочисленной среди посетителей Столбов. Тем не менее, в первые годы после восстановления Советской власти увеличилась численность уже сложившихся и появились новые столбистские компании. Вторая группа – активные горожане всех возрастов и социальных групп, составлявшие основную массу посетителей Столбов. Для этой группы ощущение праздника от общения с природой должно было помочь забыть не только о бытовых «неудобствах», но и способствовать социализации, вести здоровый образ жизни. Требования первой группы, в том числе и компании «Музеян», сказывались на формировании интересов второй группы, ее предпочтений и поведению на Столбах. Часть второй группы тянулась и равнялась на столбистов и из искреннего желания приобщиться к прекрасной природе, и, в определенной степени, к опыту и образу жизни людей, хорошо знакомых местному городскому социуму.

---

[676] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 162. Л. 2.
[677] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 73. ЛЛ. 15–16.

Динамика численности посещаемости Столбов в 1920-е гг. представлена в Приложении 3 (Таблица 3) и свидетельствует о популярности такого проведения свободного времени среди горожан. Безусловно, большое количество посетителей приводило к фактам деликвентного поведения (о котором свидетельствуют и источники личного происхождения, и материалы СМИ[678]), тем не менее, отношение к сохранению экологического наследия территории, на которой разрушение исторических памятников если не поддерживалась, то и не осуждалась[679], а люди воспринимали природу, как источник материальных благ[680], такой влиятельной части городского социума как музейное сообщество игнорировать горожане не могли. «Путем пропаганды идей охраны природного наследия среди посетителей-Столбистов, удалось устранить … нежелательные явления, небрежное отношение с лесом, огнем, животным и растительным миром» – утверждали представители местной власти[681]. Обоснованность заявления официальных лиц может быть подтверждена одной из записей из дневника А.Л. Яворского: «Увидели избушку 3х3 1\2 арш. Над дверями доска с надписью: “Хутор пионеров в Сибирских лесах. Построен в мае 1922 г.” “Граждане!!! Обращаемся к Вашей совести! Просьба обращаться осторожно с огнем. Вспомните, сколько пользы принесет эта избушка продрогшему, выбившемуся из сил человеку. Поставьте себя на его место и польза будет ясна. Пионеры.”»[682]. Таким образом, приведенную цитату также можно рассматривать как одно из свидетельств эффективности эколого-просветительных инициатив музейного сообщества.

Подводя промежуточные итоги, необходимо отметить следующее. Выявленные в ходе исследования фактические данные об особенностях

---

[678] ГАКК. ФР-1380. Оп.1. Д. 57. Л. 20; ФР-2120. Оп.1. Д. 162. ЛЛ. 4–5; Рабочий. Неудачная экскурсия // Красноярский рабочий. 1923. № 182. С. 3.

[679] Вдовин А.С. «Грешно не охранять старину!» (Сибирское духовенство и археология) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. № 1. С. 227.

[680] Ценюга Ю.С. Педагогический аспект изучения общественного сознания сибиряков (по материалам исследователей второй половины XIX в.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. № 1. С. 77.

[681] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 29. Л. 20.

[682] ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 76. Л. 3 (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

общественной деятельности музейного сообщества губернского Красноярска в первой половине 1920-х гг. свидетельствуют о ее успешной реализации через участие и/или организацию комплекса культурно-просветительных мероприятий, направленных на повышение общеобразовательного уровня жителей Красноярска и Енисейской губернии. Демонстрируя черты «адаптивной стратегии», общественная деятельность сообщества была нацелена на интеграцию «прежних норм научной жизни в новую реальность», как и действия российской научной общественности[683]. Музейным сообществом проводились выставочно-экспозиционные мероприятия в стенах Музея, культурно-досуговые – за пределами музея в форме выездных выставок, чтения лекций, работы в школах грамоты, проведения экскурсий в пределах города. Продолжившие свое развитие практики социального взаимодействия позволили значительно расширить масштабы музейного пространства за счет вовлечение обычных жителей Енисейской губернии в свою профессиональную деятельность. Важным результатом эколого-просветительной деятельности музейного сообщества губернского Красноярска стало создание особо охраняемой природной территории – заповедника Столбы. Таким образом, «задача изучения местной жизни», которая была для краеведов 1920-х гг. «неотделима от задачи участия в ней с целью содействия ее прогрессу» и которая могла «выражаться в самых разнообразных фактах от охраны памятников искусства и природы, от просветительской деятельности до общественного трудового строительства»[684], была музейным сообществом Красноярска реализована на практике в течение 5 лет.

В первой половине 1920-х гг. в процессах профессиональной и общественной деятельности, социального взаимодействия музейного сообщества с жителями города и губернии, с представителями научной общественности страны формировалось мнение современников о практической пользе деятельности музейного сообщества и его социально-профессиональных качествах.

---

[683] Гончаров Г.А., Баканов С.А., Гришина Н.В., Пасс А.А., Фокин А.А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2013. С. 112.
[684] Гринкевич В.К. Краеведение и марксизм // На новых путях краеведной работы. Л.: Культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование», 1926. С. 52–67.

2.3. Музейное сообщество в восприятии современников

Профессиональная и общественная деятельность музейного сообщества Енисейской губернии способствовала формированию особого имиджа сообщества у современников на протяжении всего рассматриваемого периода. В первой половине 1920-х гг., фиксируя отношение местных жителей к музейным процессам, региональная пресса продолжила оставаться, в том числе, и существенным фактором формирования общественного мнения в отношении деятельности музейного сообщества.

Легко представить себе чувства людей, уставших от хаоса войн и революций, которые читали в местной газете сообщения о том, что в Городском музее «экспонаты, сваленные в беспорядке, размещаются и приводятся в порядок»[685]. Темы приведения музея «в порядок» и надежды на то, что «с осени начнутся выставки»[686] и будут созданы новые музеи[687], стали частью информационного пространства местных печатных изданий с первых дней восстановления Советской власти. Возможно предположить, что идея о том, что период «беспорядка» постепенно заканчивается и жизнь не только музея, но и самих жителей «приводится в порядок», становится одним из сигналов возвращения к нормальной жизни.

О том, насколько значимой была деятельность музейного сообщества для жителей города, условия жизни которых характеризовались в местной прессе термином «разруха», говорят примеры публикаций, подготовленные в том числе рабкорами. Так, например, серьезную озабоченность вызывало расположение складов с горючими материалами под экспозиционными помещениями и рабочими комнатами сотрудников музея. Сам музей автор заметки называет «хранилищем», на создание которого было «потрачено много человеческой энергии и времени», и призывает общественность обратить на данный факт самое серьезное внимание и

---

[685] Городской музей // Красноярский рабочий. 1920. 18 мая. С. 2.
[686] Городской музей // Красноярский рабочий. 1920. 4 июля. С. 2.
[687] В публикациях речь идет об экологической инициативе музейного сообщества создания в Красноярске Ботанического сада (см. пункт 2.2)

убрать «опасные склады куда-нибудь подальше от музея». Поскольку только такие действия, по мнению рабкора, давали «единственную» возможность «устраивать в освободившемся помещении выставки»[688].

Другой темой публикаций не только региональной, но и сибирской прессы была проблема острой нехватки музейных площадей. Подчеркивая «громадную» потребность в новом здании Государственного музея Приенисейского края, журнал «Сибирская живая старина» указывал, что «тяжелое его положение больно» чувствовалось «всеми работниками краеведения в Сибири»[689]. Выведение Музея «из многолетнего жилищного кризиса» издание «Известия Красноярского Отдела Русского Географического Общества» рассматривало в качестве «первоочередной задачи» культурного строительства губернии[690]. Внимание прессы к данной проблеме отмечалось на заседаниях ЕнгубОНО, так на одном из них говорилось: «Главным образом тормозит дело отсутствие достаточного помещения, что обратило внимание и периодической печати, где была помещена соответствующая заметка»[691].

Возможности средств массовой информации нередко использовались и самим музейным сообществом для привлечения внимания обычных жителей и представителей органов местной власти к своим наиболее острым проблемам. Когда у музеев практически не было средств на приобретение экспонатов, «Красноярский рабочий» напоминал жителям губернии «какое большое значение имеет сосредоточение всех материалов в музее» и призывал «независимо от … политических убеждений» сдавать в музей «имеющиеся… материалы»[692].

Таким образом, музейный нарратив региональной прессы в советский период также продолжал оставаться важным фактором привлечения посетителей, пополнения музейных фондов и, в некоторой степени, оказывал влияние на речь

---

[688] Городской музей // Красноярский рабочий. 1920. Июль 4. С. 2.
[689] Работа на местах // Сибирская живая старина. 1924. Вып. II. С. 156.
[690] Красноярский городской музей // Известия Красноярского Отдела Русского Географического Общества. 1924. Т. 3. Вып. 2. С. 51.
[691] ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. Л. 37.
[692] Идите на выставку! Каждый должен знать свой край // Красноярский рабочий. 1924. № 237. С. 6.

местных жителей. Так, например, школьники завершили свой отзыв о посещении Музея сожалением о том «… что не все его отделы доступны в данное время публике»[693]. Такая формулировка свидетельствует о проникновении стилистки газетно-журнальных текстов в речь юных сибиряков, во всяком случае в письменную.

Отмечая уникальные коллекции и колоссальный объем проводимой сотрудниками минусинского музея им. Н.М. Мартьянова научно-исследовательской работы, журнал «Сибирская живая старина», называл сам музей «хранилищем малодоступным для взора обычных людей»[694]. Доступным «взору» оставалось только здание музея и прилегающая к нему территория.

Напрашивается предположение, что отсутствие информации в минусинской газете «Власть труда» о профессиональной деятельности сотрудников могло быть причиной претензий жителей в адрес музея. Так, например, горожане писали в газету даже о том, что «… при Н.М. Мартьянове деревьев было больше…» В ответ директор музея В.Д. Кожанчиков вынужден был отвечать на поступившее обвинение, в котором «…сквозил намек на то, что мой скот уничтожил эти деревья», и оправдываться: «…заведывание я принял 15 декабря 1915 года, и в то время количество деревьев было такое же, как теперь. Н.М. Мартьянов умер в 1904 году, и все деревья за исключением одного тополя моложе 20 лет, что любой лесовод может установить. Следовательно, этих деревьев при Н.М. не было. Действительно, пострадали кусты акации, но гораздо раньше, чем я скот завел, и от других причин». Тем не менее, в конце заметки В.Д. Кожанчиков обещал при первой же возможности кусты заменить деревьями[695]. Таким образом, отраженная в локальном издании «конфликтная» ситуация может быть рассмотрена как одно из свидетельств не самого позитивного имиджа музея среди жителей г. Минусинска. Первое на что обратили внимание минусинцы, посетившие «Уголок

---

[693] КККМ. Оп. 01. Д. 376. Л. 6 (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора сохранены))
[694] Работа на местах // Сибирская живая старина. 1924. Вып. II. С. 156.
[695] Отклики // Власть труда (Минусинск). 1924. № 1. С. 4.

Сурикова» в Государственном Музее Приенисейского края, были «подробные и хорошие пояснения» сотрудников красноярского музея[696].

Другим важным источником информации о восприятии современниками деятельности музейного сообщества в первой половине 1920-х гг. является факт того, что музейное пространство стало для местных жителей местом комфортного проведения свободного времени. Так, например, в июне 1924 года, члены профсоюза работников печатной промышленности посетили выставку «Производительные силы Приенисейского края». Оказался ли удачным опыт совместного проведения времени, или же в результате осмотра выставки у посетителей появилось желание получить дополнительные сведения, в любом случае, экскурсией в музей печатники не ограничились. Вечером того же дня экскурсия была продолжена на Афонтовой горе, у подножия которой в этот период проходили археологические раскопки. «В живой, увлекательной беседе один из руководителей работ на раскопках, т. Громов рассказал участникам экскурсии о жизни и нравах доисторического человека. Много интересного дала эта экскурсия»[697] – писал в «Красноярском рабочем» рабкор П.М. Кроме того, призыв-сожаление автора – «Почаще бы устраивать их!» – свидетельствует о разнице в доступности культурного времяпровождения между жителями сибирской провинции и столицы. Так, например, в записи от 25 января 1922 года в дневнике тринадцатилетней московской школьницы Иры Даевой упоминается о том, что в течении недели ее «класс два раза был в Историческом музее»[698]. Однако, существование определенной разницы в доступности музейно-экскурсионной деятельности следует отметить и у жителей центра губернии и ее периферии. В своем отзыве от 4 января 1925 года о посещении выставки «Естественные производительные силы Енисейской губернии», давшей «реальное представление о нашем крае», учительница Вознесенской школы Красноярского уезда Яськова высказала намерение «при удобном случае … приехать с ребятишками в

[696] КККМ. Оп. 01. Д. 385. Л. 3об. Отзыв от 11.06.25 г. (рукописный оригинал)
[697] П.М. Экскурсия печатников // Красноярский рабочий. 1924. № 129. С. 3.
[698] Дневник Иры Даевой – московской школьницы. Запись от 25 января 1922 года. URL: http://prozhito.org/notes?date=%221922-01-01%22&diaries=%5B136%5D

г. Красноярск и сделать экскурсию в музей»[699]. Таким образом, несмотря на нередко негативное отношение новой Советской власти к «старой» культуре, на то, что «новые идеи и формы новой жизни обступали рядового обывателя со всех сторон»[700], музеям, созданным до революции, и их сотрудникам принадлежала важная роль в становлении гражданской идентичности.

Исключительно значимым и совершенно уникальным источником информации о восприятии современниками деятельности музейного сообщества в первой половине 1920-х гг. являются отзывы посетителей выставок Государственного музея Приенисейского края, свидетельствующие о том, что, образуя контактное пространство, выставки предоставляли посетителям разные возможности и вызывали смешанные эмоции.

Содержание отзывов можно условно разделить на следующие категории: 1) Отзывы, написанные либо от себя лично, либо от имени коллектива экскурсантов: а) краткие и б) развернутые; 2) Отзывы, характеризующие результаты деятельности музейного сообщества, в которых содержатся: а) слова благодарности в адрес сотрудников музея; б) критика и в) рекомендации по организации дальнейшей работы; 3) Дескриптивные отзывы с описанием результатов посещения выставок, в которых авторы отмечают а) положительные эмоции от посещения музейного пространства; б) важность посещения музейного пространства для своего когнитивного развития; в) эстетическое наслаждение от посещения выставок; г) выражают чувство сопереживания теме и контенту выставок. Авторская типология отзывов представлена в Приложении 2 (Таблица 7) и представляет собой достаточно удобный инструмент для выявления отношения современников к деятельности музейного сообщества, стимулов посещения музея, совпадения или несовпадения впечатлений посетителей выставки от идеи ее организаторов.

---

[699] КККМ. Оп. 1 Д. 384. Л. 4об. (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

[700] Лебедева В.Г. Судьба массовой культуры в России. Вторая половина XIX – 1-ая треть XX века. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 182.

Как свидетельствуют тексты отзывов, каждый посетитель выставок Государственного музея Приенисейского края в первой половине 1920-х г. находил для себя полезную информацию.

Так, в декабре 1924 года выставку «Естественные производительные силы Енисейской губернии» посетили 20 учащихся Ликпункта № 8 Закачинского района, оставив краткий дескриптивный отзыв от имени коллектива. В рассматриваемый период возникшая в губернском центре приблизительно в 1850-е гг. Закачинская слобода выделялась как особый отчетливо маргинальный периферийный территориальный кластер[701]. Жители слободы занимались в основном кустарными промыслами, в том числе рыбным. Возможно поэтому посетителям Закачинского района «особенно понравился отдел рыболовства»[702].

О получении положительных эмоций после посещения этой же выставки писали школьники в своем развернутом сочинении-отзыве: «Веселые шли мы обратно с твердым намерением посетить музей еще не один раз». Свое желание вернуться в музей объясняют практической пользой экскурсии в музей. «В нем есть чему научиться» – резюмировали свой отзыв юные посетители[703]. Насколько оживлялась жизнь школьников после посещения музейного пространства дает представление отзыв от 27.01.25 г., оставленный учительницей Л. Свирской, посетившей выставку вместе с 13 учениками 4 группы Еврейской школы Красноярска: «Еле увела детей несмотря на то, что пробыли два часа. Расспросов и удивления было без конца. Просили передать глубокую благодарность, к которой присоединяюсь и я. Руковод. Л. Свирская»[704].

Об успешности деятельности музейного сообщества по популяризации исторических знаний свидетельствуют отзывы посетителей выставки «Декабристы в Енисейском крае», вызвавшей у жителей Енисейской губернии вполне

---

[701] Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О. "Частный сектор": не-городские пространства и сообщества российского города. Иркутск: Оттиск, 2023. 128 с.; Чураков С.К. «Советская субурбия» // Городская среда и городское развитие. М., 2020. С. 23–31.

[702] ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 11. Л. 53; КККМ. Оп. 1 Д. 384. Л. 4 (рукописный оригинал.)

[703] КККМ. Оп. 01. Д. 376. ЛЛ. 2–5 (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора сохранены)

[704] КККМ. Оп. 01. Д. 384. Л. 4об. (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

естественное чувство сопереживания. Большая часть отзывов являются написанными от себя лично, развернутыми, в которых авторы описывали свои чувства, вызванные выставкой. Так, например, на посетительницу (предположительно – фамилия неразборчиво) Мраморнову «Уголок “Судьи и палачи” произвел … удручающее впечатление». Тем не менее выставка способствовала формированию «представления о жизни декабристов и окружающей их обстановке», предоставила возможность соприкоснуться с «исторической личностью, в результате чего менялось ее восприятие». И декабристы для посетителей выставки в красноярском музее становились более близкими, понятными и знакомыми. «Придя на выставку и осмотрев все, – написала в своем отзыве другая посетительница Белякина – я поняла, какие великие люди были декабристы. Живя в такой обстановке, они хотели помочь народу. Выставка произвела на меня хорошее впечатление и навеяла грустное чувство. Я поняла сколько погибло великих и умных людей, которые могли бы принести большую пользу народу. Особенно мне понравились картины: Декабристы в Нерчинске на работе и как их везут в Сибирь, также книги и документы»[705].

В условиях Енисейской губернии первой половины 1920-х гг. наглядный принцип подачи экспонатов был не только «уступкой»[706] музейного сообщества образовательному уровню местных жителей, но, и способствовал усвоению знаний, полученных учащимися местных учебных заведений, о чем свидетельствует отзыв от 28 ноября 1924 года группы из 15 человек старшего подготовительного отделения Красноярского Землетехникума. В своем отзыве учащиеся не только указывают на «хорошее впечатление» от выставки, но и также отмечают, что содержание выставки предоставило им «возможность ознакомиться с теми экспонатами, которые проходили по географии и естествоведению»[707].

[705] КККМ. Оп. 01. Д. 387. ЛЛ. 1-1об. (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

[706] Туминская О.А. Просветительская деятельность Русского музея в 1920-х – 1940-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2020. Т. 11. № 1 (87). С. 549–559.

[707] КККМ. Оп. 1 Д. 384. Л. 2об. Отзыв от 28.11.24 г. группы из 15 человек старшего подготовительного отделения Красноярского Землетехникума (рукописный оригинал, орфография и пунктуация автора – сохранены)

Кроме того, содержание выставок позволяло посетителям сопоставлять знания, которыми они обладали, с тем, что они видели. Так красноармейцы, побывавшие на выставке «Производительные силы Приенисейского края» «больше всего интересовались зверем, так как почти все сибиряки – охотники. Ввиду прохождения в роте географии – рисунки и чучела дополнили знания», а также обратили внимание «на добычу золота и вообще металлов, их выработку»[708]. Таким образом, отзывы можно рассматривать как свидетельство успешной реализации Государственным музеем Приенисейского края возможностей музея как «орудия элементарного образования» и об успехах музейного сообщества использования музея в качестве значимого участника сферы непрерывного образования в первой половине 1920-х гг.[709]

В развернутых дескриптивных отзывах посетители Музея высказывали свои пожелания о наполняемости выставок дополнительной информацией. Так в отзыве от 16 февраля 1925 года, оставленным «группой партийцев (22 человека), приехавших из уезда на губернский съезд работников земли», говорится о необходимости «на карте (на путях пароходов) указать в цифрах расстояние». Свое пожелание «группа партийцев» аргументировала тем, что «…товарищи интересуются»[710]. Таким образом, отзывы, в которых идет речь о внесении изменений в содержание выставок, возможно рассматривать как восприятие посетителями ситуации посещения Музея на индивидуальном уровне.

Среди основных лейтмотивов отзывов посетителей выставок в Государственном музее Приенисейского края в первой половине 1920-х гг. необходимо выделить следующие:

1) высокую оценку качества контрактной работы музейного сообщества с посетителями музея. Например, «Очень хорошее впечатление представляет собой … выставка. Объясняли подробно и толково…» Другой пример – «Ни одна книга,

[708] КККМ. Оп. 01. Д. 388. Л. 2 об. Отзыв от 10.01.1924 г. руководителя 1 группы 4 роты 78 стр. полка (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора сохранены)
[709] Сизова И.А. Музей – активный участник рынка непрерывного образования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 225–231.
[710] КККМ. Оп. 1 Д. 384. Л. 4об. (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

ни одна лекция не дает столько, сколько дало посещение музея. Хорошо подобранный материал выставки и понятное объяснение дало полное представление об Енисейской губернии. Нужно удивляться сжатости и в тоже время полноте охвата содержания, вполне характеризующий данный отдел».

2) сожаления об отсутствии достаточных экспозиционных площадей или некоторых отделов. Например, в отзыве от 10 января 1924 года руководителя 2 группы 4 роты 78 стр. полка говорится следующее: «Жаль, что отсутствуют историч. и бытов. отделы». В отдельных случаях, сожаления аргументируются: «Жаль, что за недостатком помещения нельзя получить подробное представление о богатствах ископаемых нашей губернии», как писали в своем отзыве студенты II курса сельскохозяйственного отделения Красноярского политехникума (32 чел.)[711].

3) пожелания дальнейшего расширения музейного пространства: «Выскажу … пожелания в том, чтобы музей развертывал свои богатства»[712].

Таким образом, приоткрывая внутренний мир побывавших на выставках людей, тексты отзывов, написанные от себя лично и/или от имени группы, свидетельствуют не только о тяге посетителей к максимальному сближению с темами выставок, но и о том значении, которое деятельность музейного сообщества представляла для жителей Енисейской губернии в рассматриваемый период. С большой долей уверенности возможно предположить, что любой из оставленных отзывов не был уникальным и отражал мнение не только того человека, который его оставил. Кроме того, тексты отзывов свидетельствуют о реализации музейным досугом принципа опережающего развития[713] и могут служить одним из аргументов в пользу трансформации городского публичного культурного пространства. Во-первых, сам факт посещения музея говорит о внутреннем принятии ситуации. Во-вторых, грамотность развернутых дескриптивных отзывов фиксирует успехи просветительных мероприятий на территории региона, так как

[711] КККМ. Оп. 01. Д. 388. Л. 2об.; Д. 384. Л. 2об. (рукописные оригиналы. Орфография и пунктуация авторов – сохранены)
[712] КККМ. Оп. 1. Д. 384. Л. 4об. Отзыв от 7.12.24 г. организация «ю.п. школы №8 имени тов. Троцкого (46 чел.) (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)
[713] Хренов Н.А. Социальная психология зрелищного общения. История и теория. Москва: Юрайт, 2024. С. 506–507.

среди посетителей были не только жители столицы губернии, но и уездных городов и сельских территорий. Так, например, литературный язык отзыва экскурсанта И. (фамилия неразборчиво), побывавшего в «Уголке Сурикова» (отдел Старого Красноярска) 3 июня 1925 года в составе экскурсии Ачинской 9-летней школы (40 чел.) требует полной цитаты: «Уголок обставлен хорошо, и мы, Ачинцы, впервые имели возможность полюбоваться не копиями картин, а оригиналами их. И так и чувствуется, веет жизнью, энергией, мощью, а еще больше всего красотой от каждого наброска. Мы не особенно тонкие ценители искусства, но тем не менее, некоторые картины приковали наше внимание, и в нашем воображении ясно вырисовываются несколько моментов из нашей старины. Хорошее впечатление осталось у нас, и приходится пожалеть, что у нас так мало времени, что мы не в состоянии более подробно остановиться и, если не изучить, то хотя бы более подробно рассмотреть творения нашего великого художника. А стоило бы, ибо кроме того, что В.И. Суриков большой мастер кисти вообще, он еще нам близок как сибиряк, как земляк. Спасибо руководителям, котор. дали нам возможность украсить нашу экскурсию, также благодарим руководителя, котор. нам в кратких и простых словах начертал главные моменты жизни В.И.»[714]. Для сравнения – пример синтаксической «небрежности» в отзыве от 18 июня 1925 года за подписью А. Савинных[715]: «После долгого отсутствия из далекой родной Сибири с большой радостью увидел художественный уголок Сурикова который по-моему мнению будет служить путеводным огоньком для молодых возрождающихся художников Сибири которые, идя путями Сурикова покажут что и Сибирь в культуре играет не последнюю роль. От души желаю процветания»[716].

Другим значимым показателем, позволяющим сделать вывод о том, каким оказался личный опыт посетителей выставок, служит почерк авторов отзывов, ведь оставленные записи исключительно рукописные. Тексты отзывов представляют

[714] КККМ. Оп. 01. Д. 385. Л. 3 (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора сохранены)
[715] Курыгин Ал.А., Тарбаев И.С., Семенов В.В. Академик Андрей Григорьевич Савиных (1888–1963) // Вестник хирургии имени И. И. Грекова. 2018. № 177(6). С. 8–10.
[716] КККМ. Оп. 01. Д. 385. Л. 4 (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора сохранены)

собой «беловые» варианты, как правило, лишенные сокращений, исправлений или вставок. Почерк более 90% исследованных отзывов представляет собой ровную по наклону, красивую по начертанию скоропись. Подобные условия исключены в момент непосредственной фиксации материала[717], следовательно, приведенные характеристики свидетельствуют о том, что посетители писали тексты отзывов в спокойных условиях, в удобной позе, не торопились покинуть здание Музея, что свидетельствует о комфортной психологической обстановке, в которой пребывали посетители Государственного музея Приенисейского края. Об этом же говорят и факты появления временных коллективов, как это произошло с группой печатников, продолживших экскурсию на Афонтову гору. С другой стороны, возможно предположить, что такая форма «обратной связи» помогала музейному сообществу взглянуть на свою деятельность «со стороны» и оценить ее результаты.

Еще одним существенным и совершенно уникальным источником информации о восприятии современниками деятельности музейного сообщества в первой половине 1920-х гг. является содержание писем «бывших» сотрудников Музея, свидетельствующее о значимости коллектива и профессиональной деятельности для членов музейного сообщества. Так, П.П. Померанцев отмечал комфортный психологический климат в коллективе: «А я все больше вспоминаю, меня все больше тянет туда к Вам, где было так хорошо и уютно. А здесь дома – я не нахожу покоя, который я видел у Вас… когда по трудно сложившимся обстоятельствам приходилось с утра до вечера проводить у Вас в Музее. Эта привычка к Музею меня все больше тревожит и теребит»[718]. П.П. Беркутов вспоминал дружескую обстановку в Музее и в одном из писем признавался, что «не смотря на голод» который они с женой «испытывали в Красноярске», он «вновь с радостью бы поработал в …Музее»[719]. Высокий профессиональный уровень и

[717] Рындина О.М., Барсуков Е.В. Архив В.Н. Чернецова как творческая лаборатория исследователя (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 37. С. 228–238.

[718] КККМ. Оп. 01. Д. 372. Л. 55об. Письмо от 17.01.1921 из Уфы (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

[719] КККМ. Оп. 01. Д. 372. Л. 10. Письмо от 13.04.1921 из Омска (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)

особая корпоративная культура членов музейного сообщества отмечаются в письмах Г.П. Сосновского. Так в одном из них, датированным 2 февраля 1921 года из Иркутска, Г.П. Сосновский пишет следующее: «Очень рад что в музее Приенисейского края попрежнему идет работа. Красноярцев я всегда ставлю в пример другим, у вас есть организация, любовь к делу и творчество»[720]. Благодарил сотрудников музея за помощь и сохранение оборудования геолог первой Специальной метеоритной экспедиции Российской Академии наук С.В. Обручев[721].

Рассмотренные выше письма были написаны временными сотрудниками Музея, так сказать, «по горячим следам». И можно было бы их рассматривать как обычные благодарственные письма, если бы не объединяющий их своего рода лейтмотив – в письмах отмечается, что «привычка к Музею» являлась важнейшим фактором существования уникального профессионального сообщества. Не только содержание писем, но и их грамматический компонент – использование заглавной буквы при упоминании прежнего места работы – служат дополнительным источником понимания особого статуса Музея для его сотрудников, даже в том случае, когда они становились бывшими. Свои письма из Мюнхена Геро фон Мергарт начинал словами: «Любимый Музей». С теплотой вспоминая время «музейного сотрудничества», Мергарт благодарил М.В. Красноженову и А.Н. Соболева за письма, доставившие ему «особую радость», продолжал присылать в Музей свои труды, оказывал содействие в рассылке отчетов Музея[722]. Таким образом, содержание писем свидетельствует о совершенно уникальном профессиональном коде музейного сообщества.

Подводя общий итог Главе 2, отметим, что исследование основных характеристик профессиональной и общественной деятельности музейного сообщества, отношения современников позволили выявить роль музейного

[720] КККМ. Оп. 01. Д. 372. Л. 92. Письмо от 2.02.1921 из Иркутска (рукописный оригинал. Орфография и пунктуация автора – сохранены)
[721] ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 6. Л. 12. Без даты (рукописный оригинал)
[722] КККМ. Оп. 01. Д. 372. ЛЛ. 36–39; Д. 363. Л. 7; Кочкина Е.И. Международный книжный обмен красноярского музея в 1889–1930 гг. // VIII Юдинские чтения. Красноярск: ГУНБ КК, 2015. С. 85.

сообщества в локальном и региональном культурном пространстве Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.

Социальный резонанс и устойчивый интерес к сохранению культурно-исторического наследия и историко-краеведческим исследованиям отчетливо проявились непосредственно после наступления относительно мирной жизни. Музейное дело стало не просто аспектом досуговой деятельности, но и важным фактором формирования «нового» советского человека. Традиционные формы работы музейного сообщества сохранили свою актуальность, но дополнились рядом других, возникшими в результате требования момента, что свидетельствует об умении предвидеть дальнейшие направления развития музейного дела и исторической науки. В пределах Енисейской губернии комплекс мероприятий, обеспечивавший решение стоявших перед музеями задач, реализовывался сотрудниками всех созданных в досоветский период музейных учреждений. Решение задач осуществлялось в экстренном порядке, без надлежащей подготовки из-за стихийности возникавших проблем, требовавших немедленного решения, отсутствия планов организации работы, финансового обеспечения. В целом, сибирские музеи понесли значительные потери в этот период: пропали многие ценные предметы, коллекции, были разрушены здания музейных учреждений, многие сотрудники не смогли возобновить свою деятельность, уехали или погибли. В тех случаях, когда музеи продолжали свою деятельность, исследователями отмечается прием посетителей «с перебоями», в связи с изменениями графика работы, необходимость узнавать часы работы музея в СМИ. Таким образом, исследователи отмечают временное прекращение научно-исследовательской и экскурсионной работы, отсутствие организованности в деятельности многих сибирских музеев. Сотрудникам Государственного музея Приенисейского края удалось сохранить существовавшие музейные коллекции, спасти от гибели и поместить в Музей новые экспонаты, в том числе, имевшие исключительную ценность для сохранения истории местного социума, значительно увеличить фонды. Организация и регулярное проведение выставочно-экскурсионных мероприятий, как другое важное направление профессиональной деятельности,

оказали существенное влияние как на содержание и качество культурной жизни Енисейской губернии, так и на формирование позитивного имиджа ее жителей (так, например, жительница Хакасского уезда Мария Путилова в своем заявлении в отборочную комиссию Хакасского Укома РКБ(б) просила направить ее на «бесплатное обучение в … Красноярск *среди развитых людей* (курсив мой – С.В. Бершадская)»[723]). Сыграв решающую роль в создании особо охраняемой природной территории – заповедника Столбы – общественная деятельность сообщества проявилась в эколого-просветительных мероприятиях, сохранении природного наследия региона. Таким образом, характерной особенностью стал интерес жителей к далекому прошлому и к новейшей истории, к возможности сохранения природных реликвий Енисейской губернии, что подтверждается фактическими данными об особенностях восприятия профессиональной и общественной деятельности музейного сообщества современниками, отражающими объективные и выражающие субъективные отношения. Несмотря на то, что «музейное дело» нельзя рассматривать в качестве тематической доминанты публикаций местных средств массовой информации, тем не менее, как само «дело», так и все его «кризисы» и достижения, продолжали, с одной стороны, формировать «музейный» нарратив, с другой, отражать специфику коллективной ментальности местного социума в отношении деятельности музейного сообщества. Отзывы посетителей и содержание писем коллег свидетельствуют о значимом объеме позитивной эмоциональной информации и высокой оценке современниками деятельности музейного сообщества в первой половине 1920-х гг.

[723] ГКУ Республики Хакасия «Национальный архив». ФП-14. Оп. 1. Д. 124. Л. 29 (рукописный оригинал)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования автором выявлены основные направленности профессиональной и общественной деятельности музейного сообщества, их влияние на развитие сообщества и музейно-культурного пространства Енисейской губернии в конкретно-исторический период.

В конце XIX в. – 1914 г. динамика общероссийских и сибирских социокультурных процессов создавала благоприятные условия для развития музейно-культурного пространства, формирования новых поведенческих императивов в сфере свободного времени жителей Енисейской губернии. Локальной особенностью формирования музейной сети является организация музеев историко-краеведческого профиля: 1) как самостоятельных учреждений во всех городах губернии; 2) в направлении от периферии – с уездных городов максимально удаленных от столицы губернии – к центру; 3) социально активными горожанами, не имевшими профессиональной подготовки и достаточных финансовых возможностей и проявившими себя в создании новых институтов городского культурного публичного пространства. Становление сети в основном завершилось к 1912 году. Музейные коллекции, собранные при активном участии местных жителей, приобрели публичный характер, были включены в городскую социокультурную и/или социально-профессиональную сферы, что способствовало изменению восприятия памятников истории и/или культуры местным социумом как части общей доступной для всех желающих культуры. Устойчивая положительная динамика роста музейных фондов обеспечивала вхождение музеев Енисейской губернии в музейный мир Сибири, оказывая на его развитие опосредованное влияние. Таким образом, с момента образования первых музеев «местного края» Енисейской губернии, деятельность являлась основным условием и фактором формирования музейного пространства и сообщества. Несмотря на свой общественный характер, ее эффективность увеличила количественные и качественные характеристики культурного пространства, способствовала зарождению традиции музейного досуга.

Музейная культура продолжала оставаться частью социокультурного пространства в кризисный период 1914 – 1919 гг. Деятельность музейного сообщества, в том числе его временных членов, оказавшихся в составе сообщества в результате военных и революционных событий, заключалась в сохранении культурных и исторических ценностей, проведении лекций и организации выставочно-экспозиционных и экспедиционных мероприятий, т.е. являлась деятельностью общественно-полезной, результат которой приносил практическую пользу и способствовал сохранению и дальнейшему становлению музейного пространства и сообщества. Совокупность приобретенных навыков социально-профессиональной деятельности оказалась актуальной впоследствии, заложив фундамент участия в развитии музейно-культурного пространства в последующий период. На момент восстановления Советской власти, воспринятое как важное условие стабилизации и развития, Красноярский городской музей представлял собой достаточно устойчивую форму социальной организации, что позволило его коллективу адаптироваться под новые социокультурные вызовы в экстремально короткий период времени и оказать дальнейшее влияние на социокультурный ландшафт региона.

На развитие музейного дела Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. оказал влияние ряд обстоятельств. Прежде всего, совпадение социально-профессиональных ценностей музейного сообщества с приоритетными направлениями государственной политики в музейной сфере. Органы региональной Советской власти осознавали практическую ценность местных музеев и оказывали их сотрудникам посильное содействие. Тем не менее, выявленные в ходе исследования факты свидетельствуют об определенной двойственности в деятельности властей. С одной стороны, музеи рассматривались как один из способов просвещения в основном малограмотного населения, что имело значение для формирования культурного потенциала местного социума. С другой стороны, проблемы музейного дела решались по остаточному принципу, особенно когда речь шла об интересах местной партийной власти. Тем не менее, бесспорной заслугой местной Советской власти является сохранение: 1) музейной

сети, созданной в дореволюционный период; 2) высококвалифицированного кадрового состава, что составляет контраст с более поздними историческими этапами. На протяжении всего рассмотренного периода, слабая материальная база не всегда приводила к достижению желаемого результата, что негативно сказывалось на: 1) условиях профессиональной деятельности (недостаточность экспозиционных, рабочих и складских помещений, сложности поддержания тепла в зимний период); 2) наполняемости рабочих будней деятельностью, непосредственно не связанной с профессиональными обязанностями; 3) уровне оплаты труда музейного сообщества. Негативные аспекты условий деятельности существенно снижали возможности музейного сообщества. Однако, препятствовавшие реализации потенциала музея внешние неблагоприятные воздействия и влияния, которые сообществом умело разрешались, необходимо рассматривать как один из факторов успешного развития музейного дела Енисейской губернии.

Роль музейного сообщества в культурном пространстве Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. определялась профессиональной и общественной направленностями деятельности, способствовавшими формированию особого образа музейного сообщества и нашедшими свое отражение в восприятии современников.

В профессиональной деятельности музейное сообщество раскрыло свой потенциал через развитие музейного пространства и восстановление в течение 5 лет посещаемости, зафиксированной в досоветский период. Сложившиеся взаимоотношения внутри коллектива, с городским социумом, научной общественностью страны позволили вести работу в нескольких направлениях: организация и проведения комплекса охранно-спасательных мероприятий, нацеленных на сохранение исторических и культурных ценностей, проведение прорывных, для исследованного периода, научных исследований, сбора материалов личного происхождения и сибирских печатных СМИ. Важными аспектами деятельности являлись публикационная активность и участие и/или организация деловых публичных мероприятий регионального и общесоюзного

уровней, вносивших свой вклад, в том числе, и в становление позиции Государственного музея Приенисейского края в формировании и трансляции позитивного имиджа Енисейской губернии рассмотренного периода и, в целом, актуализации локального музейного опыта для перспективного развития музейно-культурного пространства страны. Фонды Государственного музея Приенисейского края с 117 593 пред. в 1920 году увеличились до 146 712 пред. на конец 1925 года, т.е. почти на 30%, при этом значительная доля приходится на традиционные частные пожертвования. Положительная динамика посещаемости выявлена на протяжении всего рассмотренного периода. Однако, именно в первой половине 1920-х гг., в условиях посттравматического синдрома военного и революционных событий, оказавших мощное негативное воздействие на психику людей, музейный досуг приобрел особую актуальность и имел все характеристики того, что в современных условиях называют «безбарьерной средой» и/или «инклюзивностью». Кроме того, учитывая уровень образования части посетителей, профессиональная деятельность музейного сообщества стала важным гуманитарным механизмом культурной интеграции. Принимая во внимание то, что часть посетителей оказались в Енисейской губернии в результате миграционных процессов, содержание выставок, организованных музейным сообществом, способствовало формированию местной идентичности, преодолению распространенных стереотипов о Сибири и сибиряках, что не потеряло своей актуальности и в наши дни. В обеспечении качества проведения выставочно-экскурсионных мероприятий значительное место занимала организация контактной – групповой и индивидуальной – работы, которая включала сопровождение и дачу пояснений. Контактная работа имела ярко выраженный просветительный эффект, так как сотрудники музея разными способами транслировали не только свое отношение к научной информации, содержавшейся в выставке, но и свою нравственную и эмоциональную позиции, определявшиеся внутренними ценностными установками. На базе музейного сообщества складывались постоянно действовавшие коллективы (кружки и т.д.), а также временные самоформирующиеся коллективы. Эти характеристики процесса

профессиональной деятельности ориентировали музейное сообщество на использование разнообразных способов конструктивного взаимодействия, что способствовало раскрытию и реализации человеческого потенциала. В этом контексте, профессиональная деятельность музейного сообщества являлась деятельностью, прежде всего, гуманитарной и создавала интегративные условия социально-значимым направлениям работы.

Музейное сообщество в общественной направленности деятельности раскрыло свой потенциал через организацию и/или сопровождение археологической, краеведческой и массовой культурно-досуговой деятельности жителей Енисейской губернии, что позволяет говорить о «физическом» расширении границ музейного пространства. Став своеобразным «центром» оказания информационных и консультационных услуг, участвуя в комплексе государственных мероприятий по ликвидации неграмотности, музейное сообщество способствовало решению актуальных общезначимых задач – повышения общеобразовательного и общекультурно уровня местного социума, преодоления культурной «инертности». Один из самых ярких примеров эффективности общественной деятельности представляет собой организация в 1920–1925 гг. заповедника Столбы. Результаты исследования выявили трансформацию в течение 5 лет структуры городского культурного публичного пространства на официальном уровне, на уровне повседневности – положительные тенденции в структуре ценностных ориентаций горожан. Реализация эколого-просветительной деятельности музейного сообщества может рассматриваться в качестве утвердительного (хотя и частичного) ответа на вопрос В.Г. Рыженко о том, «…было ли связано выполнение профессиональных функций интеллигенции с потребностями «местной» культуры, а его результаты – с приращениями или утратами в культурно-цивилизационном ландшафте…», заданный в отношении крупных городов Западной Сибири[724], поскольку результат этой инициативы является визитной карточной Красноярского края и в настоящее время. В этом

[724] Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, историографии, методов исследования. С. 163.

контексте, общественную деятельность музейного сообщества Енисейской губернии в региональном и локальном культурном пространстве первой половины 1920-х гг. необходимо рассматривать как важный гуманитарный механизм преодоления социальной изоляции как жителей города, так и тех людей, кто оказался в городе в результате миграционных процессов. Профессиональная и общественная направленности деятельности музейного сообщества Енисейской губернии способствовали формированию особого образа музейного сообщества, как социальной и профессиональной группы, и нашли свое отражение в восприятии современников.

Сведения, содержащиеся в обнаруженных в ходе исследования источниках личного происхождения, позволили выявить формировавшееся на протяжении рассмотренного периода особенности профессиональной субкультуры, положительные характеристики отношения коллег по профессии к деятельности музейного сообщества Енисейской губернии и оценки ее результатов, а также комфортный психологический климат в коллективе. Другим свидетельством позитивной общественной реакции на происходившие в музейном сообществе процессы является информационная реальность региональных и локальных СМИ. Наибольшее внимание уделялось значимости деятельности сотрудников музея, ее проблемам, статистической и справочной информации. Еще одним подтверждением являются отзывы посетителей, зафиксировавшие факт того, что музейно-экскурсионная направленность деятельности делала членов музейного сообщества наиболее близкими и постоянно взаимодействовавшими с посетителями людьми, что объясняет совпадение впечатления от выставок и экскурсий посетителей и замысла организаторов. Отзывы посетителей, отмечавшие успехи, достигнутые благодаря тому опыту, который они приобрели в результате посещения музея, говорят о повышении уровня интеллектуального запроса жителей отдаленной от центра сибирской территории. В целом, исследованные документы не выявили идеологической направленности деятельности музейного сообщества и свидетельствуют, что в условиях трансформации музейно-культурного пространства, выполняя в городском

культурном пространстве интегративную функцию, музейное сообщество Енисейской губернии, как соорганизатор, посредник и непосредственный участник местного социума, реализовывало свою роль через разнообразие содержательных направлений деятельности, ориентированных на удовлетворение общих потребностей и интересов. Не менее важным показателем отношения местного социума к деятельности сообщества рассматриваются исключительно немногочисленные факты деликветного поведения местных жителей в отношении музеев.

Таким образом, профессиональную и общественную деятельность музейного сообщества Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. справедливо будет трактовать как гуманитарное и профессиональной присутствие музейного сообщества в городском культурном пространстве, позволившее найти оптимальную модель взаимодействия музея, общества и государства. Устойчивое расширение масштабов гуманитарного и профессионального присутствия в культурном пространстве региона, позволяет сделать вывод об успешной деятельности. Результативность деятельности свидетельствует об эффективности социального взаимодействия, которое существовало, так как оно носило характер конструктивного диалога.

Особенность музейного сообщества Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. составило вхождение в состав представителей гуманитарных профессий, имевших высшее или среднее историческое, биологическое, геологическое и географическое образование. Внедрение в сообщество неспециалистов можно объяснить отсутствием специальных подготовительных учреждений. Профессиональная субкультура музейного сообщества определялась не только особенностями социально-профессиональной деятельности. Неотъемлемую часть социально-профессиональной идентичности составили высокий уровень образования, интеллигентность, сострадание, толерантность, интегрированность в сибирское и российское научное сообщество. Таким образом, основными качествами музейного сообщества являлись многообразие и самодостаточность, ставшие залогом его устойчивости и развития; основными критериями становления

и развития – высокий уровень мотивации, профессиональная пригодность и психологическая совместимость его членов, сформировавшие особую интеллектуальную среду. Выявленные характеристики дают основание рассматривать Государственный музей Приенисейского края в первой половине 1920-х гг., с одной стороны, как значимую динамическую силу в культурном пространстве губернии, с другой, как социальную систему, фундаментальной составляющей которой выступало музейное сообщество – коллектив, достигший такого уровня развития, который позволил ему быть способным на самостоятельную преобразующую деятельность. Таким образом, выявленные через картину социального взаимодействия особенности музейного дела и роли музейного сообщества в культурном пространстве характеризуют общественную сущность сообщества и обозначают совокупность его профессиональных и социальных свойств и качеств, которые оно выработало в условиях переходного периода. Понимание смысла своей деятельности как комплекса мероприятий, результаты которых должны быть доступны и понятны, приносить когнитивную и эмоциональную пользу являлось доминирующим среди музейного сообщества, деятельность которого составила основу реализации профессиональной и общественной миссии, что необходимо рассматривать как важный гуманитарный механизм диверсификации, в отдельных случаях трансформации, культурного пространства Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Красноярского края (ГАКК)

ФР-1380. Общество изучения Красноярского края. гор. Красноярск.

1. ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 1. Общество изучения Красноярского края. гор. Красноярск. Годовые отчеты Красноярского отдела Государственного географического общества. 1920 г. (11 л.)

2. ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 2. Общество изучения Красноярского края. гор. Красноярск. Протоколы Распорядительного комитета Красноярского отдела Государственного географического общества. 1920 г. (14 л.)

3. ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 6. Общество изучения Красноярского края. гор. Красноярск. Переписка Красноярского отдела Государственного географического общества с разными учреждениями и лицами. 1920 г. (17 л.)

4. ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 11. Средне-Сибирский отдел Государственного географического общества г. Красноярск Красн. округа. 1921 г. (43 л.)

5. ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 29. Отчеты Красноярского отделения Государственного географического общества, губернского бюро краеведения и заповедника «Столбы» за 1924–25 годы (54 л.) –

6. ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 32. Средне-Сибирский отдел Государственного географического общества г. Красноярска Каснояр. Округа. Сведения о работе Бюро краеведения. 1924–1925 (72 л.)

7. ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 33. Документы об образовании государственного заповедника «Столбы» (107 л.)

8. ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 44. Средне-Сибирский отдел Государственного географического общества. Переписка Красноярского отела Государственного географического общества с разными лицами и учреждениями. 1924 г. (79 л.)

9. ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 45. Средне-Сибирский отдел Государственного географического общества г. Красноярск Красноярского округа. Отчеты Красноярского отделения Государственного географического общества, губернского бюро краеведения и заповедника «Столбы» за 1925–26 годы (45 л.)

10. ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 57. Материалы по госзаповеднику «Столбы» (86 л.)

11. ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 64. Отчет Красноярского государственного Географического общества (31 л.)

ФР-1675. Степан Николаевич Мамеев. Краевед. Библиограф.

12. ГАКК. ФР-1675. Оп. 1. Д. 17. Документы о проведении выставки в Государственном музее Приенисейского края, посвященной 100-летию восстания декабристов (88 л.)

13. ГАКК. ФР-1675. Оп. 1. Д. 44. Что говорят иностранцы о Красноярске (8 л.)

ФР-177.

14. ГАКК. ФР-177. Оп. 1. Д. 40. Дневник учета проведенных культурных мероприятий Енгубпросом

ФР-2120. Александр Леопольдович Яворский. Краевед.

15. ГАКК. ФР-2120. Оп. 1 Д. 73. А.Л. Яворский и А.Н. Соболев «Столбы – государственный заповедник в окрестностях Красноярска» (19 л.)

16. ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 162. Дневник 6 января – 31 июля 1922 г. (машинопись, 11 л.)

17. ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 6. Материалы, собранные А. Яворским о стоянках столбистов (1889–1959) (170 л.)

18. ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 76. Дневниковые записи А.Л. Яворского 1926 год (рукопись, 47 л.)

19. ГАКК. ФР-2120. Оп. 1. Д. 9. Материалы, собранные А. Яворским о директоре Красноярского музея с 1905 г. А.Я. Тугаринове, его исследованиях Красноярского края (235 л.)

ФР-795. Государственный музей Приенисейского края.

20. ГАКК. ФР-795. Оп. 1. Д. 29. Отчеты Красноярского отделения Государственного географического общества, Губернского Бюро краеведения и заповедника «Столбы» за 1924–1925 гг. (54 л.)

ФР-796. Красноярский педагогический музей.

21. ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 5. Отчет о деятельности педагогического музея за 1922 год (28 л.)

22. ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 11. Протоколы заседания географической секции 21 октября 1924 года – 19 марта 1928 года. (57 л.)

23. ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 12. Сметы расходов по народному образованию, городских местных средств. 1924 – 1925. (9 л.)

24. ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 17. Списки книг, переданных из библиотеки педагогического музея в разные учреждения. 1924–1930 (239 л.)

25. ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 18. Годовой отчет о деятельности педагогического музея. 1925 год (10 л.)

26. ГАКК. ФР-796. Оп. 1. Д. 23. Отчеты о работе педагогического музея. 1926 год (16 л.)

ФР-93. Енисейский губернский отдел народного образования.

27. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 105. Переписка с комиссией по ликвидации неграмотности, с губполитпросветом о работе среди населения. 1921 год (218 л.)

28. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 160. Материалы (циркуляр, отчеты, смета, переписка) о ликвидации неграмотности в Енисейской губернии. Отчеты о работе политико-просветительного отдела Енисейского губоно и уоно. 1923 год (58 л.)

29. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 22. Протоколы заседаний инструкторов внешкольного подотдела. 1920 г. (165 л.)

30. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 29. Материалы (план, постановления, переписка) о ликвидации неграмотности среди взрослого населения губернии. 1920–1925 г. (48 л.)

31. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 296. Переписка с Енисейским губернским исполкомом о улучшении жизни детей, о ликвидации безграмотности. За 1924 г. (209 л.)

32. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 31. Материалы (протоколы, отчеты, лекции) о работе лекторов Народного университета за 1920 год (78 л.)

33. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 334. Статистические сведения о количестве и составе учащихся, в школах, детских домах, о национальном и социальном составе, о ликвидации неграмотности. За 1925 г. (45 л.)

34. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 38. Доклад об устройстве в г. Красноярске ботанического сада. 1920 г. (20 л.)

35. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. Общий отдел. Отчет отдела и секций, всех подотделов отдела народного образования. 1920 г. (129 л.)

36. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 40. Отчет о работе Енисейского губернского отдела народного образования и его подотделов за сентябрь-декабрь 1920 г. (41 л.)

37. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 90. Отчет о работе Енисейского губоно. За 1921-1925 гг. (226 л.)

38. ГАКК. ФР-93. Оп. 4. Д. 18. Личный состав Губоно и подведомственных ему учреждений. 1924 г. (465 л.)

39. ГАКК. ФР-93. Оп. 4. Д. 3. Переписка с Енисейским губернским отделом ГПУ, Енисейской губернской комиссией по предоставлению отсрочек призыва на военную службу, о предоставлении отсрочек от призыва в Красную Армию рабочим и служащим губернии. Сведения о работе учебных заведении, библиотек читален и агитпунктов. 1922–1923. (137 л.)

МКУ «Архив города Енисейска» (Архив Енисейска)

ФР-25. Исполнительный комитет Енисейского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Отдел народного образования.

40. Архив Енисейска. ФР-25. Оп. 1. Д. 15. Положения о политико-просветительной работе в уезде и оказании помощи голодающим (53 л.)

41. Архив Енисейска. ФР-25. Оп. 1. Д. 22. Енисейский научный музей им. Кытманова (1921)

42. Архив Енисейска. ФР-25. Оп. 1. Д. 23. Месячные отчеты о клубной и театральной работе в г. Енисейске. 1922 г. (49 л.)

МКУ «Архив города Минусинска» (Архив Минусинска)

Ф-100. Корженевский Вячеслав Станиславович.

43. Архив Минусинска. Ф-100. Оп. 1. Д. 23. Письма Станиславу от сестер Лидии и Ванды Коржаневских. 1901–1924 гг. (37 л.)

44. Архив Минусинска. Ф-100. Оп. 2. Д. 6. Письма на польском языке. 1920–1925 гг. (25 л.)

ГКУ Республики Хакасия «Национальный архив»

45. ГКУ Республики Хакасия «Национальный архив». ФП-14. Оп. 1. Д. 124. Хакасский Уком РКБ(б). Протоколы отборочной комиссии и заявления о направлении на учебу. 1925 г. (73 л.)

КГАУК «Красноярский краевой краеведческий музей» (КККМ)

46. КККМ. 6679/112.

47. КККМ. КПД 1725-38.

48. КККМ. Оп. 01. Д. 355. Отчет по Красноярскому музею 1914–1919 гг. Составлен А.Я. Тугариновым.

49. КККМ. Оп. 01. Д. 356. Отчет по Красноярскому городскому музею за 1919 год. Отчет составлен Директором Музея А.Я. Тугариновым.

50. КККМ. Оп. 01. Д. 357. Отчет по Музею Приенисейского края за 1920 год. Отчет составлен Директором Музея А.Я. Тугариновым.

51. КККМ. Оп. 01. Д. 358. Отчет по Музею Приенисейского края за 1921 год. Отчет составлен Директором Музея А.Я. Тугариновым (78 л.)

52. КККМ. Оп. 01. Д. 360. Отчет Государственного музея Приенисейского края за 9 месяцев (с 1 января 1923 г. по 1 октября 1923). Составлен А.Я. Тугариновым (8 л.)

53. КККМ. Оп. 01. Д. 361. Отчет Государственного музея Приенисейского края за 1924 год (1 октября 1923 года – 1 октября 1924 года). Составлен директором музея А.Я. Тугариновым (6 л.)

54. КККМ. Оп. 01. Д. 363. Отчет по Государственному музею Приенисейского края за 1924–25 год. Составлен директором А.Я. Тугариновым

(последний годовой отчет директора музея А.Я. Тугаринова. После его отъезда – А.Н. Соболев)

55. КККМ. Оп. 01. Д. 364. Отчет Государственного музея Приенисейского края за 1925–1926 гг. Написан зав. музеем А.Н. Соболевым (12 л.)

56. КККМ. Оп. 01. Д. 372. Переписка 1920 – 1933. Письма, имеющие отношение к деятельности музея (186 л.)

57. КККМ. Оп. 01. Д. 374. Документы о снабжении продуктами питания (пайки) коллектива музея в 1921–1923 гг. и некоторыми необходимыми товарами (керосин, спички и некоторые канцелярские товары) (41 л.)

58. КККМ. Оп. 01. Д. 376. Сочинение учащихся – впечатление о музее – о пушке на фасаде, по отделу природы и археологии. Посетили музей 13 мая 1923 г. (Рукопись с иллюстрациями, 7 л.)

59. КККМ. Оп. 01. Д. 377. Протокол заседания на Ширинском курорте.

60. КККМ. Оп. 01. Д. 384. Тетрадь для учета экскурсий с отзывами по выставке «Естественные производительные силы Енисейской губернии». 1924–1925 (рукопись, 24 л.)

61. КККМ. Оп. 01. Д. 385. Тетрадь учета посетителей уголка (комнаты В.И. Сурикова с отзывами о выставке. Записи с 25 марта 1925 г. по 19 августа 1926 г. (рукопись, 9 л.)

62. КККМ. Оп. 01. Д. 387. Тетрадь учета экскурсий с отзывами о выставке «Декабристы в Енисейском крае», посвященной 100-лентему юбилею декабрьского восстания. Функционировала с 27.12.25 по 07.02.1926. Записи декабрь 1925 – февраль 1926. (рукопись, 4 л.)

63. КККМ. Оп. 01. Д. 388. Материалы выставок: Отзыв о выставке «Производительные силы Приенисейского края», описание выставки к 300-летию Красноярска. 1924, 1928–34. (рукопись, 26 л.)

64. КККМ. ОФ 12216/1. Дневник М.Д. Соловьевой о поездке красноярской группы экскурсантов на выставку достижений сельского хозяйства в г. Москве (август–сентябрь 1923 года) (рукопись)

65. КККМ. ОФ 13020 / 54. Д. 10925.

66. КККМ. ОФ 13020 / 55. Д. 10926.

67. КККМ. ОФ 13049. Письма Тарасова Н.Г. (76 лет) из с. Балахты Марии Васильевне Красноженовой.

68. КККМ. ОФ 13138/34. Д11272. Письмо Турунова А.Н. М.В. Красноженовой. Г. Иркутск. 16 октября 1921 г.

69. КККМ. ОФ 13138/35. Д11243. Письмо Турунова А.Н. М.В. Красноженовой. г. Иркутск. 15 января 1922 г.

70. КККМ. ОФ 13138/37. Д. 11275.

71. КККМ. ОФ 6679/11. Устав Красноярского общественно клуба, внесённого 1 сентября 1916 г. определением Общего присутствия Енисейского Губернского правления.

72. КККМ. ОФ 6679/112. Устав Красноярского общества любителей драматического искусства г. Красноярска.

73. КККМ. ОФ 8171/ПИ 3484. «Великий путь: виды Сибири и Великой Сибирской железной дороги», Красноярск: издание М.Б. Аксельрод и Кº, 1899. 124 с.

74. КККМ. ОФ. 6600/347. Протокол №30 «О предполагаемой вечеринке» заседания бюро коллектива служащих Енисейского губернского союза кооператоров от 1.05.1919 г.

75. КККМ. ОФ. 6679/11.

76. КККМ. ОФ. 6679/112.

77. КККМ. ОФ-12216/1.

78. КККМ. ОФ-13020/36. Д.10907. Юдина Е.Л.

79. КККМ. ОФ-13049/37. Д.11007.

80. КККМ. ОФ1349/29. Д.10999.

81. Литературный музей им. В.П. Астафьева. Фонд И. Рождественского. Папка «Черновики, критика, рукописи и дневники».

КГАУК «Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова» (ЕКМ)

82. ЕКМ. Отчет Енисейского музея за 1921 г. (с 1 января 1921 г. по 1 января 1922 г.)

83. ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Енисейского научного музея с 1 октября 1922 по 1 октября 1923 гг. Заведующий музея Н. Кытманов.

84. ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Енисейского Научного музея имени Александра Игнатьевича Кытманова с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г.

85. ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Естественно-исторического и культурно-бытового Музея за 1924 – 1925 гг.

86. ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности естественно-исторического и культурно-бытового музея. 1925.

87. ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности Естественно-исторического и культурно-бытового Музея за 1926 г.

КГАУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова» (Минусинский музей)

88. Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 11. Документы о работе музея и библиотек Минусинского уезда. 1920–1926 гг. (82 л.)

89. Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 15. Документы (статистические сведения, акты, удостоверения, списки, переписка) о работе библиотечно-музейной секции Минусинского уездного исполкома. 1921 г. (99 л.)

90. Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 19. Акт описи имущества художника Г.И. Гуркина, анкета Л.В. Корженевской; переписка об организации работы музея, приобретении экспонатов и товаров. 1922 г. (19 л.)

91. Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 20. Переписка по научной и издательской деятельности, о поступлении предметов, работе библиотеки музея. 1922–1923 гг. (46 л.)

92. Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 22. Инструкции вышестоящих учреждений по планированию, финансовым вопросам. 1923–1926 гг. (46 л.)

93. Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 24. Годовой отчет о работе музея и библиотеки за 1923–1924 гг. (13 л.)

94. Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 29. Доклад о деятельности музея за 1924-1926 гг., справка о проведении инвентаризации экспонатов; список сотрудников. 1925–1926 гг. (75 л.)

95. Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 36. Перспективный план работы на 1926-1930 гг. Годовой отчет о работе музея за 1925-1926 гг. (на 56 л.)

96. Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 48. Годовой отчет о работе музея за 1927–1928 гг. Письмо В.Д. Кожанчикова о его службе в музее с 1915 по 1929 г. (20 л.)

Законы и нормативные акты

97. Декрет ВЦИК СНК Р.С.Ф.С.Р. «О передачи в ведение местных исполнительных комитетов музейных и художественных учреждений местного значения» от 14 сентября 1925 г. [Электронный ресурс]. URL: https://wfi.lomasm.ru/русский.декреты_ссср_1917-1992/декрет_вцик._снк_рсфср_от_14.09.1925_о_передаче_в_ведение_местных_исполнительных_комитетов_музейных_и_художественных_учреждений_местного_значения

98. Декрет ВЦИК СНК Р.С.Ф.С.Р. «Об упрощении гражданского аппарата Советской власти» от 28 декабря 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/16653-ne-pozdnee-27-dekabrya-proekt-dekreta-vtsik-i-snk-ob-uproschenii-grazhdanskogo-apparata-sovetskoy-vlasti

99. Декрет ВЦИК СНК Р.С.Ф.С.Р. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 7 января 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/356779-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-ob-uchete-i-ohrane-pamyatnikov-iskusstva-stariny-i-prirody-utverzhden-7-go-yanvarya-1924-goda

100. Декрет СНК Р.С.Ф.С.Р. № 492 «Об охране памятников природы, садов и парков» от 16 сентября 1921 года. [Электронный ресурс]. URL: https://wfi.lomasm.ru/русский.декреты_ссср_1917-1992/декрет_снк_рсфср_от_16.09.1921_об_охране_памятников_природы._садов_и_парков

101. Декрет СНК Р.С.Ф.С.Р. № 751 «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» от 19 сентября 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.info/node/31524

102. Декрет СНК Р.С.Ф.С.Р. № 794 «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.info/node/31571

103. Декрет СНК Р.С.Ф.С.Р. № 916 «Об охране научных ценностей» от 5 декабря 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/node/31956

104. Декрет Совета Народных Комиссаров Р.С.Ф.С.Р. «Об утверждении списка научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного управления научных и научно-художественных учреждений Народного Комиссариата Просвещения Р.С.Ф.С.Р.» от 17 февраля 1925 г. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/361451

105. Положение о Губернских комитетах по делам музеев и охране памятников искусства и старины, народного быта и природы (Губмузеях) № 187 от 23 мая 1921 г. // Архив Енисейска. ФР-25. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 58–59.

106. Постановление Народного Комиссариата Просвещения Р.С.Ф.С.Р. № 371 «Об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев» от 30 июля 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/node/38309

107. Приказ Всероссийского Главного штаба № 132 от 16 ноября 1920 г. // Бюллетень распоряжений (г. Енисейск). 1921. № 3.

Справочно-статистические материалы

108. Бюджет на народное образование в 1922-23 учебном году // Отчет о состоянии народного образования в Енисейской губернии IV-му Губсъезду Советов. Красноярск: Государственная типография, 1922. С. 27–29.

109. Бюллетень Енисейского губернского статистического бюро. 1921. № 1 (сентябрь). Красноярск: [б/и], 1921. 25 с.

110. Возраст и грамотность населения СССР. Выпуск VII. Москва: ЦСУ Союза ССР, 1928. 112 с.

111. Из предварительных итогов Всероссийской переписи населения 1920 года // Бюллетень. 1921. № 81.

112. Красноярский край в контуре Енисейской губернии. Статистический сборник. Красноярск: Красноярскстат, 2023. 161 с.

113. Отчет Енисейского Губернского экономического Совещания Совету Труда и Обороны с мая по октябрь 1921 г. Красноярск: Гос. тип, 1922. 333 с.

114. Предварительные итоги демографической переписи 1920 года по Енисейской губернии // Бюллетень. 1921. № 73. С. 2.

115. Розничные цены Красноярского рынка на 27 октября 1925 года \\ Бюллетень Красноярской товарной биржи. 1925. № 228. С. 1.

Опубликованные источники личного происхождения

116. Дневник Веселовского Степана Борисовича – историка, археографа, академика АН СССР. Запись от 23 мая (10 мая) 1923 года. [Электронный ресурс]. URL: http://prozhito.org/person/629

117. Дневник Иры Даевой – московской школьницы. Запись от 25 января 1922 года. [Электронный ресурс]. URL: http://prozhito.org/notes?date=%221922-01-01%22&diaries=%5B136%5D

118. Дневник Стародубова Анатолия Федоровича – днепропетровского школьника, 13 лет. Запись от 7 мая 1923 года. [Электронный ресурс]. URL: http://prozhito.org/notes?date=%221923-01-01%22&diaries=%5B321%5D

119. Ильина-Боратынская О.А. Белый путь. Русская Одиссея 1919 – 1923. М.: Аграф, 2013. 400 с.

120. Литвинов А.И. Особый маршрут. Записки участника Особой экспедиции. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 144 с.

121. Мергарт, Г. фон. Далёко: картины из сибирских будней. Красноярск: Поликор, 2023. 336 с.

122. Шкловский В.Б. Петербург в блокаде. Том 1. Революция. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 1032 с.

123. Price M.P. Siberia. London: Methuen and Co. Ltd. 36 Essex Street W.C. 1912. 352 p.

124. Wenyon Ch. Four Thousand Miles Across Siberia On the Great Post Road. [Электронный ресурс]. URL: https://www.readanybook.com/ebook/four-thousand-miles-across-siberiaon-the-great-post-road-124585

Периодическая печать и публикации

125. 50-летие Мартьяновского музея // Просвещение Сибири. 1927. № 1.

126. I Сибирский краевой научно-исследовательский съезд // Просвещение Сибири. 1927. № 1. С.84–90.

127. Аникст А.М. Организация рабочей силы в 1920 г. М.: Агит-изд. отд. Г.К.Т. и Н.К.Т. 1921. 126 с.

128. Ансон А.А. Политико-просветительная работа в Енисейской губернии // Отчет о состоянии народного образования в Енисейской губернии IV-му Губсъезду Советов. Красноярск: Государственная типография, 1922. С. 22–25.

129. Археологическая находка // Сибирская мысль. 1915. Август 2.

130. Бортвин Н.Н., Гинтовт А.А., Сизых С.Я. Программа по музееведению Сибири // Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь. Санкт-Петербург: Общество изучения Сибири и улучшения ее быта, издание второе дополненное и исправленное. 1914. 320 с.

131. В археологическом кружке // Красноярский рабочий. 1925. № 42.

132. Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири: Восточная Сибирь, Тулуновская волость // Живая старина. 1915. Вып. IV.

133. Вихирев Н.В. На культурном фронте // О состоянии народного просвещения в Сибирском крае и об основных задачах его строительства. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. 24 с.

134. Выставка истпарта // Красноярский рабочий. 1922. № 258.

135. Докладная записка Красноярского подотдела Императорского географического общества о возбуждении перед Министерством Вн. дел ходатайства об оказании денежной помощи на покрытие выстроенного здания

музея // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 8 (июнь). С. 49–55.

136. Голышев Ал. Пути культурного строительства Сибири // Просвещение Сибири. 1926. № 1. С. 7–14.

137. Город Красноярск // Енисейские губернские ведомости. 1891. № 1.

138. Городская библиотека // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 1 (январь–февраль). С. 68.

139. Городской музей // Красноярский рабочий. 1920. Май 18.

140. Городской музей // Красноярский рабочий. 1920. Июль 4.

141. Гринкевич В.К. Краеведение и марксизм // На новых путях краеведной работы. Л.: Культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование». 1926. С. 52–67.

142. Двадцатипятилетние Красноярского городского музея (1889–1914): Красноярский подотдел В.-С. отдела Императорского Русского географического общества. Красноярск: Енисейская губернская эл.-типография, 1915. 166 с.

143. Дзенс-Литовский А.И. На новых путях краеведной работы (проблема производственного краеведения) // На новых путях краеведной работы. Л.: Культурно-просветительное товарищество «Образование», 1926. С. 3–18.

144. Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края: Созываемой Акад. центром Наркомпроса в Москве 10–20 дек. 1921. № 4. М.: [б/и], 64 с.

145. Докладная записка Красноярского подотдела Императорского географического общества о возбуждении перед Министерством Вн. дел ходатайства об оказании денежной помощи на покрытие выстроенного здания музея // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 8 (июнь). С. 49–55.

146. Дом Просвещения и его задачи. Речь, произнесенная Председателем Совета Общества попечения о народном образовании в Красноярске А.Р. Шнайдера в день открытия Дома Просвещения 30 января 1915 г. // Вестник

Красноярского городского общественного управления. 1915. № 2-3 (март). С. 16–20.

147. Золотухин Д. О работе на дому // Власть труда (Иркутск). № 166. 1925.

148. Идите на выставку! Каждый должен знать свой край // Красноярский рабочий. 1924. № 237.

149. Интересная выставка // Красноярский рабочий. 1926. № 296.

150. Иркутский научный музей // Сибирская живая старина. Выпуск II. 1925. С. 152–153.

151. Казаринов П.К. Сибирское краеведение // Сибирская живая старина. 1924. Вып. II. С. 159–190.

152. Канская жизнь. От наших корреспондентов // Сибирская мысль. 1915. Октябрь 13.

153. Корнилов П. Жизнь музея // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете им. В.И. Ленина. Том XXXII.I Выпуск I. 1925. С. 154–155.

154. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902). Казань: Типо-Литография Императорского университета. 1902. 260 с.

155. Краеведческая работа в Сибири // Северная Азия. 1925. Книга 1–2. С. 140–141.

156. Краеведческие съезды и конференции в Сибири // Северная Азия. 1925. Книга 1–2. С. 141–142.

157. Красноженова М.В. Взятие «снежного городка» в Енисейской губернии // Сибирская живая старина. 1924. Вып. II. С. 21–40.

158. Красноярский городской музей // Известия Красноярского Отдела Русского Географического Общества. Красноярск. 1924. Том 3. Выпуск 2. С. 51–53.

159. Кружок краеведения // Красноярский рабочий. 1924. № 231.

160. Кулик Л.А. Отчет метеоритной экспедиции о работах, произведенных с 19 мая 1921 г. по 29 ноября 1922 г. // Известия российской академии наук. Т. XVI. VI серия. 1922. С. 391–410.

161. Кытманов А.И. Енисейский общественный местный музей и общественная публичная библиотека. Енисейск: издание М.А. Абалакова, 1886. 64 с.

162. Лекция // Красноярский рабочий. 1924. № 3.

163. Луначарский А.В. Интеллигенция и революция. (Доклад т. Луначарского во «Дворце Молодой Гвардии 28 мая [1923 г. в Омске]). // А.В. Луначарский в Омске. Омск: [б/и], 1923. С. 26–35.

164. Луначарский А.В. Конференция по делам музеев. Речь А.В. Луначарского // Искусство коммуны. 1919. № 11.

165. Луначарский А.В. Место просвещения в советском строительстве. К первому Всесоюзному учительскому съезду. Красноярск: Издание Енгубревкома РКП(б), 1924. С. 4–11.

166. Миклашевская Г.П. Betula microphylla в Урянхайском крае // Известия Красноярского отдела Русского Географического Общества. 1924. Том 3. Выпуск 2. С. 37–38.

167. Музеи как орудия образования в новой школе // Неделя просвещения. Новониколаевск: ОГИЗ-Сельхозгиз, [1920?]. 24 с.

168. Музей Приенисейского края // Красноярский рабочий. 1923. № 288.

169. Мергарт Г. Д-р. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Известия Красноярского отдела Русского Географического Общества. 1923. Том 3. Выпуск 1. С. 29–37.

170. На наших курортах // Красноярский рабочий. 1924. № 152.

171. О достройке здания городского музея // Сибирская мысль. 1915. Октябрь 20.

172. Общество по изучению производительных сил Сибири // Просвещение Сибири. 1927. № 1.

173. Объявление // Красноярский рабочий. 1924. № 290.

174. Описание выставки предметов сельского-хозяйства, промышленности, кустарных изделий и местных научных прикладных предметов, открытой в г. Красноярске 1 июля 1891 г. // Енисейские губернские ведомости. 1891. № 43.

175. Орлова Е. Общество по изучению производительных сил Сибири // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 232–233.

176. Отклики // Власть труда (Минусинск). 1924. № 115.

177. Отчет о пастырско-приходской трезвенной и культурно-просветительной работе по Канскому уезду // Енисейская церковная нива. 1917. № 6.

178. Отчет по Красноярской городской общественной библиотеки за 1891 и 1892 гг. и Красноярскому городскому музею за 1892 г. Красноярск: [б/и], 1893. 52 с.

179. П.М. Экскурсия печатников // Красноярский рабочий. 1924. № 129.

180. Павлов-Сильванский Н.Н. Краеведение, как социальное явление, его сущность, задачи и организационные формы // На новых путях краеведной работы. Л.: Культурно-просветительное товарищество «Образование», 1926. С. 19–33.

181. Пупышев В. Итоги кампании по ликвидации неграмотности за 1923–24 учебный год и дальнейшие перспективы // Сибирский педагогический журнал. 1924. № 1–2 (6–7). С. 230–233.

182. Рабкор А. Фатисов. В помощь школе. Богатства музея // Красноярский рабочий». 1924. № 82.

183. Рабкор Б. Во Дворце рабочей молодежи //Красноярский рабочий. 1924. № 279.

184. Работа на местах // Сибирская живая старина. 1924. Выпуск II. С. 155–157.

185. Рабочий. Неудачная экскурсия // Красноярский рабочий. 1923. № 182.

186. Раскопки Г.П. Сосновского и Н.К. Ауэрбаха // Сибирская живая старина. 1924. Выпуск II. С. 153–155.

187. Сегодня открывается первое губернское краеведческое совещание // Красноярский рабочий. 1924. № 260.

188. Сибирская советская энциклопедия. Том. 3. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ. 1932. 804 с.

189. Смирнов В. Очередные задачи г. Красноярска в деле народного образования // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 6 (май). С. 11–13.

190. Смирнов В.А. Введение в изучение Приенисейского края // Библиотека Приенисейского краеведа. Красноярск: Гос. Типо-Литография, 1926. № 1. 21 с.

191. Смирнов В.А. Исторический очерк Приенисейского края. Край до русских, русское завоевание, хозяйство и быт в 17 и 18 веках. Часть I. Красноярск: Гос. Типо-Литография, 1926. 27 с.

192. Смирнов В.А. Краткий обзор истории Красноярска за 300 лет // Известия Красноярского отдела Русского Географического Общества. 1923. Том 3. Выпуск. 1. 94 с.

193. С. Сольский. Столбы // Сибирская мысль. 1915. Июль 30.

194. Соболев А.Н. Геологическая экскурсия от площ. Просвещения к часовне. Красноярск: Тип. Изолятора спец. Назначения, 1926. 14 с.

195. Соболев А.Н. Палеонтологические заметки // Известия Красноярского отдела Русского Географического Общества. 1924. Том 3. Выпуск 2. С. 32–36.

196. Сосновский Г.П., Ауэрбах Н.К. Краткая программа для сбора сведений по доисторической археологии. Красноярск: [б/и], 1925. 28 с.

197. Театр // Власть труда (Минусинск). 1923. № 41.

198. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск: Тип. Сиб. Товарищества печатного дела и Дома трудолюбия, 1919. 460 с.

199. Тугаринов А.Я. Исторический очерк Красноярского музея со времени его основания // 25-летие Красноярского городского музея (1889–1914): Красноярский подотдел В.-С. отдела Императорского Русского географического общества. Красноярск: Енисейская губернская эл.-типография, 1915. 168 с.

200. Тугаринов А.Я. Местные музеи Сибири и организация их деятельности // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск[б/и], 1919. С. 42–49.

201. Тугаринов А.Я. Музей Приенисейского края и его организация // Казанский музейный вестник. 1922. № 1. С. 77–121.

202. Тугаринов А.Я. Об охране Столбов // Воля Сибири. 1918. № 72.

203. Тугаринов А.Я. Предварительный отчет экспедиции на р. Подкаменную Тунгуску (Катангу) // Известия Красноярского отдела Русского Географического Общества. 1924. Том 3. Выпуск 2. С. 1–31.

204. Тугаринов А.Я. Современность и пути краеведческой работы // Краеведение. 1924. № 3.

205. Турунов А.Н. Краеведческая работа в Сибири // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 123–126.

206. Учк. Григорьев. Почаще бы! // Красноярский рабочий. 1924. № 6.

207. Черемных Г.И. Научно-исследовательская работа в Сибири // Жизнь Сибири. 1924. № 10 (26). С. 95–101.

208. Черемных Г.И. О музеях // Жизнь Сибири. 1924. № 10 (26). С.99–101.

209. Этнографические вечера // Известия Красноярского отдела Русского географического общества (Красноярск). 1924. Том III. Выпуск 2. С. 55–56.

Электронные ресурсы

210. http://www.kkkm.ru.

211. http://красноярские-архивы.рф/gosudarstvennyi-arkh.

212. https://vk.com/@museumkkkm.

213. https://vk.com/krashistory.

214. https://vk.com/krasnetip.

215. https://www.krasplace.ru.

216. Всероссийский конкурс профессионального мастерства «Творцы культуры». URL: https://roskonkurs.com/ru/competitions-educators/vserossiyskiy-konkurs-professionalnogo-masterstva-v-oblasti-kultury-i-iskusstva-tvortsy-kultury/

217. Ежегодная Просветительская Премия «Знание». URL: https://premiya.znanierussia.ru/?utm_source=yandex_network&utm_medium=cpc&utm_term=keywords_sociology_tgb_creo3&utm_content=cid%7C75864344%7Cgid%7C4957335583%7Caid%7C12363824715%7Cpid%7C39688395496%7Csrct%7Ccontext%7Csrc%7Cbrozen.yandex.ru%7Cregion_id%7C62%7Cregion_name%7CКрасноярск%7Cdvc%7Cdesktop%7Cpos%7Cnone0%7Cmatchtype%7C%7Crid%7C%7Ccoef%7C0

%7C%7B%7CUIDvE01yj%7D&utm_campaign=premiya22&yclid=4315668964249231339.

218. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444

219. Федеральный проект «Творческие люди». URL: https://culture.gov.ru/about/national-project/creative-people/

ЛИТЕРАТУРА

Отечественная библиография

220. Акимова Е.В. Николай Константинович Ауэрбах (Неизвестные страницы биографии, 1916 – 1917 гг.) // Научный ежегодник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2004. Вып. 4. Т. II. С. 340–346.

221. Аксенова А.В., Гонина Н.В. Общественный досуг в городе Енисейске в конце XIX – начале XX в. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.). Новосибирск: Параллель, 2017. С. 297–302.

222. Актуальные вопросы деятельности общественных музеев. М.: Сов. Россия, 1980. 102 с.

223. Ананьев В.Г. "Настоящий состав музейных работников неудовлетворителен...": советская научная политика и подготовка музейных кадров в Ленинградском коммунистическом политико-просветительном институте имени Н.К. Крупской в конце 1930-х гг. – начале 1940-х гг. // История. 2023. Т. 14. № 11 (133).

224. Ананьев В.Г. "Строительство музеев должно быть основано на научной базе": к истории формирования концептуальной модели музея в раннесоветский период // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 133–137.

225. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. "Нужен совершенно новый музей": Российская академия истории материальной культуры и проект создания

Центрального музея истории материальной культуры в 1920-е гг. // Краткие сообщения Института археологии. 2022. № 267. С. 437–449.

226. Андроненко О.В., Жуковская Л.Н. К вопросу об истории зарождения и развития библиотек на территории Енисейской губернии в XIX – начале XX вв. // Региональная история: методология, источники, историография. Сборник научных трудов третьих Международных Усмановских чтений. Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. С. 149–151.

227. Артамонова Н.Я. Краеведческий музей в культурном развитии уездного города // Мартьяновские краеведческие чтения (2008–2009 гг.). Выпуск VI. – Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, 2010. С. 54–58.

228. Архивное наследие Сибири: сборник уникальных документов Сибири. Новосибирск: СтандАрт, 2020. 144 с.

229. Ахтамов Е.А. Красноярский Краевой краеведческий музей // Труды Братского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. 2005. Т.1. С. 60–62.

230. Ахтамов Е.А. Подвижники Красноярского Краевого краеведческого музея // Труды Братского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. 2005. Т.1. С. 57–60.

231. Бакшеев А.И. Административно-территориальное устройство Сибири в годы нэпа // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2. С. 71–73.

232. Балаш А.Н. "Границы музея" как предмет профессиональной рефлексии // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 1 (54). С. 175–182.

233. Барышева Е.В. Советские архитектурные проекты: утопия и реальность// Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 335–342.

234. Баташев М.С., Вдовин А.С., Макаров Н.П. А.П. Ермолаев (1886–1919) – помощник консерватора Красноярского городского музея. Век подвижничества-3. Красноярск: «Литера-принт», 2018. С. 119–137.

235. Безсонов С.В. Подготовка музейных кадров // Советский музей. 1931. № 1. С. 23–26.

236. Беловинский Л.В. Методологические аспекты изучения истории советской повседневности // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4 (28). С. 105–113.

237. Бен Е.Н. Научная биография исследователя Сибири Вячеслава Петровича Косованова: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.10 / Бен Екатерина Николаевна. – Томск, 2011. 28 с.

238. Бердникова С.А. Формирование нового советского человека 1930-х гг. в современной историографии // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. XX всероссийские историко-педагогические чтения. Часть I. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2016. 234 с.

239. Бершадская С.В. Музеи Енисейской губернии начала XX века: по воспоминаниям британского путешественника М.Ф. Прайса // Известия лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2 (47). С. 119–127.

240. Бершадская С.В. Путешествие из Красноярска в Москву в 1923 году // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 3. С. 71–78.

241. Беседин В.Г. Общественные музеи Курской области в повседневной жизни населения (1920-е – 1991 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Беседин Владимир Григорьевич. Курск. 2013, 27 с.

242. Борисевич И.Г. Сибирские музеи в периодической печати XIX – начала XX вв. // Духовно-исторические чтения. Вып. XIII. Красноярск: ИПК СФУ, 2008. С. 14–18.

243. Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство. 2011. 336 с.

244. Быстрова А.В. Марфа Дмитриевна Соловьёва, библиотекарь. Век подвижничества-3. Красноярск: «Литера-принт», 2018. С. 150–151.

245. Ваганов А.А. Горнозаводские музеи Урала в дореволюционный период Горнозаводские музеи Урала в дореволюционный период // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 11–15.

246. Вакалова Н.В. История формирования и развития музеев Томской губернии XIX – нач. XX вв.: дис. …канд. ист. наук: 17.00.09 / Вакалова Наталья Владимировна. Барнаул, 2006. 198 с.

247. Василенко А.С. История возникновения и развития народных музеев Украины и их роль в коммунистическом воспитании трудящихся: автореф. дис. … канд. ист. наук: 571 / Василенко Анатолий Сергеевич. – Одесса, 1971. 28 с.

248. Васильев Н.В., Ковалевский А.Ф., Разин С.А., Эпиктетова Л.Е. Показания очевидцев тунгусского падения 1908 года. Часть 1. Эпиктетова Л.Е., Разин С.А., Дорошин И.К. Дополнительные показания очевидцев тунгусского падения. Часть 2. Томск: [б\и]. 2018. URL: https://rgotomsk.com/wp-content/uploads/2020/06/2018.-Показания-очевидцев-Тунгусского-падения-1.pdf

249. Вдовин А.С. «Грешно не охранять старину!» (Сибирское духовенство и археология) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. № 1. С. 220–229.

250. Вдовин А.С., Баташев М.С., Макаров Н.П., Майзик Е.И. Красноярский подотдел Русского географического общества в условиях кризиса (1914 – 1919 гг.) // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней. IX Сибирский исторический форум. Красноярск: СФУ, 2022. С. 970–973.

251. Вдовин А.С., Бобрик И.Е. Отделение церкви от государства в Енисейской губернии (1920 – 1923 гг.): музейный аспект // Известия лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4 (25). С. 176–184.

252. Вдовин А.С., Макаров Н.П. «Став солдатом, я конечно не могу уже заниматься археологией». Письма Г. П. Сосновского к Н. К. Ауэрбаху, 1918 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 38. С. 4–14.

253. Вдовин А.С., Макаров Н.П. Археологические исследования музея Приенисейского края в 1920 году (к столетию создания археологического отдела) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 1 (29). С. 92–106.

254. Вдовин А.С., Макаров Н.П. Афонтова гора и педагогическая археология: дневник членов красноярского школьного археологического кружка им. И.Т. Савенкова (1924 – 1925 годы) // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 208–224.

255. Вдовин А.С., Макаров Н.П. Н.К. Ауэрбах – ученый и организатор науки в Сибири // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 16–25.

256. Вдовин А.С., Макаров Н.П. Охранно-спасательные археологические работы Красноярского краевого краеведческого музея в Красноярске и его окрестностях // Город, пригодный для жизни. Красноярск: [б/и], 2023. С. 455–462.

257. Вдовин А.С., Макаров Н.П., Гуляева Н.П. Археологический кружок имени И.Т. Савенкова (1923 – 1926 годы). Красноярск: Красноярский краевой научно-учебный центр кадров культуры, 2015. 199 с.

258. Вдовин А.С., Подъявилова Г.В. Педагогическая деятельность И.Т. Савенкова // Научный ежегодник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2004. Вып. 4. Т. II. С. 346–352.

259. Век подвижничества. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. 285 с.

260. Воронцова Е.А. Идея – движущая сила науки: об итогах и перспективах проекта "Роль музеев-библиотек-архивов в информационном обеспечении исторической науки" // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 44–55.

261. Воронцова Е.А. Коллаборации музеев – библиотек – архивов и информационное обеспечение исторической науки в обществе (по материалам семинара в ИНИОН РАН) // Библиография и книговедение. 2025. № 1. С. 145–150.

262. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Енисейская губерния в советский период (январь 1920 – 25 мая 1925 г.). Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т., 2024. 304 с.

263. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Изменение соотношения городского и сельского населения Приенисейского региона в процессе модернизации России (1822 – 1940 гг.) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2021. № 1 (19). С. 168–186.

264. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А., Павлюкевич Р.В., Шереметова Т.Г. Работа Енисейской губернской плановой комиссии по организации природопользования в губернии в восстановительный период (1921 – май 1925 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 130–141.

265. Гефнер О.В. Роль военных в организации Омского музея // Музей и общество на пороге XXI в. Омск: [б/и], 1998. С. 148–150.

266. Глусская З.К. Историко-революционные памятники и музеи города Красноярска: Путеводитель. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1978. 144 с.

267. Голубева И.А. "Я всегда любил преподавание, но теперь в области истории – это очень трудное дело" письма И.М. Гревса к Н.П. Анциферову. 1934–1941 гг. // Отечественные архивы. 2017. № 1. С. 64–91.

268. Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 175 с.

269. Гонина Н.В. Норильские экспедиции 1920-х гг.: начало советского освоения Таймыра // Освоение Арктики: три века поисков и открытий. Якутск: [б/и], 2024. С. 52 – 56.

270. Гончаров Г.А., Баканов С.А., Гришина Н.В., Пасс А.А., Фокин А.А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 128 с.

271. Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: АЗБУКА, 2012. 214 с.

272. Гранина А.Н. Музей над озером (Путешественники, исследователи Сибири: И.Д. Черский, В.А. Обручев, Б.И. Дыбовский, С.П. Перетолчин.). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. 104 с.

273. Грибанова Н.С., Коляскина Е.А. Формирование регионального центра по изучению народов Алтая на базе Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки (1920 – 1980-е гг.) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (50). С. 88–94.

274. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О. "Частный сектор": не-городские пространства и сообщества российского города. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2023. 128 с.

275. Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920–2000-е гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 24.00.03 / Григорьева Светлана Евгеньевна. Томск, 2011. 28 с.

276. Григорьева С.Е. Основание и открытие Томского краеведческого музея // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13). С. 137–140.

277. Григорьева С.Е. Томский областной краеведческий музей: на этапе становления // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 148–152.

278. Григорьева С.Е., Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Томский краевой музей и сохранение культурных ценностей (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 201–209.

279. Груздинская В.С., Комочев Н.А., Мельников А.В. "Вероятно, я никогда не привыкну к академической среде...": дневниковые записи М. Н. Тихомирова за 1947 – 1948 гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 2 (30). С. 155–167.

280. Демчик Е.В. Частный капитал в экономике Сибири периода нэпа. Барнаул: Издательство АлтГУ, 2018. 302 с.

281. Детлова Е.В. Геро фон Мергарт и Ганс Финдайзен: к истории международных научных связей красноярского краеведческого музея // Уральский исторический вестник. 2016. №4 (53). С. 53–61.

282. Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В. Конфликт В. А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки // Stratum plus. 2014. № 1. С. 211–227.

283. Детлова Е.В., Кузьминых С.В. "Там было часто трудно и тягостно, но это было славное время!": письма Геро фон Мергарта в музей Приенисейского края // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2019. Т. 39. № 4. С. 42–93.

284. Детлова Е.В., Кузьминых С.В. Геро фон Мергарт и его "Воспоминания о Советской России" // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2019. Т. 39. № 3. С. 69–119.

285. Дмитриенко Н.М. А.Я. Тугаринов о становлении Красноярского музея. Музееведческое наследие Северной Азии: труды музееведов XIX – начала XX века. Томск: Издательство Томского университета, 2019. С. 220–242.

286. Дмитриенко Н.М. О создании музея-скансена в Томске // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 71–72.

287. Дмитриенко Н.М., Бутенко М.А., Глухов В.С., Лозовая Л.А. Российское музееведение 1930 – 2010-х гг.: опыт историографического изучения // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 70–81.

288. Дмитриенко Н.М., Жеребцова К.О. 1-й Всероссийский музейный съезд и его влияние на сибирские музеи // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 33. С. 222–235.

289. Дмитриенко Н.М., Караченцев И.С. Участие женщин в формировании и развитии музейного дела Томского университета (1880-е – начало 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 46. С. 256–263.

290. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 193–198.

291. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А., Бутенко М.А., Глухов В.С. Музееведение как комплекс знаний о музейном деле: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 34–41.

292. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Аркадий Яковлевич Тугаринов и становление Красноярского музея // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 41. С. 207–214.

293. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Благотворительность и пожертвования в музейном деле Сибири в XIX – начале XX в // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 126–139.

294. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 67–76.

295. Дыртык-оол А.О. Становление и развитие музейного дела в Туве, 1921 – 2000 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Дыртык-оол Анна Оюновна. Кызыл, 2002. 198 с.

296. Ерёмина Н.А. История становления и развития музейного дела в Оренбургском крае в XIX – XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ерёмина Наталия Александровна. Оренбург, 2006. 28 с.

297. Ермакова Е.Е. Зарождение и становление институтов гражданского общества в Енисейской губернии. 1880 – 1916 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ермакова, Елена Евгеньевна. Красноярск, 2005. 251 с.

298. Ермолаева Л.Н. Николай Михайлович Мартьянов – основатель музея и сибирской музейной школы: история, продолжение традиций // Мартьяновские краеведческие чтения (2008 – 2009 гг.) Выпуск VI. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, 2010. С. 41–46.

299. Жеребцова К.О. Н.К. Ауэрбах и его вклад в музейное дело Сибири 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 211–218.

300. Жук А.В. Curriculum Vitae Федора Васильевича Мелехина, составленное им самим // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 1 (9). С. 97–108.

301. Зайцева Т.В. Общественная миссия творческого вуза: постановка проблемы // Вестник санкт-петербургского государственного института культуры. 2021. № 3 (48). С. 82–86.

302. Закаблуковская Н.Н. Музейное дело восточного Забайкалья (конец XVIII в. – 1930 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Закаблуковская Надежда Николаевна. Улан-Удэ, 2004. 28 с.

303. Закрытый музей. Красноярск: Красноярский краеведческий музей, 2000. 59 с.

304. Закс А.Б. Из истории Государственного музея Революции СССР (1924–1934 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Вып. V. М.: Министерство культуры РСФРС. 1963. С. 5–83.

305. Закс А.Б. Методика построения экспозиции в краеведческом музее. М.: Госкультпросветиздат, 1949. 52 с.

306. Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. 225 с.

307. Защита культурных ценностей при чрезвычайных ситуациях: Рекомендации. М.: Институт Наследия, 2024. 452 с.

308. Ильина Е.В. Иркутская картинная галерея в 1920-е годы: обзор документальных источников государственного архива Иркутской области // Сибирский архив. 2019. Т. 1. № 6. С. 1–8.

309. Ионова О.В. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток // Очерки истории музейного дела в России. Выпуск V. М.: [б/и]. 1963. С. 84–118.

310. Ионова О.В. Создание сети краеведческих музеев в РСФСР. М.: Госкультпросветиздат, 1957. С. 37–58.

311. Исаев В.И. Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920 – 1930-е гг. Новосибирск: Параллель, 2008. 188 с.

312. Исаев В.И. Развитие сферы досуга и массового отдыха жителей городов Сибири в 1920 – 1930-е гг. // Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX – начало XXI вв.). Новосибирск: Параллель, 2007. 184 с.

313. История Сибири с древнейших времён до наших дней. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. Л: «Наука», Ленинградское отделение, 1968. 501 с.

314. Исупов В.А. Редкое явление в демографической истории Сибири: демографический взрыв во второй половине 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 4. Т. 26. С. 79–84.

315. Капсалыкова К. Р. Советские инструкции по охране культурного наследия и проведению раскопок 1920–1930-х гг.: новая археология по старым правилам // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 487–495.

316. Карпухина Д.В. Личный фонд А.Л. Яворского как информационный ресурс для развития внутреннего туризма в Красноярском крае // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска). Материалы сибирского исторического форума. 2019. С. 156–159.

317. Кискидосова Т.А. Демографические процессы в Красноярске во второй половине XIX века // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 4 (30). С. 158–169.

318. Китова Л.Ю. Формирование в Красноярске центра изучения археологических памятников Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2008. 4–2 (60). С. 85–93.

319. Китова Л.Ю., Дэвлет М.А. Воспоминания В.П. Левашевой о работе в Минусинском музее // Мартьяновские краеведческие чтения (2008 – 2009 гг.). Вып. VI. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, 2010. С. 22–26.

320. Козлов В.Ф. Первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края (1921) и ее роль в организации краеведческого движения // Пятые Всероссийские краеведческие чтения. М.: РГГУ, 2012. С. 10–19.

321. Козлова О.Т. Школьные экскурсии в музее по исторической экспозиции. М.: [б/и.], 1940. 32 с.

322. Кокоулин В.Г. Как сибиряки 100 лет назад справились с эпидемией тифа // Сибирский архив. 2020. № 5. С. 1–45.

323. Кокоулин В.Г., Михалин В.А. Научное изучение Сибири в первые годы нэпа // Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алт. унта, 2015. С. 74–76.

324. Колесник Л.М. ВСОРГО и музейное дело в Иркутске // Вып. 8: посв. 150-летию ВСОРГО. Иркутск: Иркут. обл. краев. музей, 2001. С. 5–25.

325. Колесник Л.М. Иркутский областной краеведческий музей // Все музеи Северо-Запада России. № 9–10 (21–22). СПб., 2001. С. 14–18.

326. Колокольникова З.У., Лобанова О.Б. Особенности организации и деятельности педагогических музеев Сибири конца XIX – первой четверти XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 4. С. 244–248.

327. Коляскина Е.А. "Собирание" и экспонирование этнографии Бийском краеведческим музеем в 1920-е гг. // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2021. № 16. С. 206–211.

328. Комлева Е.В. Судьба страны через судьбу династии. Рецензия на книгу: Петин Д. И. История омского рода батюшкиных. Омск: тип. "золотой тираж" (ооо "омскбланкиздат"), 2021. 140 с. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10. № 1 (37). С. 161–167.

329. Кочкина Е.И. Международный книжный обмен красноярского музея в 1889-1930 гг. // VIII Юдинские чтения. Красноярск: ГНУБ КК, 2015. С. 81–89.

330. Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в музейных экспозициях Томска и Новосибирска 1920-х гг. // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск: [б/и.], 2009. С. 83–89.

331. Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 91–103.

332. Красильникова Е.И. Проблемы построения исторической экспозиции барнаульского краеведческого музея в 20-е гг. XX в. // Первые Ядринцевские чтения. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2012. С. 240–242.

333. Красильникова Е.И. Проблемы репрезентации исторического прошлого в экспозиции омского краеведческого музея (1929 – первая половина 1941 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 4 (27). С. 51–59.

334. Красильникова Е.И. Проблемы репрезентации коллективной памяти о прошлом в музейной экспозиции Государственного Западно-сибирского краеведческого музея (1920-е – первая половина 1941 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 1. С. 155–160.

335. Красильникова Е.И. Символические фигуры декабристов в мемориальном пространстве Иркутска (нач. XX в. – 1991 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 129–138.

336. Красильникова Е.И. Томский краеведческий музей как место памяти жителей города (1920 – первая половина 1941 гг.) // Вопросы музеологии. 2013. № 1 (7). С. 60–72.

337. Красильникова Е.И., Вальдман И.А. История городов западной Сибири в репрезентациях журнала "Сибирские огни": политические и историко-краеведческие контексты 1920 – 1940-х годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 428–448.

338. Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторические символы революции и гражданской войны в публичном пространстве сибирских городов: изгибы политики памяти (1920 – 2010-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7. № 2 (26). С. 58–69.

339. Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2011. 384 с.

340. Красноярский краевой краеведческий музей: путеводитель. Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 2002. 127 с.

341. Краткий словарь понятий и терминов по культурологии, фольклору и этнографии. Горно-Алтайск: БУ РА «Республиканский центр народного творчества», 2019. 180 с.

342. Кругликова Г.А. Государственная политика в области культуры в 1920-е гг.: опыт и уроки // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. XX всероссийские историко-педагогические чтения. Часть I. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. С. 185–193.

343. Крылов И.И. Условия жизни горожан в Приенисейском регионе в 1921 – 1929 гг. Красноярск Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Красноярский гос. торгово-экономический ин-т", 2010. 157 с.

344. Кугрышева Э.В. Становление и развитие государственной политики Российской Федерации по охране памятников истории, культуры и музейному делу в 1918-1941 гг.: На материалах Нижнего Поволжья: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. / Кугрышева Эвелина Викторовна. Астрахань, 2004. 223 с.

345. Культурное строительство в Сибири 1917–1941. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979. 367 с.

346. Культурологические исследования в Сибири: к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия: коллективная монография. М., Омск: Институт Наследия, 2023. 524 с.

347. Курыгин Ал.А., Тарбаев И.С., Семенов В.В. Академик Андрей Григорьевич Савиных (1888–1963) // Вестник хирургии имени И. И. Грекова. 2018. № 177(6). С. 8–10.

348. Ландик О.А. Музейное дело в Омской области: опыт историографического изучения // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 280–285.

349. Лебедева В.Г. Судьба массовой культуры в России. Вторая половина XIX – 1-ая треть XX века. СПб.: изд. СПбГУ, 2007. 335 с.

350. Лейкина-Свирская В.Р. Из истории Ленинградского музея Революции // Очерки истории музейного дела в России. Вып. III. М.: Советская Россия. 1961. С. 55–78.

351. Лидак Я.Г. За новые методы музейной работы // Советский музей. 1932. № 2. С. 115–117.

352. Лозовая Л.А. История изучения музейного дела западной Сибири первого послереволюционного десятилетия (1920-е – начало 1990-х годов): дис. … канд. ист. наук: 24.00.03 / Лозовая Лидия Анатольевна. Томск, 2013. 220 с.

353. Лозовая Л.А. Становление историографии музейного дела западной Сибири (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №6 (26). С. 199–201.

354. Лонин А.В. Интеллигенция в общественно-политической жизни Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв. Красноярск: [б/и], 2005. 101 с.

355. Луговая Г.М. Взаимодействие музеев и краеведческих обществ Татарии в деле комплексного изучения края (1917 – 1937 гг.) // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М.: 1988. С. 117–133.

356. Луппол И.К. Диалектический материализм и музейное строительство: доклад на Первом Всероссийском съезде 1 декабря 1930 г. М.; Л.: Нар. ком. прос. РСФСР. Сектор науки. 1931. 32 с.

357. Луппол И.К., Шнеерсон А.Н. Ко всем музейным учреждениям. М: Огиз, 1931. 16 с.

358. Лысенко Ю.Ф. Красноярскому отделу Русского Географического общества РАН – 100 лет // Научный ежегодник КГПУ. 2001. Выпуск 2. Том 2. С. 233–236.

359. Лысцева И.В. Эволюция отношений музея и исторического краеведения (Калужская область) // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М.: 1988. С. 150–164.

360. Мазур Л.Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 160–178.

361. Майзик Е.И. «Мой визит принесёт пользу для музея»: посетители Красноярского городского музея в конце XIX – начале XX вв. Век подвижничества-4. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2022. С. 26–39.

362. Майзик Е.И. Международные коммуникации музеев Енисейской губернии в конце XIX в. // Вопросы музеологии. 2019. Том 10. Выпуск 1. С. 112–122.

363. Макаров Н.П. "Тугаринов у нас один!" // Сто знаменитых красноярцев. Красноярск: Издательские проекты, 2003. С. 173–177.

364. Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. С. 24–42.

365. Максимов Р.Э. Василий Дмитриевич Кожанчиков. Минусинские годы (1915 – 1929 гг.) // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. Вып. 4. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, 2022. С. 107–133.

366. Максютин Н.Ф. Очерки истории досуга. Казань: Медицина, 2003. 128 с.

367. Малкова И.Г. Городские музеи в культурном пространстве уральского города второй половины XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249). С. 51–59.

368. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение: объект, предмет, методы изучения. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 3–10.

369. Малышева С.Ю. «Рождение досуга»: возникновение и эволюция понятия в XIX веке. // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 173–186.

370. Малышева С.Ю. «Советский лубок» и «праздничный пряник»: властные стратегии культурной адаптации раннесоветских праздников // Клио. 2013. № 4(76). С. 91–95.

371. Малышева С.Ю. Досуговое пространство провинциального города: Казань во второй половине XIX – начале XX вв. // Диалог со временем. Вып. 30. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 305–336.

372. Массовая идейно-воспитательная работа музеев на современном этапе. М.: [б/и], 1979. 159 с.

373. Мастеница Е.Н. Личность в пространстве музея: антропоцентрический подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2024. № 53. С. 254–266.

374. Мастеница Е.Н. Музей в социокультурном пространстве мегаполиса: преодоление границ // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития. Том 1. Улан-Уде: ФГБОУ ВО "Восточно-Сибирский государственный институт культуры ", 2019. С. 68–72.

375. Мастеница Е.Н. Музейный потенциал в сохранении утраченного культурного наследия // Культурное пространство: генезис и трансформации. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2023. С. 44–45.

376. Мельникова Е.В. Театр и город сибирской провинции (конец XIX – начало XX вв.). Омск: Изд-во ОГИС, 2004. 230 с.

377. Милевский О.А. Преодолевая расстояния: история дружбы Н.М. Мартьянова и Д.А. Клеменца // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 61–71.

378. Миронова О.Н. Сотрудница музея Елена Юдина (по материалам научного архива и фондов красноярского краевого краеведческого музея) // X Юдинские чтения. Красноярск: ГУНБ КК, 2023. С. 319–327.

379. Мишакова О.Э. Специфика организации музейной практики в западном Забайкалье в конце XIX – начале XX в // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 130–134.

380. Музееведение: музеи исторического профиля. М.: Высш. шк., 1988. 430 с.

381. Музееведческая мысль в России XVIII – XX вв. М.: Этерна, 2010. 960 с.

382. Муратова Е.А., Шакирова З.Ш. Деятельность тюменского общества научного изучения местного края в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №5 (25). С. 152–155.

383. Нагорных В.В. К вопросу о биографии В. Д. Кожанчикова: (Документы о семье Кожанчиковых в фондах Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова) // Архивные документы в системе объективного научного знания. Абакан: Бригантина, 2022. С. 190–198.

384. Назарцева Т.М. Развитие музейного дела в Омской области // Известия омского государственного историко-краеведческого музея. 1994. № 3. С. 37–46.

385. Назарцева Т.М. Развитие музейного дела в Омской области // Музееведение Западной Сибири. Омск: ОмГУ. 1988. С. 14–16.

386. Найдакова Г.В. История создания и развития музейного дела в национальных районах Восточной Сибири. 1917 – 1980 гг.: (На материалах Бурят. АССР, Агинского и Усть-Ордынского бурят. нац. округов): автореф. дис. ... кан. ист. наук: 07.00.02 / Найдакова Галина Васильевна. Новосибирск. 1990. 17 с.

387. Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. 225,[2] с.

388. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни Урала в 1917 – 1922 гг. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. 613 с.

389. Нестеров Е.А. Законодательные акты как источник изучения алтайских музеев XIX – начала XXI в // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 57–60.

390. Оглезнева Г.В. Музей как фактор социальной коммуникации во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Иркутской губернии) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 12–21.

391. Огуренко Е.В. Музейное строительство в Уральской области (1923 – 1934): по материалам государственного архива Свердловской области // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 2. С. 98–112.

392. Орлов С.Б., Шелегина О.Н. Музейная составляющая социокультурного пространства наукограда Бийск // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 4 (36). С. 183–192.

393. Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. № 3 (18). С. 42–53.

394. Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 683 с.

395. Пержакова А.С. Иркутская школа палеоэтнологии в 1920 – 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 5. С. 9–14.

396. Плющ И.В. «Столбы» как социокультурный феномен // Духовно-исторические чтения. Вып. 9. Красноярск: КрасГАСА, 2004. С. 226–232.

397. Подберезкина Л.З. Корпоративный язык. Принципы исследования и описания (на материале языка столбистов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Подберезкина Лилия Зуфаровна. Москва, 1995. 25 с.

398. Поздеева Н.В. Кытмановы: истории из жизни Енисейского купеческого рода // IX Краеведческие чтения: Енисейская губерния: лица истории. Красноярск: ГУНБ КК, 2022. С. 256–262.

399. Поршнева О.С. Сознание и поведение человека раннесоветского общества: предпосылки, этапы, характер трансформации // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 365–372.

400. Постернак О.П. Музейная политика России и судьба религиозного культурного наследия в 1920-1930-х гг. (по материалам Донского и Страстного монастырей): автореф. дис. … канд. ист. наук: 24.00.03 / Постренак Ольга Павловна. М., 2006. 28 с.

401. Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Выпуск II. М.: Советская Россия. 1960. С. 145–223.

402. Разгон А.М. Задачи работы музеев в свете решений XXVII съезда КПСС: (Конспект лекций). М.: [б/ и], 1986. 60 с.

403. Расколец В.В. Состав участников съезда по организации института исследования Сибири в Томске // Вестник томского государственного университета. 2016. № 409. С. 122–127.

404. Ратьковский И.С. Январское покушение 1918 года на В.И. Ленина в Петрограде // Russian Colonial Studies. 2019. № 2. С. 155–168.

405. Рашитова Р.С. Работа музеев РСФСР со школьниками (1920 – 1930 гг.) // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М.: 1988. С. 134–149.

406. Репина Л.П., Шабунина А.К. Трансдисциплинарность в изучении социокультурных практик повседневности (на примере феномена голода в Викторианской Англии) // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 34−44.

407. Родигина Н.Н., Козлова И.С. // Повседневная жизнь сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX вв.: методология исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2 (70). С. 84–89.

408. Розенталь И.С. «И вот общественное мненье!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX в. М.: Новый хронограф, 2007. 398 с.

409. Романовская Н.В. О методическом руководстве экскурсоводческими кадрами в музеях// Советский музей. 1936. № 4. С. 52–57.

410. Рыбак К.Е. Музей в нормативной системе: историко-культурологический анализ: автореф. дис. ... доктора культурологии: 24.00.03 / Рыбак Кирилл Евгеньевич. Санкт-Петербург, 2006. 35 с.

411. Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, историографии, методов исследования: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. Ун-та; Омск: Омск. Гос. Ун-т, 2003. 370 с.

412. Рыженко В.Г. Краеведение российской провинции как социокультурный феномен и сегмент современного коммуникативного поля науки // Краеведение как феномен провинциальной культуры. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2011. С. 39–47.

413. Рыженко В.Г. Локальные трансформации музейных "мест памяти" в постсоветских условиях: историографические заметки и непосредственные наблюдения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 1. С. 23–31.

414. Рыженко В.Г. Музеи в исследовательской модели "культурно-цивилизационный ландшафт – опорная матрица образа города" // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России. Омск: «Наука», 2016. С. 280–283.

415. Рыженко В.Г. Музеи в культуре сибирских городов в первой трети XX в. // Проблемы музееведения и народная культура. Новосибирск: Наука, 1999. С. 35–64.

416. Рыженко В.Г. Фигуры и символы памяти о прошлом в локальном культурном пространстве западной Сибири (конец XX – начало XXI в.): ишимская версия // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 1 (21). С. 134–141.

417. Рындина О.М., Барсуков Е.В. Архив В.Н. Чернецова как творческая лаборатория исследователя (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 37. С. 228–238.

418. Рязанцев Н.П., Салова Ю.Г. Ярославский художественный музей в 1917–1930 гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2017. № 1. С. 39–53.

419. Салова Ю.Г. Провинциальные музеи революции в 1920-е гг.: проекты и практика // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 76–85.

420. Саяпарова Е.В. История создания и развития муниципальных музеев Бурятии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. №4 (18). С. 271–275.

421. Сдвижков А.Д. Изобретение XIX века. Время как социальная идентичность. // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 15–39.

422. Северьянов М.Д. Нэп и современность: полемические заметки. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 1991. 318 с.

423. Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. 804 с.

424. Сидорина Е.Ю. История научной библиотеки минусинского музея им. Н. М. Мартьянова // IX Краеведческие чтения: Енисейская губерния: лица истории. Красноярск: ГУНБ КК, 2022. С. 275–280.

425. Сидорина Е.Ю. Частные коллекции в собрании научной библиотеки минусинского музея им. Н. М. Мартьянова // IX Юдинские чтения. Красноярск: ГУНБ КК, 2021. С. 139–148.

426. Сидорчук И.В. Досуг городского населения России в 1918 – 1935 гг.: дис. … доктора ист. наук: 5.6.1. / Сидорчук Илья Викторович. СПб, 2023. 689 с.

427. Сизова И.А. Музей – активный участник рынка непрерывного образования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 225–231.

428. Синельникова Е.Ф. Конструируя советскую науку: научные общества в 1920-е годы // Советский проект. 1917 – 1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 454–463.

429. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества: 1917 – 1936 гг.: дис. … доктора ист. наук: 07.00.02 / Смирнова Татьяна Михайловна. М.: 2009. 300 с.

430. Смокотина Л.И. Г.Н. Потанин о настоятельной потребности введения предмета «родиноведение» в учебные программы российских народных школ в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия История. 2008. №3(4). С. 96–99.

431. Соловьев К.А. Краеведческие музеи и политехнизация школы // Советский музей. 1932. № 2. С. 8–18.

432. Соломатова Т.В. Из истории научной библиотеки музея. Век подвижничества. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. С. 267–279.

433. Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921 – 1923 гг.). Новосибирск: Наука, 1971. 349 с.

434. Соскин В.Л. Культурное строительство Сибири в 20 – 30-е годы // Историография советской Сибири (1917 – 1945 гг.). Новосибирск: Наука, 1968. 41 с.

435. Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (Конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1965. 281 с.

436. Соскин В.Л. Советская культурная политика в Сибири (1917 – 1920-е годы). Очерк социальной истории. Новосибирск: [Новосибирский гос. ун-т], 2007. 68 с.

437. Сотникова Е.В. Проблема изучения художественного образования в Сибири в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 32–37.

438. Строй Л.Р. Деятельность живописца Д.И. Каратанова в контексте становления художественного образования Красноярска и творческих процессов Сибири // Искусство Евразии. 2023. № 1 (28). С. 174–185.

439. Суворов А.П., Соколов Г.А. К истории заповедника Столбы // Труды заповедника "Тигирекский". 2005. № 1. С. 118–120.

440. Сундиева А.А. Музейная профессия сегодня // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2007. № 10. С. 33–41.

441. Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914 – 1922 гг.): автореф. дис. … доктора ист. наук: 07.00.02 / Суржикова Наталья Викторовна. Екатеринбург, 2015. 45 с.

442. Татаренкова Н.А. Культурное наследие России в новых политических реалиях (1917 – 1927 гг.) // История. Историки. Источники. 2019. № 1. С. 20–30.

443. Томилов Н.А. Интеллигенция в музейном деле Западной Сибири 1920-х гг. // Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX в.). Омск: [б/и], 1993. С. 79–81.

444. Томилов Н.А. Историография российского музееведения: вопросы периодизации // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 24–35.

445. Томилов Н.А. К истории Новосибирского областного краеведческого музея // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 96–102.

446. Томилов Н.А. Краеведы Сибири в монографических изданиях конца XX – первых десятилетий XXI века // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2022. С. 18–24.

447. Томилов Н.А. Музееведческое направление в трудах омских исследователей: к его истории и периодизации (часть 1. 1910–1980-е гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2023. № 24. С. 16–26.

448. Томина В.П. Краеведческая и библиографическая деятельность А.Н. Турунова (1893 – 1954 гг.) // История сибирской библиографии. Вып. 41. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН СССР, 1978. С. 94–114.

449. Труевцева О. Н. Историко-краеведческие музеи Сибири во второй половине XX века: дис. … доктора ист. наук: 07.00.02 / Труевцева Ольга Николаевна. Томск, 2000. 328 с.

450. Труевцева О.Н. Императорское русское географическое общество как основатель сибирских музеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 35. С. 79–82.

451. Труевцева О.Н. История развития музейного дела в Сибири: к вопросу о классификации источников // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 317–319.

452. Труевцева О.Н. Коммуникативное пространство музеев Сибири: история и современность // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2. С. 58–62.

453. Труевцева О.Н. Музеи Сибири во второй половине XX века. Томск: Изд-во Томского университета, 2000. 336 с.

454. Труевцева О.Н. Музеям России – 300 лет // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 24. С. 13–14.

455. Труевцева О.Н. Нематериальное культурное наследие и краеведческий музей // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (26). С. 36–40.

456. Труевцева О.Н. Операциональная концепция понятия термина "музей" // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Барнаул: Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина, 2018. С. 124–129.

457. Труевцева О.Н. Основатели первых музеев Сибири. XVIII – начало XIX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2023. № 24. С. 79–85.

458. Труевцева О.Н., Кожокар В.А. Общественные музеи северо-востока Казахстана во второй половине XX – начале XXI в // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 45. С. 224–235.

459. Туминская О.А. Просветительская деятельность Русского музея в 1920-х – 1940-х гг. // История. 2020. Т. 11. № 1 (87). С. 549–559.

460. Федорова В.И. Учительская интеллигенция и крестьянство Енисейской губернии на рубеже XIX – начала XX вв.: проблема социокультурной адаптации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. №3 (41). С. 105–111.

461. Федотова М.М. Всеволод Афанасьевич Смирнов: краевед и педагог // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2018. С. 82–87.

462. Феоктистова Т.Н. История становления и развития музейного дела в Хакасии в XX веке (1928 – 2003 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Феоктистова Татьяна Николаевна. Абакан, 2004. 196 с.

463. Филимонов А.В. Роль Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в процессе передачи здания генерал-губернаторского дворца музею (1917 – 1923) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2023. № 24. С. 49–59.

464. Хмырова С.Р. Просветительская деятельность музея: по материалам канского краеведческого музея // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. 2022. № 4. С. 92–95.

465. Ходнев А.С. «Новая» история досуга как исследовательское поле // Ярославский педагогический вестник. 2011 № 1. Т. I. С. 23–27.

466. Хорина В.В. Достойный ученик И. Т. Савенкова (Дмитрий Семенович Каргополов – основатель Ачинской городской библиотеки, Ачинского и Канского музеев) //VII Юдинские чтения. Красноярск: ГУНБ КК, 2013. С. 270–279.

467. Хорина В.В. Красноярский подотдел Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества (КОРГО) как центр научного изучения Енисейской губернии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 9 (174). С. 21–28.

468. Хренов Н.А. Мифология досуга. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 1998. 448 с.

469. Хренов Н.А. Социальная психология зрелищного общения. История и теория. М.: Издательство Юрайт, 2024. 688 с.

470. Ценюга Ю.С. Педагогический аспект изучения общественного сознания сибиряков (па материалам исследователей второй половины XIX в.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010 (1). С.79–84.

471. Черкасов И.А. История Красноярского краевого краеведческого музея в 1926–1940 гг. // Век подвижничества-4. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2022. С. 52–113.

472. Черных А.Б., Заиграева М.А. Влияние личностных характеристик членов коллектива на эффективность управления групповыми процессами и социальную стабильность организации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 3. С. 105–114.

473. Чернышов В.В. Краевед и этнограф А.А. Савельев. По материалам государственного архива красноярского края // Освоение и научное исследование Енисейской Сибири. IX Краеведческие чтения: Енисейская Губерния: лица истории. Красноярск: ГУНБ КК, 2022. С. 71–77.

474. Черняк Э.И. Д.А. Клеменц и создание музея в Кяхте // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 5–8.

475. Чураков С.К. «Советская субурбия» // Городская среда и городское развитие. Обнинск: Обнинский институт атомной энергетики – филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Национальный исследовательский ядерный университет "МИФИ", 2020. С. 23–31.

476. Чурилова Л.А. Роль музеев в сохранении и развитии культуры народностей Севера (1917 – 1980 гг.) (На материалах народностей Севера Средней Сибири): автореф. дис. … кан. ист. наук: 17.00.07 / Чурилова Людмила Александровна. М., 1991. 16 с.

477. Шегрен А.М. Проекты о музейных сотрудниках как персонифицированный рассказ о музее // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 2 (10). С. 101–106.

478. Шелегина О.Н. Актуальные тенденции в изучении музейного мира Сибири // Четвертые Ядринцевские чтения. Омск: Бюджетное учреждение культуры Омской области "Омский государственный историко-краеведческий музей", 2017. С. 66–68.

479. Шелегина О.Н. Исследовательская модель "музейный мир Сибири" // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 2 (14). С. 122–130.

480. Шелегина О.Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход): автореф. дис. … доктора ист. наук: 24.00.03 / Шелегина Ольга Николаевна. Томск, 2012. 53 с.

481. Шелегина О.Н. Коммеморативные практики в музеях локальной истории сибирского региона // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. № 3 (39). С. 74–82.

482. Шелегина О.Н. Музейная сеть Сибирского региона: процессы формирования и адаптации // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344. С. 103–110.

483. Шелегина О.Н. Музейный мир России: актуализация регионального опыта // Культурно-антропологические исследования. 2022. № 2. С. 19–25.

484. Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.

485. Шелегина О.Н. Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: (Тез. докл. науч.-практ. конф.). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. С. 24–27.

486. Шелегина О.Н. Развитие музейного дела в Сибири во второй половине XIX в. (по материалам периодической печати) // Проблемы музееведения и народная культура. Новосибирск: Наука, 1999. С. 24–35.

487. Шелегина О.Н. Роль музеев в формировании и трансляции позитивного имижда сибирского региона // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 74–80.

488. Шелегина О.Н. Сибирские музеи как социокультурные точки пересечения прошлого, настоящего и будущего // Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Вып. 2. М.: Логос, 2002. С. 96–133.

489. Шелегина О.Н. Социокультурные практики международного и российского уровня в музейном мире Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 1. Т. 27. С. 106–113.

490. Шелегина О.Н., Куперштох Н.А., Запорожченко Г.М., Покровский Н.Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции

(по материалам новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 117–122.

491. Шилов А.И. Профессиональное образование Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Красноярск: КГПУ им В.П. Астафьева, 2014. 544 с.

492. Шиндина А.Б. К вопросу о сохранности книжного наследия Г.В. Юдина в первые годы советской власти // IX Юдинские чтения. Красноярск: ГНУБ КК, 2021. С. 182–187.

493. Шлюмбом О., Кром М., Зокоял Т. Микроистория: Большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб: Алетейя, 2003. С. 7–26.

494. Шмакова Н.В., Акимова Е.В. Деятельность бюро краеведения КОРГО (ССОРГО) по организации массовой краеведческой работы в Приенисейском Сибири (1924 – 1928 гг.) // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5. No 4. С. 165–176.

495. Щербинина Ю.В. Музейные выставки как часть политико-просветительской работы музеев Тамбовской губернии в 1920 – 1941-х гг. XX в. // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Том. 21. № 7–8 (159–160). С. 123–132.

496. Яхно О.Н. Досуг в провинциальном городе начала 20 века – новые формы организации // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 73–84.

497. Яшина Л.В. Межсистемный подход в изучение вклада музеев Восточной Сибири в культурную жизнь в 1945 – нач. 1990 гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. №2 (20). С. 385–387.

498. Яшина Л.В. Развитие музейного дела в Восточной Сибири в 1945 – 1985 гг.: на материалах Красноярского края и Иркутской области: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Яшина Любовь Витальевна. Иркутск, 2006. 28 с.

Зарубежная библиография

499. Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928 – 1941. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2012. 350 с.

500. Нендза-Щикониовска К. Музей как градообразующее предприятие. Случай заполярной Игарки // Сибирь: контексты настоящего. Иркутск: [б/и], 2016. С. 351–366.

501. Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между октябрьской революцией и эпохой сталинизма. Спб.: Журнал «Нева», 2006. 416 с.

502. Холмс Л. Социальная история России: 1917 – 1941. Ростов н/Д : изд-во Рост. ун-та, 1994. 140 с.

503. Хоффманн Д. Л. Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914 – 1939. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.

504. Belknap G. Illustrating natural history: images, periodicals, and the making of nineteenth-century scientific communities // The British Journal for the History of Science. 2018. Volume 51. Issue 3. pp. 395–422.

505. Boddice R. The History of Emotions. Manchester: Manchester University Press, 2018. 264 p.

506. Boddice R. The History of Emotions. Manchester: Manchester University Press, 2018. 248 p.

507. Chakars M. Free Time Is Not Meant to Be Wasted: Educational, Political, and Taboo Leisure Activities among the Soviet Buryats of Eastern Siberia // Nationalities Papers. 2019. Volume 47. Issue 4. pp. 660–673.

508. Duncan C. Art Museums and the Rituals of Citizenship. URL: https://pages.ucsd.edu/~bgoldfarb/cocu108/data/texts/Duncan.pdf.

509. Duncan C. Civilizing Rituals: Inside Public Art Museums. London: Routledge. 1995. 192 p.

510. Enteen G.M. Marxists versus Non-Marxists: Soviet Historiography in the 1920s // Slavic Review. 1976. Volume 35. Issue 1. pp. 91–110.

511. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York, Oxford: Oxford univ. press, 1999. 288 p.

512. Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia’s North Asian Colony 1581–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 455 p.

513. Fyfe A. Reading Children's Books In Late Eighteenth-Century Dissenting Families // The Historical Journal. 2000. Volume 43. Issue 2. pp. 453–473.

514. Gamsa M. Communism and the Artistic Intelligentsia // The Oxford handbook of the history of communism. Oxford: Oxford university press, 2014. 658 p.

515. Hall E.T. Beyond Culture. New York, London, Toronto, Sidney, Auckland: Anchor Books, 1976. 256 p.

516. Hartley J. M., Siberia. A History of the People. New Haven, London: Yale university press, 2014. 312 p.

517. Hellbeck B. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006. 436 p.

518. Kelly C. What Was Soviet Studies and What Came Next? // The Journal of Modern History. 2013. Volume. 85. No. 1. pp. 109–149.

519. Pipes R. E. Russia under the Bolshevik regime, 1919–1924. London: Harvill press, 1997. 587 p.

520. Prior N. Museums: Leisure between State and Distinction // Histories of Leisure. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2002. pp. 27–45.

521. Read Ch. Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism. New York: Palgrave Macmillan, 1990. 266 p.

522. Sandell R, Nightingale E. Museums, Equality and Social Justice. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2012. 344 p.

523. Sandell R. Social Inclusion, the Museum and the Dynamics of Sectoral Change. URL: https://journals.le.ac.uk/ojs1/index.php/mas/article/view/13

524. Schutz A. Collected Papers V. Phenomenology and the Social Sciences. Netherlands: Springer, 2011. 314 p.

525. Sennett R. The public realm. London: Blackwell Publishers, 2010. 480 p.

526. Siegelbaum L. History of the Soviet Union, 1924 – 1929: Propaganda and Youth Organization. URL: https://brewminate.com/history-of-the-soviet-union-1924-1929-propaganda-and-youth-organization

527. Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, Oxford: Oxford University Press, 1989. 307 p.

528. Wood A. Russia’s Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. London, New York: Bloomsbury Academic, 2011. 289 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.[725]

п/п	ФИО / возраст на начало рассматриваемого периода / партийность / принадлежность к профессиональному союзу	Год поступления на службу в музей, должность, профессиональная деятельность / служба после работы в музее	Социально-демографические характеристики
1.	**Ауэрбах Николай Константинович** / в 1920 г. – 28 лет / беспартийный / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Штатный сотрудник с 1 мая 1921 г. по 1924 г. Должность – научный сотрудник. Оставаясь «добровольным» сотрудником в связи с сокращением штатов, перешел на работу в Енисейскую ихтиологическую лабораторию на должность химика лаборатории. В сентябре 1926 г. уехал в Новосибирск Был назначен ученым секретарем научно-исследовательского бюро при Сибкрайплане, заведующим Сибирской книжной палатой, директором научной библиотеки Общества изучения Сибири.	Родился 14 марта 1892 г. в с. Илево Нижегородской губернии. Из древнего дворянского рода Ауэрбахов. Окончив в 1910 г. Красноярскую мужскую гимназию, уехал в Москву, одновременно поступил в два учебных заведения – Императорский Московский университет на юридический факультет и в частный Московский археологический институт. Обучение завершил в 1914 г., защитив диссертацию по теме «Типы каменных стрел урочища Бор, близ г. Красноярска Енисейской губернии» (научный руководитель: В.А. Городцов), получил квалификации юриста и археолога. Летом и осенью 1919 г. выезжал в партизанские районы Минусинского фронта во главе специально оборудованной полевой типографии, выпускал и распространял

[725] составлено автором по: ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 11. ЛЛ. 4–37; ФР-796. Оп. 1. Д. 27. Л.1–3; ФР-93. Оп. 1. Д. 22. Л. 100об.; Д. 29. Л. 17; ФР-93. Оп. 4. Д. 18. ЛЛ. 47–49; НА КККМ. Оп. 01. Д. 356, Д. 357, Д. 358, Д. 360, Д. 361, Д. 363; Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. С. 33; Строй Л.Р. Деятельность живописца Д.И. Каратанова в контексте становления художественного образования Красноярска и творческих процессов Сибири // Искусство Евразии. 2023. № 1 (28). С. 174–185; Миронова О.Н. Сотрудница музея Елена Юдина (по материалам научного архива и фондов красноярского краевого краеведческого музея) // X Юдинские чтения. Красноярск: ГУНБ КК, 2023. С. 319–327; Федотова М.М. Всеволод Афанасьевич Смирнов: краевед и педагог // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. 2018. С. 85; Вдовин А.С., Бобрик И.Е. Отделение церкви от государства в Енисейской губернии (1920 – 1923 гг.): музейный аспект // Известия лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4 (25). С. 176–184; Беркутов Порфирий Павлович – https://sarlib.ru/electronic_library_sarapul_quot/detail.php?ID=167

			белогвардейские листовки и газеты среди крестьян. В этот период были опубликованы: «Несколько слов о библиографии Енисейской губернии», «О библиотеке Юдина», «К 30-летию Красноярского музея», рецензии на новые книги, посвященные освоению Енисейского Севера. Совместно с Г.П. Сосновским провел археологические исследования в окрестностях Красноярска. Большую часть периода 1920 – 1921 гг. вместе с В.И. Громовым (служившим в армии Колчака), участвовал в экспедиции Н.Н. Урванцева в малолюдных районах Приенисейского севера – Норильском каменноугольном районе. В рассматриваемый период жил с семьей по адресу: ул. Маркса, 14.
2.	**Башмаков Виктор Николаевич** / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Штатный сотрудник с осени 1921 г. Должность – сотрудник-практикант. Вместе Е.Л. Юдиной помогал заведующему отдела русского быта в прошлом и настоящем А.А. Савельеву в группировке и ревизии коллекций отдела, произвел регистрацию части поступлений отдела, начал составление карточного предметного и географического указателя к коллекциям отдела русской этнографии. С 1923 г. исполнял обязанности секретаря музея. В связи с сокращением штатов, с 1925 г. перешел на должность наблюдателя Енисейской ихтиологической лаборатории.	Из крестьян.
3.	**Беркутов Порфирий Павлович** / в 1920 г. 47 лет / беспартийный	Штатный сотрудник в 1920 г. Должность – научный сотрудник. Вместе с А.Я. Тугаринов и В.И. Медяковым входил в состав Енисейской губернской комиссии по делам музеев (создана 8.03.1920). В течение весны-лета 1920 г. производил осмотр церквей г. Красноярска и некоторой части Красноярского уезда.	Художник. Организатор музея в г. Сарапуле. «Судьбы Порфирия Павловича и его супруги Веры Николаевны в советское время неизвестны. Уехав из родного города, он жил, по воспоминаниям С.Д. Бехтерева, где-то в Поволжье. По другим данным – в Ленинграде. Дата его смерти – 1941 год – приводится историком Е.Ф. Шумиловым». (1873 – 1941?)

4.	**Водрацка Иосиф** / в 1921 г. 45 лет	штатный сотрудник с января по июнь 1921 г. Должность – служитель.	Подданный Австро-Венгрии. Военнопленный, бывший обер-лейтенант, заключенный Красноярского концлагеря, номер регистрационной карточки 1986, утрата трудоспособности – 80%.
5.	**Воронов Павел Трефильевич** / в 1920 г. 43 года / беспартийный / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Штатный сотрудник с 1 мая 1920 г. Должность – сотрудник-практикант. Профессиональные обязанности – изготовление моделей и звероловных снаряжений.	Родился в 1877 г. в с. Кежма Енисейской губернии. В рассматриваемый период жил по адресу: пр. Ленина (бывш. Благовещенская), 122. Семья проживала в с. Кежме.
6.	**Дараган Сергей Иннокентьевич** / в 1920 г. 45 лет / беспартийный / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Штатный сотрудник с конца 1920 г. Должность – заведующий отделом русского быта в прошлом и настоящем.	Родился в 1875 г. в Москве. Специалист по истории искусств. На военном учете не состоял.
7.	**Дмитриев Михаил Александрович** / в 1920 г. 17 лет / беспартийный / член Всесоюзного Профессиональн	Штатный сотрудник с 1 мая 1920 г. Должность – сотрудник-практикант. С 1 февраля 1921 г. выполнял работу по отделу этнографии (после отъезда И.В. Тюшнякова в Казанский университет), с 1925 г. и.д. заведующего отдела этнографии туземцев. На конец рассматриваемого периода: стаж музейной работы 6 лет.	Родился в 1903 г. в Новгороде, из мещан. Состоял на военном учете. В рассматриваемый период жил по адресу: ул. Октябрьская, 6.

	ого союза работников просвещения		
8.	**Душ Франц (Францевич)** / в 1920 г. 32 года	Штатный сотрудник с 16 ноября 1920 г. по 21 декабря 1921 г. Должность – научный сотрудник.	Родился в 1888 г. в Венгрии. По образованию антрополог. Военнопленный, бывший поручик, заключенный Красноярского концлагеря №2, номер регистрационной карточки 279, утрата трудоспособности – 50%. В рассматриваемый период жил по адресу: пер. Искусств.
9.	**Жураўская Эмилия Францевна** / в 1920 г. 47 лет / беспартийная	Штатная сотрудница с 1917 г. Смотритель с 6 января 1920 г. по 1921 г. Эмигрировала в 1921 г.	Родилась в 1873 г. в г. Митава, Латвия, Курляндской губернии. В рассматриваемый период жила с семьей по адресу: Старо-базарная площадь, 2 (в здании музея).
10.	**Каратанов Дмитрий Иннокентьевич** / в 1920 г. 46 лет / член Всесоюзного Профессиональ ного союза работников просвещения	«Добровольный» сотрудник музея с 1906 г., штатный сотрудник с 16 ноября 1920 г., должность – научный сотрудник-художник с 1 мая 1921 г. Проработал в музее до 1940 г.	Родился в 1874 г. в с. Аскыз Минусинского уезда Енисейской губернии. Окончил Красноярское городское училище. По совету В.И. Сурикова, поступил в Императорскую Академию художеств, где 3 года проучился у А.И. Куинджи. Не смог окончить полный курс из-за финансовых проблем. После открытия в городе первой в Сибири рисовальной школы, с 1910 г. преподавал рисование. В этой же школе работал архитектор Л.А. Чернышов. Столбист. В рассматриваемый период жил с семьей по адресу: ул. Октябрьская (бывш. Кузнечная), 21.
11.	**Коновалова Евгения Петровна** / в 1920 г. 23 года / беспартийная / член Всесоюзного Профессиональ ного союза работников просвещения	Штатная сотрудница с 1 марта 1920 г. по 1922 г. В 1920 г. работала в библиотеке музея, занималась фактической проверкой наличия книг. Сумела найти большую часть отсутствовавших в библиотеке книг («после кропотливых поисков в разных записях, путем личных опросов»).	Родилась в 1897 г. в г. Красноярске. Окончила 8 классов Красноярской женской гимназии. В рассматриваемый период жила по адресу: ул. Урицкого (бывш. Песочная), 132.

12.	**Красноженова Мария Васильевна** / в 1920 г. 49 лет / беспартийная / член Всесоюзного Профессиональ ного союза работников просвещения	Основательница Педагогического музея. «Добровольная» сотрудница музея с 1912 г.; штатная сотрудница с 23 февраля 1920 г., член Наукома. Должность – заведующая отделом печати, с 1921 г. заведующая отделом Старый Красноярск (переименован в отдел Город в 1925 г.). Организовывала работу отделов, записывала песни, частушки, наговоры в деревнях Красноярского округа. Работы велись без специально выделенных ассигнований. На конец рассматриваемого периода: стаж музейной работы 26 лет, педагогической – 30 лет.	Родилась в 1871 г. в с. Бирюса Иркутской губернии в семье чиновника. В 1885 г. увлеклась сбором фольклорного материала. В 1890 г. окончила 8 классов Красноярской женской гимназии. Преподаватель географии Красноярской женской гимназии. С 1912 по 1920 гг. выполняла работы в библиотеке музея. По инициативе М.В. Красноженовой курс «Сибиреведение» был включен в школьные программы губернии. В рассматриваемый период жила по адресу: ул. Урицкого (бывш. Песочная), 73.
13.	**Мамеев Степан Николаевич** / в 1920 г. 61 год	Штатный сотрудник с января 1920 г. Должность – заведующий историческим архивом. 11 августа 1920 г. перешел на работу в созданное в соответствии с приказом Енисейского Губревкома Енисейское губернское управление архивным фондом (затем Енисейское губернское управление архивным делом).	Родился в 1859 г. в с. Усть-Питском Енисейского уезда Енисейской губернии.
14.	**Медяков В.И.**	Штатный сотрудник в 1920 г. Должность – заведующий отделом русского быта в прошлом и настоящем. Вместе с А.Я. Тугариновым вошел в состав Енисейской губернской комиссии по делам музеев (создана 8 марта 1920 г.). В течение весны-лета 1920 г. вместе с П.П. Беркутовым произвел осмотр церквей г. Красноярска и некоторой части Красноярского уезда.	-
15.	**Мергарт Геро (фон / Вальтерович)** / в 1920 г. 34 года	Штатный сотрудник с февраля 1919 г. по весну 1921 г. Должность – заведующий отделом доисторической археологии.	Родился в 1886 г. в г. Брегенц. Подданный Австро-Венгрии. Немец. По образованию археолог. Военнопленный, подпоручик, степень утраты трудоспособности 80%, номер регистрационной карточки 1114. В рассматриваемый период жил по адресу: Старо-базарная площадь, 2 (в здании музея).

16.	**Миклашевская Генрика Павловна** / в 1920 г. 49 лет	«Добровольный» сотрудник музея с 1912 г. В 1924-1925 гг. в деревнях Красноярского округа собирала образцы возделываемых и диких растений для пополнения экспонатов отдела. Работы велись без специально выделенных ассигнований. Штатный сотрудник музея с 1925 г. Должность – заведующая отделом сельского хозяйства и экономики. На конец рассматриваемого периода: стаж музейной работы 12 лет.	Родилась в 1871 г. Выпускница частной женской гимназии. По образованию ботаник. По причине «политической неблагонадежности», была выслана в село Казачинское Енисейской губернии. После окончания ссылки, переехала в Красноярск и стала сотрудничать в музее. Во время Урянхайской экспедиции, помимо сбора материла, вела наблюдения за обычаями местных монгол.
17.	**Новодворская Мария Викторовна** (в 1920 г. 24 года)	Штатная сотрудница с 1 ноября 1920 г. по 1921 г. Должность – сотрудница-практикантка. После отъезда на родину Геро фон Мергарта исполняла обязанности заведующей отделом доисторической археологии.	Родилась в 1896 г. в Красноярске. Окончила 8 классов Красноярской женской гимназии. В рассматриваемый период жила с семьей по адресу: ул. Советская, (бывш. Большая) 34. Эмигрировала в 1921 г.
18.	**Пальмин Михаил Иванович** / в 1921 г. 39 лет / беспартийный / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	В 1920 г. член Наукома. Штатный сотрудник музея с 1 декабря 1921 г. Должность – заведующий книгохранилища. В 1923 г. участвовал в редакции труда В.П. Косованова «Библиография Приенисейского края»; исполнял обязанности директора музея. Проработал в музее до 1924 г. На конец рассматриваемого периода: беспартийный, стаж музейной работы 20 лет.	Родился в 1882 г. в с. Белый Яр Ачинского уезда Енисейской губернии, русский, сын сельского священника, родители умерли. 7 братьев, 2 проживали в г. Красноярске. Окончил Красноярскую Духовную Семинарию, Казанский ветеринарный институт. В армии не служил по болезни. С 1917 г. по 1918 г. – библиотека Казанского ветеринарного института, с 1918 г. по 1920 г. – библиотека Енисейской губернской Земельной Управы. Из биографии: «В партиях не состоял и работы политической активной до революции и во время ея не вел. В жизни научных обществ (Общество врачей Енисейской губернии, Географическое общество) участие принимал: состоял в первом – выборным библиотекарем, во втором – членом совета. Под судом не был, репрессиям не подвергался». Холост.
19.	**Пангерль Ганс** / в 1921 г. 45 лет	Штатный сотрудник с января по июнь 1921 г. Должность – служитель.	Подданный Австро-Венгрии. Военнопленный, бывший лейтенант, номер регистрационной карточки 1913, утрата трудоспособности – 80%.
20.	**Португалова П.А.**	Штатная сотрудница в 1921 г. Должность – и.д. заведующего зоологическим отделом.	-

21.	**Савельев Антон Антонович** / в 1920 г. 47 лет / беспартийный	«Добровольный» сотрудник музея с 1914 г. Штатный сотрудник музея с 16 октября 1920 г. Должность – научный сотрудник. В 1921–1922 гг. заведующий отделом русского быта в прошлом и настоящем. Провел этнографические экспедиции по рр. Кеть и Чулым.	Информация о дате и месте рождения противоречивая. По одним данным, родился в 1873 в Санкт Петербурге; по другим – 29 марта 1875 г. в Витебской губернии в крестьянской семье. Окончил археологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. По причине «политической неблагонадежности», был выслан на поселение в Енисейскую губернию в 1909 г. В рассматриваемый период жил по адресу: ул. Урицкого, 86. Семья проживала в г. Острогожск, Воронежской губернии. В 1924 г. вернулся в Ленинград. Погиб в блокаду в 1942 г.
22.	**Скорик Дмитрий Козьмич**	Штатный сотрудник с 1924 г. Должность – сторож.	Из крестьян.
23.	**Скорик Феврония Осиповна**	Штатная сотрудница с 1925 г. Должность – сторожиха.	Из крестьян.
24.	**Смирнов Всеволод Афанасьевич** / в 1920 г. 42 года / Беспартийный / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Штатный сотрудник музея с 25 мая 1920 г. С 15 октября 1920 г., после ухода Н.С. Мамеева, заведующий Историческим архивом. Подготовил материалы к празднованию 300-летия Красноярска. В феврале-марте 1921 г. был арестован. С весны 1921 г. в периоды отсутствия А.Я. Тугаринова в г. Красноярске исполнял обязанности директора. Стаж педагогической работы 16 лет.	Родился в 1878 г. в г. Томске. Отец – Афанасий Григорьевич Смирнов – после открытия в 1886 г. в Красноярске женского епархиального училища, служил преподавателем пения и псалмов. Мать – Целия Ивановна, знала несколько языков, играла на музыкальных инструментах. В 1903 г. окончил Историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1903 г. поступил в Санкт-Петербургский археологический институт. Свободно владел английским, немецким, французским. В период с 23 сентября по 23 ноября 1919 г. числился рядовым Белой армии. В 1919 г. был избран Городской думой на должность заведующего Отделом народного образования. После восстановления Советской власти, остался только на должности декана народного университета. 13 февраля 1921 г. В.А. Смирнов был арестован, однако обвинение ему предъявлено не было, и после проведения допроса его отпустили. По совместительству работал преподавателем педагогического института. В рассматриваемый период жил с семьей (супруга – Л.В.

			Смирнова) по адресу: ул. Советская, 32. 8 января 1931 г. был арестован по ст. 58-10 УК РСФСР (по обвинению в антисоветской пропаганде, которую содержали его книги и статьи) и осужден сроком на 3 года. Отбывал наказание в Томском Сиблаге. В августе 1933 г. скончался (воспаление брюшины). Реабилитирован Постановлением Красноярского краевого суда № П-9118 от 28 июня 1958 г.
25.	**Смирнова Лидия Владимировна** / в 1921 г. 39 лет / беспартийная / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Штатная сотрудница с 1 июня 1921 г. по начало 1922 г. Должность – научный сотрудник. Работала в историческом архиве. Секретарь кружка «Старый Красноярск».	Родилась в 1882 г. в г. Гапсаль. По образованию педагог. В рассматриваемый период жила с семьей (супруг – В.А. Смирнов) по адресу: ул. Советская, 32.
26.	**Соболев Александр Николаевич** / в 1920 г. 32 года / беспартийный / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	«Добровольный» сотрудник музея с 1914 г.; штатный сотрудник музея с 23 января 1920 г. Должность – заведующий геологическим отделом; член Наукома. На момент восстановления Советской власти состоял в списке офицеров резервистов (в резерве 5 армии), закрепленных за музеем, оставлен под ответственность Коллегии музея как «единственный геолог». Состоял на особом учете белых офицеров, зарегистрирован в Красноярском особом отделе ВЧК 25-26 октября 1920 г, снят с учета в 1924 г. После отъезда А.Я. Тугаринова назначен директором музея с 1 января 1926 г. На конец рассматриваемого периода – стаж музейной работы 6 лет.	Родился в 1888 г. в г. Енисейске Енисейской губернии в семье служащего. Окончил Естественный факультет Московского горного университета им. Шанявского. После окончания военного училища служил младшим офицером (лаборантом) в химической лаборатории Московского военного округа. После демобилизации вернулся в Красноярск. В 1918 г. был мобилизован в армию Колчака, в течении 11 месяцев в чине прапорщика занимал должность помощника начальника команды Красноярского военного госпиталя. В рассматриваемый период жил с семьей (жена, 2 детей и мать) по адресу ул. Маркса (бывш. Гостинская), 39. Погиб в 1930 г. Причины самоубийства – не установлены.

27.	**Соловьева Марфа Дмитриевна** / в 1920 г. 30 лет / беспартийная / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Штатная сотрудница с 20 ноября 1920 г. Должность – сотрудница-практикантка, затем и.д. заведующего отделом сельского хозяйства и промышленности. В 1924-1925 гг., пользуясь очередным отпуском, собирала сведения о туземном населении Канского уезда, доставила в музей гербарий. Работы велись без специально выделенных ассигнований.	Родилась в 1890 г. в с. Никольское Нижнеудинского уезда Замайской волости. По происхождению – мещанка. Окончила 8 классов Красноярской женской гимназии. В рассматриваемый период жила по адресу: пр. Ленина (бывш. Благовещенская), 60.
28.	**Ставровский Николай Александрович** / в 1920 г. 56 лет / беспартийный / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Штатный сотрудник с 23 апреля 1920 г. Должность – делопроизводитель.	Родился в 1864 г. в Красноярске в семье чиновника. В рассматриваемый период жил по адресу: Советская, 58.
29.	**Тугаринов Аркадий Яковлевич** / в 1920 г. 40 лет / беспартийный / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Директор музея с 1905 г. по 1926 г. На конец рассматриваемого периода: стаж музейной работы 26 лет. В 1926 году из Ленинграда от академика П.П. Сушкина поступило приглашение на работу в Зоологический музей Академии наук.	Родился в г. Саратове в 1880 г. в семье земского служащего из дворян. Окончил саратовское Александро-Мариинское реальное училище. До поступления на службу в музей, работал в Статистическом отделе Саратовской губернской земской управы, затем в почвенной лаборатории управы. Занялся исследованиями местной флоры и фауны. Три года проработал преподавателем почвоведения в местном Землемерном училище, затем в музее Саратовского общества естествоиспытателей. Опубликовал ряд работ по ботанике и геологии. Был разносторонне одаренным человеком: рисовал, пел, играл на фортепьяно. Хороший фотограф. Когда Красноярск посетил Фритьеф Нансен, ему на память подарили альбом с фотографиями окрестностей города, выполненными А.Я. Тугариновым. В рассматриваемый период жил с семьей (супруга: Вера Ивановна Тугаринова) по адресу: Старо-базарная

			площадь, 2 (в здании музея). Состоял на военном учете. Умер Аркадий Яковлевич Тугаринов в Ленинграде 8 июля 1948 года.
30.	**Тюшняков И.В.**	«Добровольный» сотрудник музея с 1918 г. Должность – заведующий отделом этнографии. Штатный сотрудник музея с января 1920 г. до 1 февраля 1921 г. Разработал план организации географического и этнографического отделов музея.	В 1915 г. изучал гидробиологию р. Енисей вблизи г. Красноярска. В 1916 г. совершил экспедицию в с. Дудинское и к енисейским остякам. В январе 1921 г. был приглашен на работу в Казанский университет ассистентом кафедры географии. Добравшись до г. Казани, не смог сразу найти квартиру и устроился в фотографическом кабинете университета. Через несколько дней И.В. Тюшнякова нашли без признаков жизни, вероятно, скончался от отравления угарным газом.
31.	**Утюпин Александр Галлактионович** / в 1921 г. – 44 года	Штатный сотрудник с 1 апреля 1921 г. Должность – препаратор.	Родился в 1877 г. в Красноярске. В рассматриваемый период жил с семьей по адресу: Октябрьская, 5.
32.	**Шеркус Анна Гавриловна** / в 1920 г. – 28 лет	Штатная сотрудница с 1 мая 1921 г. Из командировки 1921 г. привезла в музей книги из архивов Атамановской, Абаканской и Минусинской Соборной церквей, метрические книги, исповедные росписи, указы и распоряжения с 1725 г. и др.	Родилась в 1892 в Канске. По образованию педагог. В рассматриваемый период жила по адресу: ул. Марковского, 29. Семья проживала в г. Канске.
33.	**Ширмонова А.Н.**	Штатная сотрудница с 1925 г. Должность – служительница.	Из мещан.
34.	**Широкова Агния Николаевна**	Штатная сотрудница с 1921 г. Должность – сотрудница-практикантка.	Из крестьян.
35.	**Юдина Елена Леонидовна** / в 1920 г. – 20 лет / беспартийная / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Штатная сотрудница с 15 августа 1920 г. Должность – машинистка. Вместе с В.Н. Башмаковым помогала заведующему отдела русского быта в прошлом и настоящем А.А. Савельеву в группировке и ревизии коллекций отдела, провела инвентаризацию коллекции, привезенной А.А. Савельевым после экспедиции на р. Ангару. Провела выборку и составила 500 карточек статей и работ по этнографии из журналов «Сибирская живая	Родилась в 1903 г. в с. Балахта Ачинского уезда, Енисейской губернии. Окончила 7 классов 1-й Красноярской женской гимназии, училась в Красноярском индустриальном техникуме на промышленно-экономическом отделении, в 1924 г. закончила три курса Красноярского земельного политехникума. «Дочь почетного гражданина», старшая внучка купца и библиофила Г.В. Юдина. В рассматриваемый период жила с семьей по адресу: ул. Советская, 28.

		старина» и «Этнографическое обозрение». С сентября 1921 г. и.д. заведующего отделом этнографии. С 1924 г. – каталогизатор. На конец рассматриваемого периода стаж музейной работы 6 лет. Проработала в музее до 20 мая 1933 г.	
36.	**Яворский Александр Леопольдович** / в 1920 г. – 31 год / беспартийный / член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	«Добровольный» сотрудник музея с 1908 г.; штатный сотрудник с 1915 г.; с 6 января 1920 г. – заведующий ботаническим отделом. В 1920 г. секретарь Наукома. С 1925 г. директор заповедника Столбы.	Родился в 1889 г. в Иркутске в семье чиновника. Закончил Красноярскую мужскую гимназию. Высшее образование получил на естественно-математическом факультете Киевского университета. Столбист. С 1909 г. участвовал в экспедициях музея в Минусинский уезд и на р. Чулым. С сентября 1916 г. по май 1917 г. служил рядовым. Состоял на военном учете. В рассматриваемый период жил с семьей (жена, двое детей) по адресу ул. Богрaда, 37.
37.	**Яворский Виктор Леопольдович** / в 1920 г. – 46 лет	Штатный сотрудник с 1 апреля 1920 г. Должность – научный сотрудник.	Родился в 1874 г. в г. Киеве. Высшее образование получил на юридическом факультете Киевского университета. Стаж педагогической работы 3 года (преподаватель законоведения). В рассматриваемый период жил с семьей по адресу: ул. Лебедевой (бывш. Малокачинская), 71.
38.	**Яковлев Е.И.**	Штатный сотрудник с февраля по май в 1920 г. Должность – заведующий зоологическим отделом. Фаунист. Прикомандирован к музею Гидрографическим отрядом. В течении летного периода во время работы отряда в низовьях Енисея, «коллектировал для музея по зоологии», с конца октября 1920 г. был вторично прикомандирован к музею, исполнял обязанности хранителя отдела. В 1921 г. вел работы по хранению и регистрации экспонатов зоологического отдела.	-

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ МУЗЕЮ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Таблица 1. **Штат Государственного музея Приенисейского края в 1920 году**[726]

№№	Должность	ФИО
1.	Директор музея	*Тугаринов А.Я.*
2.	Заведующий геологическим отделом	*Соболев А.Н.*
3.	Заведующий ботаническим отделом и секретарь Музея	*Яворский А.Л.*
4.	Заведующий зоологическим отделом	Яковлев Е.О.
5.	Заведующий отделом доисторической археологии	*Мергарт Геро фон*
6.	Заведующий отделом этнографии	*Тюшняков И.В.*
7.	Заведующий отделом русского быта в прошлом и настоящем	Медяков В.И.
		Дараган С.И.
8.	Заведующий отделом сельского хозяйства и промышленности	*Ермолаев В.П.*
9.	Заведующий отделом печати	*Красноженова М.В.*
10.	Заведующий историческим архивом	Мамеев С.Н.
		Смирнов В.А.
11.	Научный сотрудник	Беркутов П.П.
12.	Научный сотрудник	Морозов В.Г.
13.	Научный сотрудник	Емельянова Н.А.
14.	Научный сотрудник	*Савельев А.А.*
15.	Научный сотрудник	Душ Ф.Ф.
16.	Научный сотрудник	Бовкович-Рейнбот Я.М.
		Каратанов Д.И.
17.	Сотрудник-практикант	Коновалова Е.П.
18.	Сотрудник-практикант	Сосновский Г.П.
		Воронов Т.П.
19.	Сотрудник-практикант	Дмитриев М.А.
20.	Сотрудник-практикант	Новодворская М.В.
21.	Сотрудник-практикант	Соловьева М.Д.
22.	Делопроизводитель	Ставровский Н.А.
23.	Машинистка	Багриновская Б.К.
		Юдина Е.Л.
24.	Заведующий хозяйством	Миронов И.Я.
25.	Служитель	*Журауская Э.А.*

Таблица 2. **Штат Государственного музея Приенисейского края в 1921 году**[727]

№№	Должность	ФИО
1.	Директор музея	*Тугаринов А.Я.*
2.	Заведующий геологическим отделом	*Соболев А.Н.*
3.	Заведующий ботаническим отделом	*Яворский А.Л.*
4.	И.о. заведующего зоологическим отделом	Португалова П.А.
5.	Заведующий отделом доисторической археологии	*Мергарт Геро фон*
		Новодворская М.В.
		–

[726] Составлена автором по: КККМ. Оп. 01. Д. 357. ЛЛ. 2–3. Курсивом выделены сотрудники, работавшие в музее до 1920 года.

[727] Составлена автором по: НА КККМ. Оп. 01. Д. 358. ЛЛ. 1–2. Курсивом выделены сотрудники, работавшие в музее до 1921 года.

6.	Заведующий отделом этнографии	*Тюшняков И.В*.
		Дмиртриев М.А.
		Юдина Е.Л.
7.	Заведующий отделом русского быта в прошлом и настоящем	*Савельев А.А.*
8.	Заведующий отделом сельского хозяйства и промышленности	*Соловьева М.Д.*
9.	Заведующий отделом печати	*Красноженова М.В.*
		Шеркус А.Г.
10.	Заведующий историческим архивом	*Смирнов В.А.*
11.	Заведующий отделом Старого Красноярска	*Красноженова М.В.*
12.	Заведующий отделом искусства и художественной старины	*Дараган С.И.*
13.	Книгохранилище	Пальмин М.И.
14.	Научный сотрудник	*Яворский А.Л.*
15.	Научный сотрудник	Смирнова Л.В.
16.	Научный сотрудник	Емельянова Н.А.
17.	Научный сотрудник	Ауэрбах Н.К.
18.	Научный сотрудник	*Душ Ф.Ф.*
19.	Научный сотрудник	Каратанов Д.И.
20.	Сотрудник-практикант	*Новодворская М.В.* *Коновалова Е.П.* *Дмитриев М.А.* *Воронов Т.П.* *Соловьева М.Д.* Шеркус А.Г. Башмаков В.Н. Широкова А.Н.
21.	Делопроизводитель и фотограф	*Ставровский Н.А.*
22.	Машинистка	*Юдина Е.Л.*
23.	Заведующий хозяйством	*Миронов И.Я.* Лукьянов И.А.
24.	Служитель	Жураuская Э.А. Куклова Е.В. И. Водрацка Г. Пангерль Иванова А.М.

Таблица 3. **Штат Государственного музея Приенисейского края в 1923 – 1926 гг.**[728]

№№	Должность	1922-1923 гг.	1924-1925 гг.	1926 г.
1.	Директор музея	*Тугаринов А.Я.*	*Тугаринов А.Я.*	*Соболев А.Н.*
2.	Заведующий отделом геологии и палеонтологии	*Соболев А.Н.*	*Соболев А.Н.*	*Соболев А.Н.*

[728] Составлена автором по: КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л.7; Д. 363. Л.1; ГАКК. ФР-93. Оп.4. Д.18. Л.6. Курсивом выделены имена сотрудников, работавших в Музее до 1922 г.

3.	Заведующий отделом ботаники	*Яворский А.Л.*	*Яворский А.Л.* *Тугаринов А.Я. (и.д.)*	*Яворский А.Л.*
4.	Заведующий отделом этнографии	*Юдина Е.Л. (и.д.)*	*Дмитриев М.А.*	*Дмитриев М.А.*
5.	Заведующий отделом Старого Красноярска и отдела искусства им. В.И. Сурикова → с 1925 г. историко-бытовым и художественным отделом → с 1926 г. отделом Город	*Красноженова М.В.*	*Красноженова М.В.*	*Красноженова М.В.*
6.	Заведующий отделом сельского хозяйства и экономики	*Соловьева М.Д. (и.д.)*	*Миклашевская Г.П.*	*Миклашевская Г.П.*
7.	Заведующий отдела печати	-	*Широкова А.Н.*	*Широкова А.Н.*
8.	Заведующий книгохранилищем	*Пальмин М.И.*	*Пальмин М.И.*	*Пальмин М.И.*
9.	Секретарь → с 1926 г. Служитель	*Башмаков В.Н.*	*Соловьева М.Д.*	Черных И.В.
10.	Заведующий хозяйством, делопроизводитель, фотограф, казначей	*Ставровский Н.А.*	*Ставровский Н.А.*	*Кудрявцев А.В.*
11.	Сотрудница-практикантка → с 1924 г. каталогизатор и машинистка → с 1926 г. заведующий отделом русского быта	Широкова А.Н.	*Юдина Е.Л.*	*Юдина Е.Л.*
12.	Сотрудник-практикант → с 1924 г. сторож и курьер	*Дмитриев М.А.*	*Скорик Д.К.*	*Скорик Д.К.*
13.	Сторож → с 1925 г. служитель	*Скорик Д.К.* *Скорик Ф.О.*	*Скорик Ф.О.*	Ширмонова А.Н.

До сентября 1926 г. волонтерами Музея оставались Ауэрбах Н.К., Громов В.И., Сосновский Г.П. (отдел геологии и палеонтологии), Петров В., Протоповов В. (отдел геологии и палеонтологии), Смирнов Б.П. (книгохранилище) – попытки А.Н. Соболева добиться штатных единиц оказались безуспешными.

Таблица 4. **Динамика развития фондов отдела Старый Красноярск Государственного музея Приенисейского края в 1920 – 1922 гг.**[729]

№№	Наименование экспонатов	Количество экспонатов по состоянию на	
		1.01.1921	1.01.1922
1.	Планы и реконструкции старых построек Красноярска	17	35
2.	Предметы обстановки	84	164
3.	Утварь, посуда	36	151
4.	Принадлежности освещения	22	34
5.	Образцы материй, кружев и пр.	9	22
6.	Образцы рукоделий	19	9
7.	Костюмы и принадлежности к ним (женские)	23	32
8.	Костюмы и принадлежности к ним (мужские)	17	27
9.	Головные уборы	14	19
10.	Принадлежности туалета	1	19
11.	Принадлежности постельные	2	5
12.	Принадлежности курения	3	5
13.	Музыкальные инструменты	3	3
14.	Предметы обстановки учреждений	21	21
15.	Значки и эмблемы	9	142
16.	Разное	16	20
17.	Фотографии	437	1258
18.	«Уголок Сурикова»	--	31
ВСЕГО		743	1977

Таблица 5. **Динамика развития отдела печати Государственного музея Приенисейского края в 1920 – 1922 гг.**[730]

			Названия		Томов	
			К концу 1920 г.	На 1 января 1922 г.	К концу 1920 г.	На 1 января 1922 г.
Енисейская губерния	Периодические издания	Красноярск	138	159	273	294
	Периодические издания	Уездные города	273	74	67	85
	Повременные издания	Красноярск	715	964	862	1210
	Повременные издания	Уездные города	154	195	207	249
	Плакаты	Красноярск	26	97	26	97
	Листовочный материал	Красноярск	--	6412	--	6412
	Листовочный материал	Уездные города	--	2304	--	2304
Сибирь	Периодические издания		259	446	474	668
	Повременные издания		61	245	61	277
	Плакаты		--	19	--	19
	Периодические издания		12	718	12	905
	Повременные издания		1176	1661	1195	1683

[729] Составлена автором по: КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 28; Д. 358. Л. 56.
[730] Составлена автором по: КККМ. Оп. 01. Д. 357. ЛЛ. 32–34; Д. 358. ЛЛ. 58–62.

Европейс-кая Россия	Плакаты	--	263	--	263
Всего		2597	13557	3177	14466

Таблица 6. **Перечень тем научных докладов, прозвучавших на заседаниях коллегии Государственного музея Приенисейского края в первой половине 1920-х гг.**[731]

Период / количество докладов	Сотрудники музея	Представители научной общественности
1920–1921 гг. / 20 докладов	Тугаринов А.Я. Итоги работы Музея за 1920 г. Мамеев С.Н. Архив упразднённого Енисейского Губернского управления. Савельев А.А. Из историко-архивных мелочей г. Енисейска и его уезда; Последние дни М.В. Петрашевского; Поездка на реку Ангару летом 1921 г; Одежда в Приангарье в конце прошлого столетия. Геро фон Мергарт. Археологическое исследование Приенисейского края в последние два года. Ауэрбах Н.К. Об академической жизни Иркутска; Поездка на Север губернии. Тюнин М.С. О Енисейском музее; Поездка на север Енисейской губернии. Франц Душ. Антропологические работы на устье р. Подкаменной Тунгуски. Соболев А.Н. Поездка на р. Яру и Танаму /Туруханский край/; О языке юраков.	Сергеев С.М. О черепе (неразборчиво) в связи с посмертными изменениями костей. Козлов П.К. О современном состоянии и деятельности русских и заграничных научных учреждений. Троицкий Г.Я. О современном состоянии русского искусства; О работах I-ой Всероссийской конференции в Москве. Теплоухов С.А. Об археологических раскопках в Минусинском уезде летом 1921 г. Березовский А.И. (с 1920 г. заведующий Енисейской ихтиологической лаборатории); О значении возрастного и полового отличий в теории и практике ихтиологии; Работы ихтиологической экспедиции в низовья Енисея летом 1921 г.
1923 г. / 9 докладов	Тугаринов А.Я. О завоеваниях современной науки. Пальмин М.И. Оленеводство Туруханского края и его нужды. Соболев А.Н. О поездке к устью Танамы.	Федоров Н.С. Поездка по Урянхайскому краю. Шнейдер А.Н. Условия хозяйственной деятельности человека Приенисейского края. Березовский А.И. Работы по ихтиологии на р. Енисее; О научных работах по ихтиологии за 2 года. Окушко Б.В. О районировании Приенисейского края. Обручев С.В. О Тунгусском угленосном бассейне.

[731] Составлена автором по: КККМ. Оп. 01. Д. 358. ЛЛ. 5–7; Д. 360. Л. 8; Д. 364. Л. 8–9.

1925–1926 гг. / 22 доклада	Тугаринов А.Я. Поездка к камасинцам. Летняя экспедиция в Канский округ. Кудрявцев А.В. Наблюдения и впечатления от поездки по Канскому округу. Соболев А.Н. Геологические работы в Минусинском округе; Памятники земли и их чтение. Соловьева М.Д. О поездке в село Тины. Красноженова М.В. Работа по фольклору в село Ботое; Сибирские мотивы в творчестве Сурикова. Яворский А.Л. Гос. заповедник «Столбы» в прошлом, настоящем и будущем. Дмитриев М.А. Русское население Туруханского края.	Ауэрбах Н.К. О поездке в Минусинский округ; Предварительный анализ каменной и костяной индустрии из раскопок Афонтовой горы; Раскопки на Бирюсе. Громов В.И. Результаты летних археологических работ в окрестностях Красноярска; О древности стоянок в окрестностях Красноярска. Елисеев. Демонстрирование оригинала составленной им десятиверстной карты Приенисейского края Ксенофонтов. О поездке в Хакасский округ. Боровский. По пустыням Джунгарии. Березовский А.И. Перспективы консервирования рыбы и дичи в условиях Сибирского Севера. Федоров. Поездка на озеро Шира. Лаппо Д.Е. Жизнь и творчество Сурикова. Каратанов Д.И. Воспоминания о Сурикове. Буряков и Лебедев. Песцовый заповедник в Туруханском крае. Сосновский Г.П. Раскопки могил близ улуса Орак Хакасского округа.

Таблица 7. **Типология отзывов посетителей выставок Государственного музея Приенисейского края в первой половине 1920-х гг.**

ОТЗЫВЫ			
Личные		Коллективные	
Краткие	Развернутые	Краткие	Развернутые
Характеризующие			
Благодарственные	Критикующие		Рекомендательные
Дескриптивные			
Положительные эмоции	Актуальность для когнитивного развития	Актуальность для эстетического развития	

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ МУЗЕЙНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Таблица 1. **Штат Педагогического музея г. Красноярска в первой половине 1920-х гг.**[732]

№	ФИО	Должность	Партийность/образование
1.	Смирнова Калерия Александровна	Заведующая музеем	Беспартийная. Учительница
2.	Заводовская Анна Венедиктовна	Заведующая отделом выдач	Беспартийная. Учительница
3.	Шангина Евдокия Ивановна	Библиотекарь	Беспартийная. Учительница
4.	Терехина Татьяна Николаевна	Технический служащий	Беспартийная. Крестьянка

Таблица 2. **Динамика численности учреждений культурно-просветительного характера Енисейской губернии в начале XX в. – первой половине 1920-х гг.**[733]

№№	Учреждения	Количество учреждений				
		1914 г.	1920–1921 гг.		1925–1926 гг.	
		В городах губернии	Красноярск	Уездные города	Красноярск	Уездные города
1.	Музеи	6, из них 2 в Красноярске	2	4	2	5
2.	Драматические театры	6, из них 2 в Красноярске	2	4	2	4
3.	Кинотеатры (постоянно действующие)	11	2	6	2	4
4.	Клубы	4	Всего в городах губернии – 27		12	11
5.	Библиотеки (центральная и районные)	16 в Красноярске, в том числе частные	7	74	15	11
6.	Избы-читальни	75, из них 30 в Красноярске	-	200	-	-
7.	Пункты ликвидации неграмотности и школы малограмотных	Воскресные школы для взрослых – 6, из них в Красноярке – 3	8	622	22	45
8.	Школы политграмоты	-	2	1	45	5

[732] Составлено автором по: ГАКК. ФР-93. Оп. 4. Д. 18. Л. 7.

[733] Составлена автором по: ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. Л. 103; Д. 90. ЛЛ. 11, 117-118, 123, 206; Д. 334. Л. 13; Отчет о состоянии народного образования в Енисейской губернии IV-му губсъезду Советов, 1922, С. 26; Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (Конец 1917–начало 1921 гг.). Новосибирск: Наука, 1965. С. 270.

Таблица 3. **Динамика численности посетителей заповедника Столбы в 1920-е гг.**[734]

Период/ Посещаемость	1924-1925 гг.	1925-1926 гг.	1926-1927 гг.	1927-1928 гг.
Индивидуальные посетители	6000	8053	7637	7212
Количество экскурсий	68	24	13	35
Количество экскурсантов	4700	865	556	971

[734] Составлена автором по: ГАКК. ФР-1380. Оп. 1. Д. 29. Л. 21; Д. 45. Л. 18; Д. 57. Л. 50.

Таблица 4. **Социально-демографические характеристики сотрудников Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова в 1923–1926 гг.**[735]

№№	ФИО – должность	Дата рождения / место рождения / место проживания	Партийность / принадлежность к профессиональному союзу	Образование / происхождение	Стаж музейной работы на конец рассматриваемого периода
1	Кожанчиков Василий Дмитриевич – заведующий музеем и библиотекой; на должности с 15.12.1915 г. В 1920 г. 54 года.	1866 г.р. Ленинград Минусинск	Беспартийный, член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Высшее, зоолог / гражданин	44
2	Цыганков Семен Романович – старший помощник хранителя на должности с 01.11.1919 г. В 1920 г. 22 года.	1898 г.р. Могилевская губерния Минусинск	Беспартийный, член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Среднее, учительская семинария, научной специальности нет/ Крестьянин. Был в партизанах (Енисейская дивизия), уволен по близорукости в апреле 1919 г.	10
3	Кравченко Феодосий Петрович – помощник хранителя; на должности с 01.01.1920 г. В 1920 г. 21 год.	1898 г.р. Полтавская губерния Минусинск	Беспартийный, член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Среднее, учительская семинария/ крестьянин	7
4	Ворошилов Сергей Михайлович – помощник хранителя и библиотекаря; на должности с 20.03.1920 г. В 1920 г. 34 года.	1886 г.р. Минусинск Минусинск	Беспартийный, член Всесоюзного Профессионального союза работников просвещения	Среднее, Красноярская учительская семинария, библиотекарь/ крестьянин	7

[735] Составлена автором по: Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 20. Л.33; Д. 29. Л. 8; Д. 36. ЛЛ. 4, 23; Д. 48. Л.8.

5	Леонидов Александр Федорович – музейный служитель	-	-	Низшее/ -	1
6	Тришкина Прасковья Ивановна – сторожиха; на должности с августа 1917 г. В 1920 г. 48 лет.	-; Тамбовская губерния Минусинск	-	Низшее, чернорабочая, неграмотная/ крестьянка	11

Таблица 5. **Динамика численности посетителей Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова в 1923 – 1926 гг.**[736]

Год Месяц	Индивидуальные посетители			Организованные экскурсии						
									В том числе	
	Платные	Бесплатные	Итого	Количество экскурсий	Учащиеся I и II ступеней	Студенты	Красноармейцы и рабочие	Итого	Платные	Бесплатные
1923										
октябрь	-	-	-	5	-	-	-	140	-	-
ноябрь	-	-	-	4	-	-	-	76	-	-
декабрь	-	-	-	9	-	-	-	261	-	-
1924										
январь	-	-	-	5	-	-	-	118	-	-
февраль	-	-	-	3	-	-	-	137	-	-
март	-	-	-	9	-	-	-	267	-	-
апрель	-	-	-	11	-	-	-	365	-	-
май	-	-	-	13	-	-	-	1247	-	-
июнь	-	-	-	14	-	-	-	266	-	-
Июль	-	-	-	10	-	-	-	517	-	-
Август	-	-	-	4	-	-	-	156	-	-
Сентябрь	-	-	-	3	-	-	-	36	-	-
Итого	-	-	-	90	-	-	-	3586	-	-
1925										
октябрь	541	1233	1774	6	-	-	277	277	-	277
ноябрь	708	181	889	1	-	-	15	15	-	15
декабрь	352	152	504	2	63	-	-	63	-	63
1926										
январь	373	70	443	2	69	-	-	69	-	69
февраль	300	163	463	9	139	-	88	227	18	209
март	405	97	502	4	143	-	-	143	-	143
апрель	261	123	384	4	119	-	-	119	-	119
май	500	137	637	4	114	-	-	114	-	114
июнь	601	151	752	17	394	15	21	430	-	430
Июль	801	208	1009	6	48	19	34	101	-	101
Август	1118	319	1437	8	29	64	15	108	15	93
Сентябрь	800	157	957	8	100	103	27	230	15	215
Итого	6779	2991	9751	71	1218	201	477	1896	48	1848

[736] Составлена автором по: Минусинский музей. ФР-1. Оп. 1. Д. 24. Л.3об; Д. 36. Л. 6.

Таблица 6. **Динамика численности посетителей, сотрудников, экспонатов Енисейского научного музея им. А.И. Кытманова в 1921 – 1926 гг.**[737]

	1921–1922	1922–1923	1923–1924	1924–1925	1925–1926
Число индивидуальных посетителей	154	1249	3678	2548	4057
Количество экскурсий	-	-	16	19	28
Количество пользователей библиотекой и архивом	-	17	9	15	17
Число штатных сотрудников	3 →1	1	1	3	2
Численность экспонатов, сгруппированных по 5 отделам	-	24189	24416	24538	24892

Таблица 7. **Социально-демографические характеристики сотрудников Енисейского научного музея в 1925 – 1926 гг.**[738]

№№	ФИО	Должность	Специальность	Возраст	Стаж музейной работы
1.	Кытманов Николай Александрович	Заведующий музеем*	Агроном	36 лет	6 лет
2.	Черняков Василий Изотович	Служитель	-	-	1,5 года

*во время отсутствия Кытманова Н.А. замещал Ольвин Д.Д. – учитель школы II ступени г. Енисейска.

[737] Составлена автором по: ЕКМ. Отчет Енисейского музея за 1921 г. (с 1 января 1921 г. по 1 января 1922 г.); Отчет о состоянии и деятельности Енисейского научного музея с 1 октября 1922 по 1 октября 1923 гг.; Отчет о состоянии и деятельности Енисейского Научного музея имени Александра Игнатьевича Кытманова с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г.; Отчет о состоянии и деятельности Естественно-исторического и культурно-бытового Музея за 1924 – 1925 гг.; Отчет о состоянии и деятельности Естественно-исторического и культурно-бытового Музея за 1925 г.; Отчет о состоянии и деятельности Естественно-исторического и культурно-бытового Музея за 1926 г.

[738] Составлена автором по: ЕКМ. Отчет о состоянии и деятельности естественно-исторического и культурно-бытового музея. 1925 г. Л. 1об.